ВЕСТНИК ИНСТИТУТА КЕННАНА В РОССИИ

ВЫПУСК

16

Москва 2009

Научно-публицистическое издание
Выходит два раза в год

Издание осуществлено при финансовой поддержке Института Кеннана

Главный редактор:
Леокадия Дробижева

Редакционная коллегия:
Юрий Батурин
Эмиль Паин
Екатерина Алексеева (ответственный секретарь)

Над номером работали: Павел Королев, Галина Левина

Верстка: Любовь Алексенко

На обложке: Фрагмент Берлинской стены у здания Музея и общественного центра им. А. Сахарова в Москве. Фото Павла Королева

Адрес редакции:
Москва, ул. Волхонка 14, комн. 527,
РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции:
123001, Москва, а/я 90

Тел./факс: (495) 232-34-96

Электронный адрес:
katya.kennan@gmail.com

ISSN 1998-5800

Мнения, высказанные в опубликованных материалах, могут не совпадать с точкой зрения редакции

При перепечатке материалов
ссылка на «Вестник Института Кеннана в России» обязательна

© РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук», 2009

Содержание

К читателю 5

Культурное разнообразие и толерантность

Эмиль Паин
Толерантность как условие этнополитической интеграции (мировой и российский опыт) 7

Леокадия Дробижева
Толерантность и проблемы интеграции многокультурных обществ 16

Владимир Мукомель
Ксенофобия и насилие в России: современные и грядущие вызовы 29

Анатолий Круглашов
Украинское общество: интолерантность как расплата за гражданский конформизм 35

Константин Дьяконов
Политика интеграции иммигрантов во Франции: идеология и практики 43

Политические системы постсоветского типа

Александр Фисун
Постсоветская политика как неопатримониальный процесс 53

Александр Оболонский
Моральный крах геополитики и альтернативные цивилизационные парадигмы 63

Россия и Америка: к пониманию друг друга

Роль учебников в формировании взаимных репрезентаций русских и американцев
Дискуссия 74

Юрий Батурин
Несвершившаяся история: американцы и русские вместе на Луне
К 40-летию высадки астронавтов США на Луне 95

Город и время

Дмитрий Швидковский
Московская архитектурная сцена 99

Научная жизнь

Владимир Малахов
Национальное государство, иммиграция и культурный плюрализм 111

Ярослав Пилинский
Российское и украинское общество: тенденции развития 119

Екатерина Алексеева
Этнические мигранты в Москве 123

Календарь событий весны – лета 2009 года 126

Совет Товарищества 130

Вести с Woodrow Wilson Plaza

Лариса Дериглазова
Глубокое погружение (Deep dip) 131

Награды Центра Вудро Вильсона 137

Книги

Вышли из печати 140

Summaries 142

Приглашаем авторов к сотрудничеству 146

К читателю

Бурное развитие процессов глобализации в конце XX – начале XXI века при одновременном возрастании культурного разнообразия мира превратило нетерпимость в одну из основных угроз для всего человечества и сделало задачу утверждения толерантности чрезвычайно актуальной в практическом отношении. Проблема эта стала более многогранной и сложной и для теоретического осмысления.

В России от граждан, переживших распад страны, изменение типа социальных отношений, практически ежедневно встречающихся с углубляющейся социальной дифференциацией, можно было ожидать всплеска интолерантности – и социальной, и политической, и этнокультурной. Проблема интолерантности усугубляется в условиях экономического кризиса. Сокращение работников, неполные выплаты по зарплате, страх перед безработицей вызывают у людей ощущение несправедливости, агрессивное восприятие социального неравенства, готовое открыто проявиться и часто переносящееся на «иных», в том числе по цвету кожи, разрезу глаз, прибывших из других стран. Поэтому понятен интерес российских ученых и общественных деятелей к обсуждению этой темы. В 2009 году прошли слушания в Общественной палате, состоялся ряд региональных конференций. Московский офис Института Кеннана выступил одним из организаторов международного семинара «Толерантность как норма глобального мира и готовность постсоветских обществ к ее освоению» (20–21 июня), а также Дней толерантности в Санкт-Петербурге (16–20 ноября).

Статьи, включенные в первую рубрику «Вестника», знакомят читателя с концептуальными подходами к решению проблем толерантности в глобальном мире, интеграции представителей разных культур в единые политические нации, а также с дискуссиями вокруг моделей такой интеграции в условиях глобализации. И теоретический, и конкретный материал, приведенный Э. Паиным, А. Круглашовым, Л. Дробижевой, В. Мукомелем и К. Дьяконовым, подтверждает, что глобализация не ведет к нивелировке этничности. Напротив, культурное разнообразие большинства национальных государств возрастает, в значительной мере под воздействием глобальных миграций. Поддержание мирных взаимодействий людей с разной идентичностью – дело государственной политики, политического класса и результат регулирования социальных отношений. Статьи раздела хорошо дополняет обзор конференции (В. Малахов), где эти вопросы обсуждались учеными из многих стран мира.

Для утверждения толерантности необходимо обеспечение свободы общества. Это становится очевидным при обращении к статьям второй рубрики, посвященным характеристике политических систем постсоветского типа.

В эти дни отмечается 20-летие падения Берлинской стены. На волне демократизации огромной части мира события 1989 года многими воспринимались как победа ценностей либерализма. Однако жизнь показала, что это не так. В большинстве постсоветских стран идеи демократии, гражданского общества и социального рыночного хозяйства так и не стали ориентирами для разви-

тия. В ряде из них усиливаются государственно-капиталистические, авторитарные и олигархические тенденции, что осложняет экономическое и социально-политическое развитие этих стран. А. Фисун в своей статье обращается к теории неопатримониализма в попытке ответить на вопрос, в чем же природа нелиберальных режимов на постсоветском пространстве, их основные особенности и причины устойчивости.

А. Оболонский в полемической форме оспаривает популярные ныне в России идеи геополитики, которые, по его мнению, принижают роль человека, ставя на первое место абстрактный национальный интерес. Некоторые утверждения автора могут показаться спорными. Например, используемый им термин «персоноцентризм» (политическая философия, отстаивающая приоритет интересов и прав отдельной личности над интересами общности) ассоциируется с известным понятием «персонализм», имеющим принципиально иное значение – «авторитарный политический режим». Однако, несомненно, заслуживают внимания идеи автора о гражданском обществе как нравственном гаранте в политике.

Интерес читателя наверняка вызовет и рубрика «Россия и Америка: к пониманию друг друга». Кроме неординарного своим подходом эссе Ю. Батурина о несбывшихся планах советско-американского полета на Луну, здесь содержатся материалы обсуждения нового сборника, посвященного анализу того, как Россия и США представлены на страницах учебников двух стран. Участники дискуссии были солидарны в том, что учебная книга является показателем идеологического состояния общества, степени его толерантности. В идеале учебник должен прививать навыки самостоятельного мышления, критического отношения к существующим догмам и стереотипам и, что очень важно, уважительного, позитивного восприятия «Другого».

Очевидным индикатором состояния общества выступает и архитектура. Такой она предстает в весьма содержательной статье Д. Швидковского, посвященной эволюции художественного образа Москвы с начала XX века до наших дней. Разрушение многочисленных памятников архитектуры – тоже проявление своего рода нетерпимости – к прошлому, мешающему построению новой жизни. Строить новое, не уничтожая наследия предшествующих поколений, не разрывая связи времен и осознавая меру ответственности за последствия своих действий, – этот призыв можно адресовать не только градостроителям и архитекторам, но и всем тем, кто разрабатывает сегодня стратегии развития России.

Мы надеемся на продолжение обсуждения роли культуры в ее широком значении в процессе модернизации России, а также животрепещущих тем формирования гражданского общества.

Редколлегия

Толерантность как условие этнополитической интеграции (мировой и российский опыт)

Эмиль Абрамович Паин,
доктор политических наук, профессор Государственного университета – Высшей школы экономики, научный руководитель московского офиса Института Кеннана, Former Woodrow Wilson Center Guest Scholar, Former Galina Starovoitova Fellow

Эта статья написана по материалам моего же доклада на семинаре «Толерантность как норма глобального мира и готовность постсоветских обществ к ее освоению», проведенного московским офисом Института Кеннана совместно с фондом «Институт толерантности», Московским бюро Фонда Фридриха Науманна и Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы имени М.И. Рудомино 20–21 июня 2009 года[1]. Понятно, что организаторы семинара не считали, что толерантность уже стала мировой нормой. Мы лишь полагали, что такая норма должна сложиться в условиях глобализации. Большинство участников семинара поддержали нашу гипотезу о том, что концепт толерантности, развиваемый еще Дж. Локком и И. Кантом, ныне приобретает иное звучание и *выступает в качестве метафоры нового мышления, пока слабо очерченного в теории, но ощущаемого как жизненно важное условие сохранения глобального мира*. Он становится более разнообразным, но одновременно и все более хрупким, более зависимым от процессов, происходящих в любой из стран. Как показывает мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 году, дисфункции в одной из стран мира могут сразу же вызвать замыкание во всей цепи международной политической системы. Как в старых электрических гирляндах на елках – ослаб контакт в одной лампочке, и вся цепь гаснет.

[1] См. подробнее: [http://www.kennan.ru/index.php/rus/Sobytiya/Seminary/Tolerantnost].

Ту же роль условия выживания и стабильного развития толерантность приобретает и внутри национальных государств. При этом оказывается, что исторический опыт совместного проживания представителей разных народов, религий и рас в одном государстве, а также исторические процессы консолидации людей (например, урбанизации) сами по себе не являются достаточным условием развития толерантности. Для того чтобы толерантность стала общечеловеческой нормой и личной ценностью, необходимо целенаправленное воздействие на личность и группу. На наш взгляд, необходимо конструирование толерантности, возможной лишь в определенных социально-политических условиях и опирающейся на эффективные психологические и социальные технологии этого процесса. Теоретическая постановка такой задачи представлена в данной статье.

Глобализация и рост культурного разнообразия

Один из парадоксов развития глобального и все более хрупкого мира связан *с растущим разнообразием культур*. Представления о том, что глобализация ведет только к унификации культур, давно опровергнуты.

К концу 1990-х – началу 2000-х годов накопился поистине огромный эмпирический материал, показывающий, что своеобразие регионов, стран и народов оказывается более устойчивым, чем это предполагалось не только классическими версиями теории модернизации, но и немодернистами 1970-х годов[2]. Эти особенности в большей мере, чем предсказывалось, влияют на разную скорость и меру освоения странами и народами институтов и ценностей демократии[3]. Одновременно все больше подтверждений получили идеи о влиянии пройденного обществом исторического пути на усвоение им рыночных отношений[4]. В рамках поиска наиболее адекватных подходов для анализа взаимосвязи социально-экономических и политических аспектов модернизации с динамикой культуры особый интерес вызывает *интегральная теория социокультурных изменений* Р. Инглхарта и возглавляемой им мичиганской школы политических исследований[5]. Теория характеризуется соединением принципов четырех теоретических направлений: модернизации; теории изменения культурных норм, ценностей и символов, составляющих основу цивилизационных особенностей современных обществ; теории демократии в ее связи с политической культурой и теории глобализации.

Р. Инглхарт, основываясь на материалах социологических исследований мировых ценностей (World Values Surveys – WVS) за период с 1981 по 1998 год, приходит к выводу, что базовая идея модернизации о *поступательном характере развития социума и прогнозируемости его направлений* верна, по крайней мере, в ряде отношений. Во-первых, имеющиеся знания о взаимосвязи экономических, культурных и политических преобразований позволяют прогнозировать их кумулятивное воз-

---

[2] *Hofstede G.* Culture's Consequences: International Differences in Work-related Values. Beverly Hills, CA: Sage, 1980; *Inglehart R.* Culture and Democracy, in: L.E. Harrison, S.P. Huntington (eds.). Culture Maters: Haw Values Shape Human Progress. N.Y.: Basic Books, 2000.

[3] *Putnam R.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, NY: Princeton University Press, 1993; *Putnam R.* Social Capital: Measurement and Consequences. ISUMA. 2001. Spring.

[4] *Де Сото Э.* Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: Олимп-Бизнес, 2004.

[5] *Inglehart R., Baker W.* Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Cultural Values // American Sociological Review. 2000. Vol. 65. P. 19–51; *Inglehart R., Norris P.* The True Clash of Civilizations // Foreign Policy. 2003. March-April. P. 67–74; *Inglehart R., Welzel Ch., Klingemann H.-D.* Modernization, Cultural Change, and Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

действие на общество, хотя и «не дают возможности точно предсказать, что именно произойдет в данном обществе в данное время». Во-вторых, экономическое развитие действительно оказывает системное воздействие на общество, обусловливая перемены в социальной и культурной сферах, хотя это влияние имеет ряд существенных ограничений[6]. Р. Инглхарт очерчивает эти ограничения.

1. «*Социальные преобразования не имеют линейного характера* (выделено мной. – *Э.П.*). Они отнюдь не следуют одному направлению вплоть до конца истории. Напротив, рано или поздно они достигают поворотной точки и в последние десятилетия идут в совершенно новом направлении»[7]. Такой поворотной точкой социолог считает переход зрелых индустриальных общества к «*постмодерну*». Принципиальное отличие этой стадии от предшествующей стадии модерна состоит прежде всего в смене индустриального экономического уклада постиндустриальным. В основе нового уклада лежит не материальное производство, а генерирование идей, информации, новых технологий, услуг, прежде всего интеллектуальных. Вслед за этими переменами изменяется структура социальных ценностей. Если на стадии модерна преобладают ценности *простого выживания (Survival) и экзистенциальной безопасности (Existential Security)*, то в условиях постмодерна базовыми становятся *ценности самовыражения, самореализации (Self-Expression)*. Это означает, что ценностные приоритеты граждан постиндустриальных обществ смещаются от преимущественной ориентации на экономическую и физическую безопасность к большей роли духовных ценностей – к творчеству и широкой самореализации в разнообразных сферах жизнедеятельности (политической, трудовой, религиозной, семейной и др.). Переход к стадии самореализации влечет за собой и другие системные изменения ценностной структуры общества, формируя аттитюды доверия (Trust), толерантности (Tolerance), ощущения собственного благополучия (Subjective Well-Being) и индивидуального активизма (Activism). На этом этапе культура оказывает большее влияние на экономическую сферу, чем на предыдущем[8].

2. На индустриальной стадии модерна изменения в экономической сфере оказывают неодинаковое воздействие на разные подсистемы социальной и культурной жизни. Перемены в экономике непосредственно влияют на урбанизацию, массовое образование, профессиональную специализацию, трансформацию бюрократических структур, развитие коммуникаций и ряд других социальных сфер, изменение которых, в свою очередь, порождает сдвиги в культуре. Например, они стимулируют рост ценности личного комфорта, консьюмеризма, мобильности, сексуальной эмансипации и др. Эти перемены в условиях глобализации являются общими для стран различных регионов мира и хорошо предсказуемыми[9]. В то же время индустриальная модернизация оказывает более опосредованное влияние на политическую жизнь, гражданскую активность и особенно на сферы, связанные с духовными, символическими ценностями. Динамика этих сфер жизни социума менее предсказуема. Пересматривая тезис об экономическом детерминизме, Р. Инглхарт и У. Бейкер отмечают: «Экономическое развитие предполагает трансформацию данного общества в направлении, которое возможно предвидеть, но сам процесс

---

[6] *Инглхарт Р.* Модернизация и постмодернизация. 2008 [http://iir-mp.narod.ru/books/inozemcev/page_1261.html].

[7] Там же.

[8] *Inglehart R., Baker W.* Op. cit. P. 21–22.

[9] Ibid. P. 21.

и движение по данной траектории не является неизбежным»[10].

Последующие кросскультурные исследования, в частности материалы двух волн Европейского социального исследования (ESS), проведенного в 2004–2005 годах в 24 странах и в 2006–2007 годах в 27 странах, подтверждают выводы о том, что универсальность затрагивает важные, но сравнительно узкие сегменты жизни современных обществ. Обширные слои человеческой жизни, исторически связанные с религией, этничностью, регионально-географическими особенностями, развиваются сравнительно автономно и уже поэтому сами оказывают существенное влияние на социально-экономические и политические процессы. При этом речь идет не только об устойчивости традиционной культуры, но и о проявлениях новых форм культурного разнообразия.

Традиции причудливо переплетаются с современностью. Вот, например, Китай, ворвавшийся в конце XX века в число мировых экономических лидеров. Здесь до сих пор более половины населения живет в сельской местности. Сельское население сохраняет и патриархальные традиции в исходном смысле этого слова. Большая часть мелкого и среднего бизнеса в Китае сосредоточена в руках патриархальных и разветвленных семей. Они же берут на себя обеспечение лиц нетрудоспособного возраста. В законе КНР о защите прав пожилых людей прямо говорится, что семья должна быть главной опорой людей в пожилом возрасте. На пенсию в городах живут только 15,6% пожилых людей (старше 65 лет), еще 25% – на трудовые доходы, а 57,1% – на поддержку детей и других родственников. В деревне после распада народных коммун общественная поддержка пожилых вообще отсутствует, хотя здесь доля стариков выше, чем в городе[11].

Избыток населения еще недавно считался бедствием для страны и ее экономики. Но именно это обстоятельство обусловило дешевизну рабочей силы, что привлекло в Китай и Индию огромные инвестиции со всего мира. Ныне, когда бушует мировой экономический кризис, именно эти страны в силу обширности своего внутреннего рынка и, скажем так, неприхотливости спроса местного потребителя продолжают демонстрировать экономический рост.

Китайская и индийская модели эксклюзивны – они неприменимы в России и странах Европы, но ведь и любая другая страна таит в себе немало специфических форм жизнедеятельности. Мир культурно разнообразен, и это разнообразие не убывает, хотя изменяются формы и сферы проявления культурных различий.

Разнообразие и толерантность

У каждой медали две стороны. Культурное разнообразие – благо в том смысле, что создает культурный капитал человечества, множество вариаций человеческого опыта адаптации в среде обитания. Это резервуар новаций. Вместе с тем разнообразие порождает и проблемы сосуществования разных культур в едином мире и в каждой отдельной стране. Наиболее наглядный тому пример – *проблема интеграции мигрантских сообществ в сложившиеся социумы развитых стран мира.* Глобальное перераспределение населения – это долгосрочный фактор. Снижение смертности и повышение продолжительности жизни не компенсируют общей убыли населения в развитых или сравнительно развитых странах. Пополнение демографического потенциала и трудовых ресурсов неиз-

[10] Ibid. P. 50.

[11] Китай – угрозы, риски, вызовы развитию. Под ред. В. Михеева. Московский Центр Карнеги, 2005. С. 313 [http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/72887.htm]; см. также: *Гельбрас В.Г.* Экономика Китайской Народной Республики. Важнейшие этапы развития, 1949–2007. Курс лекций. Ч. 1. М.: Гуманитарий, 2007.

бежно будет происходить за счет миграций. Вместе с тем волны миграции несут с собой и проблемы интеграции мигрантов в сложившиеся сообщества, по многим причинам, в том числе и в силу несоответствия культурных норм, ценностей, поведенческих стереотипов пришлого и местного населения[12].

Даже страны, демонстрирующие в 1990-е годы наивысшие уровни культуры толерантности, терпимости к иным культурам, оказались в 2000-х годах подверженными конфликтам культурного несоответствия. Например, Нидерланды до середины 1990-х годов считались во всем мире образцом толерантного отношения к меньшинствам. Но к началу 2000-х годов и эту страну накрыли волны столкновений с иммигрантами, а политические силы, выражающие радикальные антииммигрантские настроения в этой стране, стали набирать на выборах до 20% голосов избирателей и даже претендовать на лидерство в парламенте[13]. В ноябре 2005 года массовые уличные беспорядки с участием потомков иммигрантов произошли в Париже, а затем прокатились по ряду других городов Франции. Даже в США, население которых обычно называет себя иммигрантской нацией, большинство американцев не одобряло, по крайней мере после Второй мировой войны, приток иммигрантов в страну. «По результатам девятнадцати социологических опросов, – отмечает С. Хантингтон, – проведенных с 1945 по 2000 год, количество тех, кто одобрял увеличение иммиграции, никогда не поднималось выше 14%... Количество же тех, кто выступал против увеличения иммиграции, не опускалось ниже 33%, а в 1980–1990-х годах возросло до 65%»[14]. В 2000-е годы в США стало усиливаться новое противостояние между англоязычным большинством и быстро растущим, за счет притока мигрантов из Латинской Америки, испаноязычным меньшинством населения[15].

Есть, к счастью, и примеры нового, толерантного мышления. В тех же США, стране, где десятилетиями до 1960-х годов процветал узаконенный расизм, в президенты был выбран сын иммигранта, афроамериканец Барак Обама. Во Франции, на родине термина «шовинизм», впервые за всю ее историю президентом стал потомок недавних эмигрантов из Венгрии – Николя Саркози. Но эти примеры потому и вызывали мировой интерес, что представляют собой все еще редкие случаи.

Почему же культура толерантности пока слабо приживается в глобальном мире и особенно в посттоталитарных странах, хотя и они весьма различны? Не берусь перечислять все возможные причины этого и остановлюсь только на двух проблемах.

• Первая проблема – это сложности выработки теоретических моделей соединения ценностей культурного разнообразия и задач интеграции обществ, принятия «единых правил игры» даже в масштабе отдельных стран, не говоря уже обо всем человечестве. Я постараюсь очертить, хотя бы пунктирно, эту проблему на примере политики интеграции разных этнических групп в единое национально-государственное сообщество.

• Вторая проблема связана с особенностями социально-культурной среды посттоталитарных государств, в наименьшей мере приспособленных к восприятию, казалось, самых перспектив-

---

[12] См., напр., характеристику этой проблемы в сборнике: Нужны ли иммигранты российскому обществу. Под ред. В. Мукомеля, Э. Паина. М.: Либеральная миссия, 2006.

[13] *Чернов М.* Европейский «крестовый поход» против мусульманских иммигрантов начинается в Нидерландах // Demoscope weekly. 2004. 15 ноября [http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0179/gazeta022.php].

[14] *Хантингтон С.* Кто Мы? Вызовы американской национальной идентичности. Пер. с англ. М.: Издательство АСТ, 2004. С. 514.

[15] Там же.

ных моделей интеграции, основанных на нормах толерантности.

Модели этнополитической интеграции

В течение многих веков проблема интеграции этнических сообществ решалась за счет политики *подавления культурного разнообразия*. Это была политика *культурной ассимиляции*. Во Франции до сих пор она выражается в лозунге: «Одна страна, один язык, один народ». В целом ассимилятивной была и американская модель «плавильного котла». В ней иммигрантские группы населения США осваивали гражданские нормы на основе не только единого английского языка, но и совокупных норм культуры так называемого «белого протестантского большинства». На политике русификации и православизации в Российской империи или доктрине «единая общность – советский народ» нет нужды подробно останавливаться.

Все разновидности ассимиляционной политики исторически доказали свою ограниченность. Во-первых, даже в демократических государствах ассимиляция была плодом целенаправленных усилий государства, что дает основания современным либеральным мыслителям оценивать подобную политику как насильственную, как «культурный империализм в отношении других этнических групп». Во-вторых, ассимиляция не приводила к желаемому результату, и зачастую локальные миноритарные культуры, которые, казалось бы, слились с культурой этнического большинства той или иной страны, вновь воспроизводились, и в некоторых случаях как оппозиция «культурному империализму». Так, уже упомянутые беспорядки во Франции в ноябре 2005 года показали, что используемая в этой стране унитаристко-гражданская модель интеграции представителей разных культур дает заметные сбои. Здесь с неумолимостью физической закономерности проявился «закон Хансена», сформулированный еще в 1930-х годах и гласящий, что «иммигранты третьего поколения вспоминают то, что пытались забыть иммигранты первого и второго поколений»[16]. Потомки иммигрантов опираются на этнические и религиозные традиции, отвергнутые их отцами; им необходим мифологический образ «идеальной прародины» как способ повышения самоуважения и самоутверждения в стране, где они хоть и обладают равными правами, но фактически не равны в возможностях их реализации.

Со второй половины XX века культурная ассимиляция стала все более негативно восприниматься мировым общественным мнением. В Докладе UNDP (Программы развития ООН) 2004 года отмечается: «Если XX век что-то и доказал, так это то, что попытки ликвидировать или просто вытеснить культурные группы вызывают их упорное сопротивление. Признание же существования культурной самобытности, наоборот, приводит к разрядке постоянной напряженности»[17].

Так или иначе, в современном мире большинство развитых государств и немалая часть развивающихся стран отказались от концепции культурной ассимиляции. Пожалуй, лишь Франция проводит уникальную этническую политику. Такую политику называют *культурным централизмом* в противоположность *культурному федерализму* или *культурному многообразию* в других странах ЕС и в США. Во Франции не признается существование этнических общностей – есть только граждане, и в этом смысле все французы. Франция, единственная из стран ЕС, не подписала Рамочную конвенцию Совета

[16] *Hansen M.L.* The Problem of the Third Generation Immigrant. Rock Island, IL: Augustine Historical Siciety, 1938.

[17] Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире. Издано для ПРООН. М.: Весь мир, 2004. С. 3.

Дворец прав человека в Страсбурге

Европы «О защите национальных меньшинств», как, впрочем, и другие международные документы по этой проблеме, поскольку во Франции нет признанных национальных меньшинств. Однако подобная позиция, напоминающая поведение страуса, не спасает страну ни от корсиканского сепаратизма, который все чаще переходит к террористическим методам борьбы; ни от бунтов в кварталах французских городов, населенных иммигрантами; ни от многомиллионной поддержки избирателями шовинистов типа Ле Пэна и националистических партий.

В большинстве других демократических стран на смену доктрине культурной ассимиляции пришли идея и практики поощрения культурного многообразия, получившие название «*мультикультурализм*». Пожалуй, раньше других, еще в 1950 году, эта идея нашла отражение в Конституции Индии, в которой сделана попытка соединения норм западной демократии с признанием культурного многообразия страны. Однако первой страной, в которой официально, в 1971 году, была провозглашена доктрина мультикультурализма, стала Канада. Ее примеру в 1973 году последовала Австралия, а в 1975 году – Швеция. Концепция мультикультурализма широко представлена в политической практике США. В базовой для Америки доктрине «политической корректности» (political correctness) отмечается, что эта страна «выступает за большую терпимость к человеческому многообразию»[18]. В той или иной форме мультикультурализм вошел в политическую практику большинства других стран Запада.

В России концепция мультикультурализма оценивается преимущественно негативно. При этом ее критика зачастую напоминает карикатуру и но-

[18] *Ле Кодиак Р.* Мультикультурализм // Диалоги об этничности и мультикультурализме. М., 2005. С. 38.

сит некорректный характер[19]. Такая критика не принимает во внимание достижения мультикультурализма в конкретных политических практиках. Не учитывается, например, влияние этой доктрины на те гигантские перемены, которые произошли за сравнительно короткое время (с середины 60-х до конца 80-х годов) в Америке в преодолении расового раскола страны[20]. Практически не известен в России позитивный опыт ряда стран Азии и Африки, в которых мультикультурализм стал едва ли не основным фактором выживания новых независимых государств в условиях острейших межобщинных противоречий[21]. Не обращают внимания российские критики мультикультурализма и на то, что его реальные недостатки раньше всего были вскрыты в странах, где такая политика реализовывалась и в кругах, выступающих за совершенствование этой идеи.

У мультикультурализма есть два вида критики. Один из них, основанный на позиции культурного империализма, защищает привилегии доминирующих групп и отрицает культурную свободу меньшинств. По отношению к такой критике мультикультурализм заслуживает защиты и нуждается в ней. Вместе с тем мультикультурализм критикуем и с позиций *защиты прав человека*, и такая критика заслуживает серьезного внимания[22].

Мультикультурализм – казалось бы, высшее проявление толерантности. Для этой концепции сохранение культурного многообразия – самодостаточная цель, а толерантность к этнически и культурно иным – важнейшее условие. Однако на практике оказывается, что сам мультикультурализм в его современном виде способен приводить к росту интолерантности, ксенофобии.

Мультикультурализм может усиливать замкнутость культурных групп, порождая искусственные границы между ними, своего рода гетто на добровольной основе. В некоторых же случаях мультикультурализм способствует консервации наиболее архаических черт традиционной культуры, препятствуя свободному развитию личности. Критика мультикультурализма с указанных позиций вызвала к жизни и новые подходы к культурному развитию и культурной интеграции.

Концепт «культурной свободы» признается большинством специалистов в качестве наиболее плодотворного в современных условиях. Его основные положения сформулировал Амартия Сен, индийский экономист, лауреат Нобелевской премии в области экономики за 1998 год.

Базовые идеи этой концепции А. Сен изложил в Докладе о развитии человека 2004[23]. Ее основная новация состоит в том, что само по себе разнообразие – не цель, а средство, с помощью которого осуществима свобода выбора культурных моделей.

• «Вместо того чтобы восхвалять бездумную приверженность традициям или пугать мир мнимой неотвратимостью столкновения цивилизаций, концепция человеческого развития требует уделять внимание роли свободы и путям защиты и расширения культурных свобод».

• «Культурная свобода, – объясняет А. Сен, – это предоставление индивидам

[19] См., напр.: Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. Институт этнологии и антропологии РАН, Институт философии РАН. Москва, 2002.

[20] Весьма убедительные примеры на этот счет приводит С. Хантингтон, который не является сторонником мультикультурализма и реально оценивает проблему сохранения расовых предрассудков в Америке. См.: *Хантингтон С.* Кто мы? С. 474–479.

[21] См.: Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире. С. 5–6.

[22] *Ле Кодиак Р.* Указ соч. С. 49–50.

[23] Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире. С. 17–31.

Руки, соединяющие различия. Дерри, Северная Ирландия, 1992 (Морис Харрон)

права жить и существовать в соответствии с собственным выбором, *имея реальную возможность оценить другие варианты* (выделено мной. – *Э.П.*)». Именно «возможность выбора» является наиболее важной частью концепции «культурной свободы». А. Сен подчеркивает, что «множество существующих в мире несправедливостей сохраняется и процветает как раз потому, что они превращают своих жертв в союзников, лишая их возможности выбрать другую жизнь и даже препятствуя тому, чтобы они узнали о существовании этой другой жизни».

Концепция «культурной свободы», безусловно, привлекательна. Можно предположить, что она способна обеспечить бóльшие возможности интеграции, чем классический мультикультурализм, при этом без ущерба мультикультурной толерантности. Проблема в другом: как может быть внедрена эта модель, основанная на свободе выбора, в обществах, где сравнительно низка ценность свободы, где люди зачастую отказываются от индивидуального выбора в пользу патернализма. «Барин правит – барин пусть рассудит». Каждый из нас может привести бесчисленное множество примеров такого отношения к жизни в России, Украине, Казахстане и других странах, возникших на территории бывшего Советского Союза. Если человек мало ценит свою свободу, свое человеческое достоинство, то свободу «чужака» он и в грош не ставит. Так как же может привиться толерантность в нашем регионе?

Культура – это не цвет глаз и не отпечатки пальцев, которые не изменяются у человека с рождения и до смерти. Культурные нормы хоть и инертны, но все же подвижны и поддаются изменениями. Немалую роль в этом должны сыграть те люди, которые не согласны подрисовывать сабельку на своей картине, даже если этого требует премьер-министр, те, кто не хочет жить по принципу «лишь бы чиновнику было удобнее нами управлять».

Что они могут сделать, нестройные ряды активистов – поборников толерантности? Уверен, что многое. Все позитивные перемены, которые произошли в мире, начинались с активности меньшинств. Локальные практические решения очень часто опережают теоретические обобщения. Эта идея нашла подтверждение на упомянутом семинаре в целом ряде докладов о практике развития толерантности на примере Украины, России, Казахстана, Белоруссии и Литвы.

Леокадия Михайловна Дробижева,
доктор исторических наук,
руководитель Центра исследования
межнациональных отношений
Института социологии РАН

Толерантность и проблемы интеграции многокультурных сообществ

Обеспечение мирной жизни в поликультурных обществах является актуальной заботой политиков, ученых, общественно активных граждан. И хотя в последние годы, по данным Левада-Центра, люди не называют межэтнические отношения в числе наиболее тревожащих их проблем, не меньше четверти граждан России ощущает межнациональную напряженность «в том городе, районе, где они живут»[1].

Ситуация в разных регионах страны, естественно, отличается и зависит не только от макросоциальных условий (процессов глобализации, государственной политики, действий политических элит в Центре, изменения социальных отношений в связи с переходом к рынку), но и от обстановки в каждом конкретном регионе (адаптации населения к инновациям, истории взаимоотношений с Центром и другими территориями, отношений групп внутри локальности).

Занимаясь изучением взаимодействий людей разной этнической принадлежности и в СССР, и на постсоветском пространстве, я исхожу из убеждения, что мирная совместная жизнь граждан, отличающихся культурой и религией, при всех повседневных трудностях не является ни чем-то потерянным в прошлом, ни нереальным проектом в будущем. Именно поэтому важны конкретные региональные исследования, которые дают возможность понять, как на фоне общих социальных, экономиче-

[1] Общественное мнение – 2008. М: Левада-Центр, 2008. С. 123.

ских, политических контекстов складываются реальные практики межкультурных контактов.

Особенно интересны нетривиальные практики, такие, например, как в Республике Татарстан. В 90-е годы здесь складывалась сложная этнополитическая ситуация, да и сейчас осознанные потребности в сохранении языка, культуры, достоинства, участии во власти у татар очевидны. Вместе с тем уровень толерантности оказывается достаточным, чтобы большинство поддерживало нормальные повседневные отношения. По нашим исследованиям в 90-е – начале 2000-х годов и более поздним опросам других исследовательских групп, до 70% населения республики оценивали межэтнические отношения в ней как спокойные или скорее спокойные[2]. Поэтому понятен интерес к изучению опыта формирования толерантных отношений людей в полиэтническом регионе.

Толерантные отношения, или благоприятные межэтнические установки, не означают, что люди разной этнической принадлежности должны обязательно любить друг друга. Толерантность означает принять других как равноправных партнеров и организовать взаимодействие с ними.

В данной статье мы расскажем о другом, тоже достаточно нетривиальном опыте межкультурных взаимодействий – в районе Большого Сочи. Здесь мы имели возможность проследить дрейфы разных идентичностей, изменения самоопределений в условиях, когда многие факторы, действующие на сознание людей в других районах опосредованно, влияют непосредственно. Мы рассмотрим процесс интеграции – включения людей с отличающейся культурой в социальную структуру, соседские и дружеские связи, а также в общую культуру – язык, нормы поведения, политические отношения.

Социальный ресурс Сочи

Трудовой и интеллектуальный потенциал Большого Сочи исторически складывался непросто. После окончания Кавказской войны 1864 года местное население – убыхи, садза и шапсуги – было выселено властями Российской империи из этого района как неблагонадежное, и он был заселен русскими, украинцами, армянами, грузинами, греками, которые быстро осваивали плодородный край. Приезжавшие сюда из Центральной России интеллигенты, буржуа, администраторы оценили его природные прелести и начали строить здесь красивейшие дачи. Территория стала превращаться в зону отдыха. Впоследствии советское правительство также осознало ее потенциал, и в 1930-х годах здесь прошла первая, а после Великой Отечественной войны и в 1960-е годы – вторая и третья волны санаторного строительства.

В 1937 году город вошел в Краснодарский край, а с 1961 года функционирует как городское муниципальное образование Большой Сочи, который включает четыре района – Центральный, Лазаревский, Хостинский и Адлерский – и территорию от реки Шепси до государственной границы по реке Псоу. Это самый длинный город в Европе (146 км). В отличие от многих других территорий страны население этого района росло и в 1980-е, и в последующие годы. В 2008 году общее население Сочи достигло 406,8 тыс. человек, собственно городское – 334,2 тыс. человек.

По данным переписи 1989 года, русские составляли 68,7% населения, армяне – 14,2%, украинцы – 5,9%, абхазы, грузины, греки – 1,2–1,5%.

После распада СССР, во время Спитакского землетрясения, армяно-азербайджанского конфликта, военных действий в Абхазии в Сочи приехало много армян, абхазов, грузин. Сюда ми-

[2] Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2002. С. 350, 450; *Остапенко Л.В., Субботина И.В.* Этнорегиональные модели адаптации. М., 2008. С. 191.

грировали беженцы, вынужденные переселенцы и те, кому было неуютно в своих краях. Хороший климат, природные богатства и возможности развития бизнеса привлекали в регион деятельностное, успешно работающее население. По числу автомашин на душу населения сочинцы обогнали москвичей и питерцев (в Сочи на 1 тыс. человек приходится 328 зарегистрированных машин, в Москве и Санкт-Петербурге – по 313).

По уровню образования населения Сочи входит в число городов с наиболее высокими показателями. Здесь есть собственные вузы федерального значения, например Институт туризма и курортного дела, и филиалы московских вузов (РУДН и др.). В городе функционируют пять солидных научно-исследовательских учреждений, крупнейшие российские банки (Сбербанк, Внешторгбанк и др.), торговые сети «Патэрсон», «Эльдорадо», «Евросеть», «Связной», «М-Видео» и др. В Сочи постоянно проходят бизнес-встречи, фестивали, конкурсы и другие мероприятия. Даже простое пребывание в городе дает ощущение, что он интенсивно живет, а население его очень разнообразно.

В 2008–2009 годах отдел этносоциологии Института социологии РАН проводил в Большом Сочи исследование идентичностей и межэтнических отношений в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН[3].

Исследование показало, что 46,4% сочинцев – это люди с современной деловой ориентацией. Они готовы «много работать для хорошего заработка даже без гарантий на будущее», «иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск».

Более трети сочинцев – это люди, которым уверенность в завтрашнем дне дает собственность, капитал, они уже надеются на себя, а не на государство. Конечно, это прежде всего те, кто занят в среднем и мелком бизнесе.

Именно эти активистски настроенные люди понимают ценность образования, высокой квалификации (68% сочинцев считают образованность и квалификацию условием того, чтобы стать уважаемым человеком), желают и умеют честно работать.

Основной массив жителей Сочи привыкает к нормам свободного общества. Об этом говорит, например, согласие 78,4% опрошенных с утверждением, что «любой человек имеет право приехать в Сочи, чтобы здесь жить и работать». Лишь 13% ждут поддержки от государства, многие готовы сами прилагать усилия, чтобы улучшить свою жизнь. Не менее половины респондентов готовы искать новую работу с более высокой оплатой, почти 40% – начать свое дело или расширить уже имеющееся (это в 10 раз больше, чем в целом по стране)[4]. Почти 40% готовы искать подработку, вторую работу (это вдвое больше, чем по стране в целом)[5]. Не случайно абсолютное большинство сочинцев черпают уверенность в своих способностях, профессии (65%).

Конечно, жизнь в современном российском социуме учит и уверенных, активистски ориентированных людей учитывать реальную практику. Многие понимают, что для положения в обществе важно иметь влиятельных друзей, знакомых, родственников (60%), а еще неплохо иметь высокий пост, власть (53%).

У значительной доли респондентов эти ответы совмещаются, то есть и готовые

[3] Материалом для дальнейшего анализа являлись результаты опроса основных этнических групп в Сочи (938 единиц наблюдения) и данные глубинных интервью и мозговых штурмов. Подпрограмма «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез». Рук. проекта Дробижева Л.М. Участники проекта: Арутюнова Е.М., Кузнецов И.М., Рыжова С.В., Щеголькова Е.Ю.

[4] Общественное мнение – 2008. С. 36.

[5] Там же.

жить и работать по-современному в сложных обстоятельствах будут, скорее всего, использовать традиционалистские способы продвижения в карьере. Да и советский опыт еще живет не только у старшего поколения, но и у молодых, перенявших его в процессе социализации, – 66% сочинцев считают себя в некоторой или даже значительной степени «советскими людьми» (последних 24%).

Для социального самочувствия, деятельностной позиции человека важна удовлетворенность своей позицией в обществе. В этом отношении позиционирование сочинцев достаточно благоприятно. Только 1/5 среди них не удовлетворены работой, а 41% вполне удовлетворены. Треть вполне удовлетворена возможностями профессионального роста, и еще почти столько же в чем-то удовлетворены, в чем-то нет (практически такое же соотношение было в целом в стране).

Уверенность и активность граждан существенно возрастали бы, если бы было больше доверия региональной, местной власти. Но его пока немного: мэру города частично доверяли в 2008 году 34% респондентов, не более одной трети доверяли Городскому собранию, губернатору Краснодарского края полностью доверяли 15%, а частично – 36%.

Итак, среди сочинцев достаточно много деятельностного населения. Не только по результатам нашего опроса, но и из материалов глубинных интервью, «мозговых атак» экспертов видно, что сочинцы и сами осознают себя как людей с хорошим потенциалом, достаточно высоким уровнем образования, необходимой профессиональной подготовкой. С начала освоения сочинского пространства сюда прибывали новые потоки людей, готовых идти на предпринимательство и риск в трудовой деятельности. Здесь больше, чем во многих других регионах, молодого трудоспособного населения.

Исторически сложившаяся многокультурность населения, обладавшего разнообразными трудовыми навыками, постоянно подпитывала атмосферу обновления и конкурентности, стимулировавшей к тому, чтобы «не сидеть сложа руки».

Даже в доперестроечное время в разгар курортного сезона сюда прибывали маятниковые мигранты (теперь их называют «челноками»), которые тоже вносили свою лепту в «новизну жизни».

Эксперты и старые работники в санаториях рассказывали, что на отдых в Сочи всегда приезжали «лучшие люди, специалисты со всей страны, ... они знакомились с местными властями и интеллигенцией, рассказывали о своем опыте, что-то и мы сразу перенимали. Шло постоянное обновление».

От государственной идентификации к гражданскому сознанию

Сочи – излюбленное место проведения международных форумов, фестивалей, куда съезжаются не только россияне со всей страны, но и иностранцы. Сопоставления «мы – они» для многих горожан становятся повседневностью. Согласно теории Дж. Мида и Ч. Тили, идентичность формируется на основе интеракции (мы смотрим на других, познавая себя). «Наша общая судьба другим быть словно зеркала». Это не просто познание некоторой инаковости, но и ощущение эмоциональной связи со своими соотечественниками в городском пространстве (vergemeinschaftung по М. Веберу).

Превращение города в пограничную территорию, события в Абхазии и Южной Осетии содействовали возрастанию общей для граждан тревожности. Обеспокоенность в связи напряженной ситуацией в этих республиках выразили 71,4% респондентов. Общие переживания солидаризируют людей, об этом они разговаривают с соседями, сослуживцами, друзьями.

Как и других жителей нашей страны, сочинцев в определенной степени сплачивает и пережитая судьба. Не раз социологические опросы показывали об-

щее понимание значимости побед в Отечественной войне, гордость за культурные достижения, природные богатства страны[6].

Все эти обстоятельства привели к тому, что для сочинцев наиболее значимыми представлениями о себе являются «мы – граждане России» и «мы – сочинцы». Значимость российской гражданской идентичности в регионе очень велика. Она соответствует максимальным показателям по другим российским территориям. 93% сочинцев ощущают себя российскими гражданами, причем 85% ощущают эту связь в значительной степени.

Выбор Сочи как места проведения Олимпийских игр усилил не только патриотизм, но и тревоги жителей города, опасающихся, что олимпийское строительство может разрушить экологическую среду и санаторный комплекс, за счет которого живет большинство населения.

В этих условиях страновая идентификация сочинцев подвергается проверке на гражданскую идентичность. Одно дело считать себя россиянином, гордиться тем, что достойно того, испытывать привязанность к своему краю и даже чувство связи с гражданами всей страны, другое – быть ответственным за происходящее в ней, то есть в той или иной мере участвовать в ценностно-ориентированных действиях, общественных движениях (защита природы, обсуждение планов развития города, борьба за чистоту городского пространства и пр.).

Социологи (М. Вебер и др.) называют это становлением общества (vergesellschaftung). В этом смысле отношение к олимпийскому строительству становится индикатором именно гражданской идентичности сочинцев (а не просто государственной принадлежности).

Как совместить чувство гордости за предстоящую Олимпиаду и надежды на еще более высокий статус города с тревогами за сохранение природного комплекса, его оздоровительного потенциала для нации, да и просто условий жизни? Ведь уже сейчас Сочи – город с одним из самых высоких показателей плотности населения, а сочинские дорожные магистрали даже у привычных к ним людей вызывают депрессивное состояние.

Судя по массовому опросу, тревоги у 70–80% сочинцев фокусируются вокруг опасности терроризма, отсутствия гарантий безопасности жизни и экологического пространства со стороны государства, коррупции. Они связываются, прежде всего, с олимпийским строительством, у которого, как считают респонденты, есть противники не только в Грузии, но и среди части местных акторов, а также с военными действиями на соседних территориях.

Во время глубинных интервью и мозговых атак с экспертами мы постоянно чувствовали озабоченность судьбой города. Кто-то настаивал на широком общественном обсуждении генплана Сочи, кто-то рассказывал о строительстве в заповедной зоне Сочинского национального парка железнодорожной и автомобильной дороги, ведущей на Красную поляну, что отразится на гидрологии карстовых массивов, режиме реки Мзымта и, следовательно, водоснабжении города.

В городе знают, что экологи-активисты работают через экологическую вахту по Северному Кавказу. Материалы их проверок публикуются на сайтах, частично прорываются на страницы городских газет. Одна из общественных комиссий была проведена в Сочинском национальном парке незадолго до начала наших экспедиционных работ, и мы были свидетелями того, как живо

[6] Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006.; Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Отв. ред. Головаха Е.И., Дробижева Л.М. Киев: Институт социологии НАНУ, 2007. С.115–127.

реагировали сочинцы на результаты деятельности этой комиссии.

Изъятие земель под олимпийские объекты вызвало тревогу у 68% жителей. Половина респондентов поддерживала акции протеста по этому поводу, а четверть – готова была принять в них участие.

Материалы экспертных интервью и собственные наблюдения приводили нас к выводу о том, что общественная городская активность, т.е. то, что мы могли интерпретировать как актуальную локальную идентичность, высокая. 79% респондентов ощущают себя сочинцами «в значительной степени», а в целом по массиву с сочинцами себя идентифицируют 94%, и между русскими и людьми других национальностей в этом нет никаких различий. Эта локальная идентичность совмещается с российской идентичностью. В немалой мере такая идентичность имеет здесь именно гражданское содержание.

Кто больше россиянин?

Во многих странах мира ищут свою идентичность, определяя тип интеграции сегментов общества. Известная и до сих пор поддерживаемая некоторыми исследователями и политиками американская ассимиляционная модель и модель «плавильного котла» как способ интеграции многокультурного общества не выдержали проверки жизненным опытом. Не оправдались и прогнозы исчезновения этнических различий в процессе модернизации, также как и марксистские представления о «слиянии наций». Еще во времена гипнотизирования общества идеей «плавильного котла», социологи, изучавшие конкретную социальную практику, в частности наш знаменитый соотечественник П. Сорокин, обращали внимание на то, что сам тип интеграции групп может быть различным. Они выделяли не только культурную интеграцию (знание языка большинства, соблюдение правил общественного поведения, норм политических практик), но и структурную интеграцию, когда представители меньшинства входят в местные организации, ассоциации, устанавливают соседские связи, дружеские отношения с местным населением.

Идеи, которые разрабатывались применительно к американскому обществу М. Гордоном и в дальнейшем были развиты М. Йингером, исходили из трех возможных моделей интеграции: ассимиляции, когда прибывающие мигранты утрачивают культурно-отличительные черты и перестраивают свое поведение в соответствии с ценностями и нормами большинства; «плавильного котла», когда происходит соединение «старых» (традиционных) и новых образцов поведения, обычаев и формирование новых образцов культуры, хотя доминирующее значение сохраняет «англо-саксонская» культура; и наконец, модели культурного плюрализма, при которой за различными культурами признаются равные права и участие в национальном сообществе – политической нации[7].

Видный британский социолог Э. Гидденс, анализируя опыт Западной Европы, приходит к выводу, что достижение равного статуса этнических групп – а это уже не только культурно-историческая, но и социальная проблема – потребует колоссальной борьбы и немалого времени. «В обозримом будущем, как это было и в прошлом, наиболее вероятным будет путь, соединяющий все три указанных типа, но с более выраженными плюралистическими тенденциями»[8]. Обратим внимание на важное замечание Гидденса – было бы ошибкой рассматривать этнический плюрализм лишь как следствие различных культурных ценностей и норм, привлеченных в общество извне. Культурное разнообразие создается и в процессе «адаптации

[7] *Gordon M.* Human Nature, Class and Ethnicity. Oxford, 1978.

[8] *Гидденс Э.* Социология. М., 1999. С. 263.

этнических групп к новому социальному окружению»[9].

Имеет смысл вспомнить также идеи Н. Глейзера и Д.П. Мойнихена о том, что взаимодействующие группы интегрируются в зависимости от того, каково само общество[10]. Этот вывод был сделан на основе изучения групп разной расовой и этнической принадлежности, которых американское, прежде всего англо-саксонское, сообщество принимало по-разному. Вспомним и Ф. Барта, который говорил о границе, возводимой не культурными различиями групп, а теми смыслами и значениями, которые придаются этим отличиям. В роли этих смыслов для «выстраивания границ» мы не раз убеждались в ходе исследований и в советский, и в постсоветский период[11].

С точки зрения изучения общих интеграционных процессов и особенностей их протекания в конкретных группах Сочи – исключительно интересный район. Здесь, как в любом другом регионе России, и обычные люди, и ученые, и политики далеко не всегда понимают ту модель интеграции, которую намерено осуществлять государство. Если в советское время декларируемое «развитие и сближение наций», «дружба народов» могли осмысливаться как некий синтез «плавильного котла» и «культурного плюрализма», то основные идеи «Концепции государственной национальной политики», принятой в 1996 году, мало кто знал. А среди тех, кто знал, каждый интерпретировал их по-своему. Президентом В. Путиным было дано задание внести в Концепцию поправки, но они так пока и не приняты.

Анализ дискурса выступлений президентов В. Путина и Д. Медведева дает основание предположить, что есть намерение обеспечивать интеграцию через надэтнические конструкты, прежде всего объединяющую «российскую идентичность». Это верно с точки зрения восприятия этой идентичности массовым общественным мнением. На материалах сочинских опросов мы представили российскую идентичность в предыдущем разделе. Но как такая идентификация подкрепляется реальными интеграционными ориентациями у людей конкретных национальностей – еще надо изучать. Совершенно очевидно, что у русского большинства и отличающихся этнокультурных групп они формируются в чем-то одинаково, а в чем-то отлично.

Судя по результатам опроса, в общественно-политической сфере доминирующая часть этнических меньшинств вполне интегрирована в российское и локальное сообщество: доля людей, доверяющих власти (мэру, губернатору, депутатам) у русских и других национальностей практически совпадает (табл. 1).

Тревоги в связи с необходимостью совершенствования общества у них общие: коррупция, засилье бюрократии беспокоят как русских, так и армян, абхазов, грузин и других (77–85%).

Приверженность нормативной культуре очень сходна. Об этом можно судить по ответу на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что любой человек имеет право приехать в Сочи, чтобы здесь жить и работать?» 76% русских и 89% представителей других национальностей согласились с ним. Среди нерусских доля согласившихся с этой нормой даже чуть выше, скорее всего потому, что многие из них – недавние мигранты.

80% русских и 91% представителей других национальностей не согласились с утверждением, что Сочи надо закрыть и не принимать мигрантов. То есть нормативные установки и тех и других

[9] Там же.

[10] *Glazer N., Moynihan D.* Beyond the Melting Pot. The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italian and Irish of New York City. Cambridge, MA: MIT Press, 1963.

[11] Социальная и культурная дистанции: опыт многонациональной России / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, Институт этнологии и антропологии РАН, 1998.

Таблица 1

Уровень доверия власти среди русских и людей других национальностей в Сочи (полностью или частично доверяют, в % от ответивших в каждой группе)

	Русские	Другие национальности
Доверяют мэру	48	52
Доверяют губернатору	47	54
Доверяют депутатам Городского собрания	40	40

вполне либеральны, и, судя по ним, интеграция в этом отношении очевидна. Это не значит, что отношение к притоку мигрантов, тем более иной этнической и расовой принадлежности, одинаково (до 70% русских не согласны принимать мигрантов на постоянное место жительства, и такого же мнения придерживается 50% представителей других национальностей, в основном армян-старожилов).

В сфере культуры больше всего общности в языковой компетенции. В Сочи практически все знают русский – язык деловой жизни и, в значительной мере, повседневного бытового общения. Новая праздничная культура и нормы делового взаимодействия, программируемые государством или требуемые профессиональной деятельностью, тоже задают правила жизни, которые социологи называют аккультурацией применительно к людям иной этнической принадлежности, чем большинство.

Однако это только один взгляд на этот процесс. Есть и другой, может быть, не менее важный. Ведь не только вновь прибывшие включаются в культуру деловой жизни принимающего большинства, но и старожилы постепенно воспринимают те правила, которые диктует современная рыночная экономика или формирующееся демократическое общество. Такое включение – своеобразная аккультурация к современной модернизации, и его переживают люди всех национальностей. В связи с предстоящей Олимпиадой это направление «включения в современность» будет особенно актуальным.

Интересно было бы рассмотреть участие людей разной этнической принадлежности, и в том числе вновь прибывшего населения (за последние 20 лет), в разных сферах профессиональной деятельности и разных социальных слоях. Но, к сожалению, мы не располагаем пока такими статистическими данными. Некоторое представление о процессе социальной адаптации или «включенности» можно составить по ответам людей об удовлетворенности трудовой деятельностью и жизнью в целом. 47% русских и 56% людей других национальностей ответили, что их «устраивает нынешнее положение». Чувство уверенности в завтрашнем дне и тем и другим практически в равной мере дает их способность заработать, профессия (70 и 66% соответственно). И у тех и у других совсем мала надежда на поддержку государства (12–15%).

Мы ожидали, что будет различие в том, насколько люди разной национальности рассчитывают на поддержку своего положения, на «пост, должность, служебные связи». Ведь русские больше заняты в государственных учреждениях, а другие национальности – в частном секторе или совместных предприятиях. Однако оказалось, что на свою должность и деловые связи рассчитывать может практически одинаковая доля людей – 32 и 36% соответственно.

Еще больше различий мы предполагали в надеждах на «поддержку семьи, родственников, друзей». На такую поддержку все надеются больше, чем на «должностную», но русские отнюдь не меньше, чем лица других национальностей (78 и 72% соответственно).

В нашем массиве «нерусских» респондентов большинство, как и в составе населения Сочи, представляли армяне, но были и абхазы, украинцы, грузины, азербайджанцы. Среди армян и абхазов, давно живущих в Сочи, конечно, больше людей имеют родственников и друзей, проживающих где-то недалеко. Среди других национальностей относительно больше недавно приехавших, и, возможно, этим объясняется незначительный перевес в русском массиве людей, рассчитывающих на поддержку «ближайшего окружения». Быть может, если бы мы спросили отдельно о надеждах на поддержку родственников и на поддержку друзей, среди русских было бы больше надежд на друзей, а среди армян, грузин, абхазов – на родственников. К тому же при наших выборках различия в 5% нельзя считать значимыми. Нам важно зафиксировать внимание на том, что «традиционные связи» не разграничивают людей разных национальностей в Сочи. Возможно, из-за того, что и русские себя здесь чувствуют не такими уж коренными, а скорее большинством, поэтому связями «ближайшего круга» дорожат больше, чем в других регионах.

Наконец, важный показатель социальной включенности, адаптированности – удовлетворенность работой. Нам представляется исключительно значимой для толерантности и локальной идентичности практически одинаковая степень удовлетворенности работой, условиями профессионального роста среди русских и других национальностей (см. рис. 1).

И в целом удовлетворенность жизнью у контактирующих людей разной этнической принадлежности практически одинакова (см. табл. 2).

Приведем и другие данные, говорящие о включенности в социальные отношения людей нерусской национальности, в том числе попавших в массив мигрантов и иммигрантов. О включен-

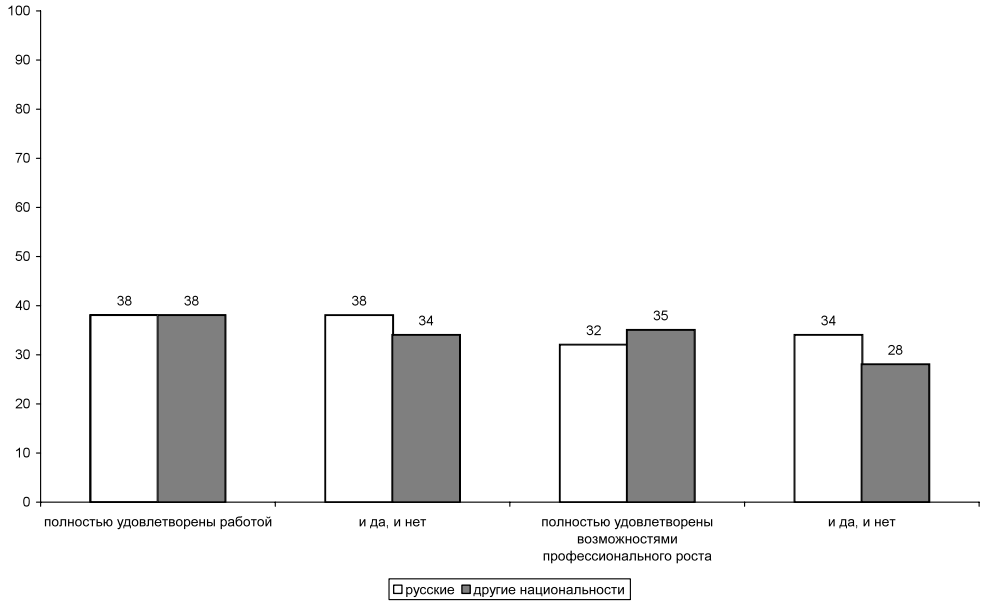


Рис. 1. Удовлетворенность работой и условиями профессионального роста среди русских и других национальностей (в % от ответивших в каждой группе)

Таблица 2

Удовлетворенность жизнью в целом в настоящее время среди людей разной национальности (в % к ответившим)

	Удовлетворены вполне	В чем-то удовлетворены, в чем-то нет	Не удовлетворены
Русские	35	46,1	15
Люди других национальностей	42,3	44,8	14

ности в социальную среду свидетельствуют общие разделяемые ценности, представления. Например то, за что человек пользуется уважением. В мировой практике этим индикатором пользуются и для того, чтобы понять уровень урбанизированности или традиционности групп в том или ином сообществе.

В опросный лист нашего исследования были включены вопросы, ответы на которые свидетельствуют о приверженности человека современным ценностям или традиционалистским. К первым отнесены – уважение к образованию человека, умение и желание честно работать, быть квалифицированным работником, ко вторым – уважение за поддержание традиционных, земляческих связей, за то, что человек имеет влиятельных знакомых, друзей. Анализ убеждает, что и русские, и люди других национальностей в одинаковой мере разделяют как современные, так и более традиционалистские ценности (см. табл. 3).

В «другие национальности», как уже упоминалось, более представительно вошли армяне. Но среди них как раз много тех, кто приехал в Сочи в постперестроечное время, живет здесь не более 20 лет, то есть тех, кого можно отнести к иммигрантам. Мы видим, что это люди достаточно современные и по своим ценностным ориентациям не отличающиеся от большинства, русских. Не случайно, среди иммигрантов людей, которые отнесли себя «к тем, кто добил-

Таблица 3

Что важно, чтобы быть уважаемым человеком в Сочи. Ответы русских и людей других национальностей (в % к ответившим)

Критерии уважения	Русские	Другие национальности
Образование	74	75
Квалификация	75	70
Честная работа	72	71
Верность земляческим, традиционным связям	68	61
Наличие влиятельных знакомых, друзей	65	65
Доступ к власти	60	53

ся успехов», было не меньше, чем среди старожилов армян и русских.

Таким образом, социальная интеграция, а для мигрантов и адаптация в многокультурном сочинском обществе достаточно высокая. Именно она вместе с русским языком является основой для утверждения российской идентичности. Как мы помним, 93% сочинцев считают себя гражданами России, при этом 85% – в значительной степени. При этом данные по русским и опрошенным «других национальностей» совпали до одного процента! Отличие только в том, что среди «других национальностей» (в основном армян-старожилов) доля считающих себя россиянами «в значительной степени» еще выше – 93%, а среди вновь прибывших, адаптирующихся – 76%. Но 76% – это тоже очень высокий показатель российской идентичности, ведь в других регионах страны он колеблется в пределах 30–60%.

Приведу слова из интервью руководителя армянской общины Адлера: «Армяне всегда чувствовали руку поддержки русских. Мы так воспитываем наших детей в семье, чтобы они знали об этом. Мы все россияне и адлерцы, чувствуем себя одним народом, как говорит наш президент. А чтобы единство было, надо воспитывать детей гражданами, внушать им, что каждый должен оставить добрый след на земле. И не надо смотреть, кто какой национальности. Сколько бедных людей (беженцев) сюда приехало в 90-е, никто не остался без поддержки. Не только родственники, соседи помогали и русские тоже, дома отдыха для них открыли. Разве мы можем это забыть. И когда к нам обращаются русские – где-то устроить, в чем-то помочь, от кого-то защитить, мы рады всегда это сделать. Вот наша церковь (беседа шла на территории армянской церкви), сейчас идет свадебный обряд, видите, сколько среди гостей русских! Вот так и в радости и в горе вместе... Конечно, мы свой язык хотим поддержать, но все русский должны хорошо знать обязательно. Это язык нашей страны. А еще обратите внимание – из Армении армяне в США уезжали, а из Сочи, из Адлера – нет».

Так что ответить на вопрос, кто больше россияне в многокультурном сочинском регионе, трудно. Российская идентичность и уровень интегрированности в российский социум высокие у абсолютного большинства сочинцев.

Это не значит, что тип интегрированности у всех одинаковый. Более представительными данными мы располагаем по армянам, но брали глубинные интервью и у людей других национальностей. Из интервью очевидно, что при сходной адаптированности в культурно-нормативной сфере социальная включенность различается: психологически грузины и азербайджанцы чувствовали себя сложнее. Характерный пример. После интервью с грузином – менеджером строительного магазина, спрашиваю его, как дойти до границы. «Какой?» – говорит он. Отвечаю: «Абхазской». «До грузинской», – поправляет менеджер и указывает путь. С продажами у него дела идут неплохо, и события в Южной Осетии и Абхазии почти не повлияли, и дом у него есть, и друзья-сочинцы, и дети учатся, и с соседями живет душа в душу, и уезжать он не собирается. Но граница с Абхазией для него – граница с Грузией.

Для абхазов, естественно, граница в Сочи с Абхазией. По оценке лидера сочинской абхазской общины, абхазы адаптировались в городе хорошо. Для большинства русских и армян-старожилов они «свои», им сочувствуют. В Сочи учится много студентов из Абхазии. Те абхазы, которые переехали в город в 90-е годы, в большинстве своем не переезжают в другие места, связи между собой поддерживают. Как пример лидер общины приводит недавние события в Южной Осетии, куда молодежь готова была ехать «поддержать братьев», на которых напали «войска Саакашвили»: «Все быстро собрались и средства собрали. Только старшие нас туда не пус-

Новостройки Сочи

тили, побоялись, что мы, молодые, несдержанны можем быть к грузинам». «Абхазы всегда будут держать сторону России, а здесь в Сочи мы себя, конечно, россиянами чувствуем... Только у нас Родина – Абхазия – рядом, и поэтому национальность в нас сильнее». А вот высказывание еще одного абхаза – не активиста общины, среднего предпринимателя: «Мы разумом здесь все россияне, а сердцем абхазцы, и еще мы все сочинцы».

Что поддерживает интолерантность

Среди русских, которые настроены против новых иммигрантов (турок, приехавших из Средней Азии), 80% и более аргументируют это психологическими причинами – тем, что «они не чувствуют благодарности за то, что живут на нашей земле». Но 72% и среди нерусских сочинцев присоединились к этой аргументации. То есть большинство из них не просто идентифицируют себя как россиян и сочинцев, но и сочинскую землю ощущают как свою. В связи с притоком иммигрантов они чувствуют себя здесь даже более уверенно.

Русские заняты больше в госучреждениях и госпредприятиях, а другие национальности – чаще в среднем и малом бизнесе. Тем не менее последние несколько реже, чем русские, боятся, что иммигранты «отнимут рабочие места» (50% против 59%), и реже чувствуют конкуренцию (40% против 54%), но все-таки половина населения ее ощущает.

Можно с достаточной обоснованностью утверждать, что армяне, грузины, абхазы и греки проявили высокую способность к социальной адаптации в сочинском регионе. Мера адаптивности различна в каждой сфере: в общественно-политической и социальной она больше, в культурной – зависит от времени прибытия и страны исхода. В сфере нормативной культуры принимающей среды и языка она высокая, в бытовой – у представителей разных этнокультур различна.

К сфере социальной адаптации и интеграции относятся и межэтнические установки людей, их готовность к обще-

нию в разных областях – деловой, соседской, дружеской, семейной. Такими установками и измеряется уровень толерантности.

По результатам опросов, более 80% сочинцев готово к деловым контактам с людьми иных национальностей. Национальность начальника для подавляющей части ответивших не имеет значения. Это больше, чем в других районах страны с доминирующим русским населением (например, в Саратовской, Томской, Свердловской, Воронежской областях). Сочинцы готовы соседствовать (89,6%) и отдавать детей в школу, где учатся дети разных национальностей. В этом мы убедились, посещая городские школы. При их выборе родители руководствуются уровнем образования, отношениями в коллективе и удобством расположения.

Межнациональные контакты в Сочи стали давно привычными. Русские, армяне, абхазы придерживаются принципов разумного прагматизма и целесообразности: с коллегами, соседями и друзьями лучше сохранять добрые отношения.

Различия в готовности к межэтническому общению, конечно, есть. Примерно у одной пятой сочинцев, среди которых чуть больше русских, люди другой культуры вызывают неприязнь. Так, русские, а иногда и сами армяне выделяют приезжих армян «с гор» («киляхи»), которые отличаются и обликом, и манерами поведения. Среди мигрантов негативное отношение фокусируется на турках, азербайджанцах, грузинах, таджиках. А среди своих граждан с настороженностью относятся к чеченцам (29%).

Пример Сочи показывает, что на территориях без символической этнической окраски, где нет группы, которой присваивается статус «коренной национальности» (правда, у русских есть «образ доминирующего большинства»), где контактирующие национальности имеют относительно давний опыт общения, благоприятные установки способствуют взаимной адаптации и интеграции. Для большинства национальностей, живущих в Сочи, процесс взаимодействия можно охарактеризовать как интеграцию без ассимиляции. Новая идентичность – национально-гражданская – легко воспринята как русскими, так и другими национальностями, для которых Сочи не нейтральная земля (здесь они и ранее имели свое представительство), она не устранила этническую и региональную идентичности, а совместилась с ними.

Сочинская ситуация, где русские контактируют и успешно адаптируют значительный массив населения иной национальности, в том числе недавних мигрантов, опровергает представление «о разрушительных пропорциях представительства инонационального населения». Армян в Сочи, по переписи 2002 года, чуть более 20%, а в оценках на бытовом уровне – более 30%. Однако никакого разрушения социума не происходит – армяне аккультурируются и адаптируются в структурном, социальном отношении и задают пример другим.

Успех адаптационных механизмов во многом определяется тремя обстоятельствами: высокой заинтересованностью прибывающих к жизни и трудовой деятельности в данном регионе; открытостью русских, их привычностью к постоянным межэтническим контактам; декларированием властью толерантности как нормы общественной жизни и единой государственно-гражданской идентичности.

Препятствует же интеграционным процессам социальная неустроенность людей, сохраняющаяся дезадаптивность к рыночной экономике, и в частности к конкуренции в трудовой сфере, а также неурегулированность в управлении иммиграционными притоками.

Ксенофобия и насилие в России: современные и грядущие вызовы

Владимир Изявич Мукомель,
доктор социологических наук,
заведующий сектором Института социологии РАН,
директор Центра этнополитических и региональных исследований

Ксенофобные настроения распространены во всех слоях российского общества. Это не позиция маргиналов: лозунг «Россия для русских!», по опросам социологов, поддерживается большинством респондентов[1].

С ксенофобией сталкиваются представители всех «видимых меньшинств». Однако в первую очередь она проецируется на представителей мигрантских, не традиционных для данной местности меньшинств. Особое неприятие вызывают выходцы из Южного Кавказа, Северного Кавказа[2], Средней Азии, Юго-Восточной Азии, цыгане.

Россияне полагают, что численность мигрантов значительна: в массовом опросе 45,4% респондентов ответили, что «мигрантов много», еще 22,1% – что мигрантов «слишком много» в их населенном пункте[3]. Большинство респондентов – около 60 % – не желали бы видеть

[1] По данным Левада-Центра, в октябре 2008 года 15% респондентов на вопрос: «Как вы относитесь к идее “Россия для русских”?» – ответили: «Поддерживаю, ее давно пора осуществить». Еще 42% считали, что «ее неплохо было бы осуществить, но в разумных пределах». Лишь 25% ответили: «Отрицательно, это настоящий фашизм». Опрошено 1600 респондентов по репрезентативной выборке, статистическая погрешность подобных опросов не превышает 3%. (Общественное мнение – 2008. М.: Левада-Центр, 2008. С. 124).

[2] Москвичи, например, среди проблем, наиболее их беспокоящих, на второе место поставили: «Много “кавказцев”, выходцев из южных республик» (Опрос Левада-Центра, 2–13 июля 2009 года, 800 респондентов [http://www.levada.ru/press/2009072006.html]).

[3] Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), 17-я волна, ноябрь 2008 года, 14028 респондентов. Блок вопросов включен Центром этнополитических и региональных исследований в рамках проекта «Иммиграция в Россию: социальное измерение» по гранту Фонда МакАртуров № 06-88535-000-GSS.

мигрантов – не славян среди своих соседей.

Россия не нуждается ни в иммигрантах, ни в трудовых мигрантах – с такой точкой зрения солидаризировались 45% респондентов. Только 17% опрошенных верили, что «стране нужны и те и другие мигранты», 19% полагали, что «нашей стране нужны только те мигранты, которые хотят остаться здесь жить навсегда», еще 19% – что «стране нужны только те мигранты, которые приезжают на заработки и не собираются здесь жить постоянно». При этом 55% поддержали бы запрет принимать мигрантов на постоянное проживание в своем населенном пункте, 48% – запрет на временное проживание.

Доля россиян, толерантно относящихся к мигрантам, невелика. Россияне крайне скептично относятся к перспективе интеграции мигрантов в принимающее сообщество, рестриктивная политика поддерживается большинством респондентов[4].

Проблема в том, что вызовы, стоящие перед Россией, особенно демографические и социально-экономические, делают неизбежным приток мигрантов. Начиная с прошлого года Россия вступила в фазу демографического развития, характеризующуюся резким сокращением трудовых ресурсов. В 2009–2025 годах сокращение населения в трудоспособном возрасте составит 13,9 млн человек (в расчетах учтена иммиграция, существенно превышающая нынешнюю). В 2009–2017 годах численность населения в трудоспособном возрасте будет ежегодно сокращаться более чем на 1 млн человек[5].

Нехватка рабочих рук обрекает страну на масштабное привлечение рабочей силы извне. Это не выбор, а необходимость. Однако массовый приток иноэтничных мигрантов станет серьезным вызовом, если не удастся обеспечить их адаптацию и интеграцию.

Антимигрантские настроения стали постоянным фактором общественной жизни и общественного дискурса. С чем это связано? С начала этого века Россия столкнулась с резко возросшими масштабами иммиграции. Динамично развивавшаяся экономика России сделала ее привлекательным местом заработка и проживания для миллионов граждан новых независимых государств. В настоящее время в России насчитывается около 5–6 млн трудовых мигрантов, преимущественно из Средней Азии, государств Южного Кавказа. Занимая рабочие места, не привлекательные для россиян, они напрямую редко конкурируют с ними.

Было бы упрощением объяснять усиление ксенофобии возросшими масштабами миграции, конкуренцией с мигрантами за ресурсы, социокультурным шоком. Причины распространенности ксенофобии глубже.

После распада СССР неопределенность, непредсказуемость и нестабильность надолго вошли в повседневную жизнь россиян. Несмотря на очевидные успехи последних лет, процесс институциональных преобразований далек от завершения. Неизбежным следствием этого является чувство неуверенности в своем будущем и будущем семьи.

Приток мигрантов воспринимается россиянами как нарушение сложившегося общественного порядка, пусть хрупкого и неустойчивого. (Порядок является безусловной ценностью в глазах россиян. Ностальгия по порядку, даже в авторитарной интерпретации, прослеживается во всех слоях общества. Даже демократия, как показывают соци-

[4] Власти должны ограничить приток в нашу страну иностранной неквалифицированной рабочей силы, ужесточить порядок их въезда и регистрации, считают 55% опрошенных. Опрос ВЦИОМ, 31 мая – 1 июня 2008 года. Опрошено 1600 человек. Пресс-выпуск № 984
[http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10303.html?no_cache=1&cHash=60ac7edfef&print=1].

[5] Средний вариант прогноза, рассчитано по: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2025 года (Статистический бюллетень). М.: Федеральная служба государственной статистики, 2008. С. 7.

ологические обследования, ассоциируется для россиян в первую очередь с порядком[6].) Противодействие мигрантам рассматривается принимающим населением как восстановление статус-кво.

Огромную роль играет специфика нашего социального обустройства. В обществе отсутствует вера в себя, в других людей, в совместно построенные институты. Люди доверяют лишь ближайшему окружению – семье, родственникам, друзьям[7]. Агрессия по отношению к «чужим» становится «естественной» реакцией на бессилие личности и социальной группы.

Линия противостояния проходит в социокультурной сфере. Россияне убеждены, что культуры мигрантов размывают культурное ядро локальных сообществ. Вспоминаются слова Мохатмы Ганди: «Я хочу, чтобы ветер других культур свободно веял у моего дома. Но я не хочу, чтобы он сбил меня с ног».

Россияне полагают, что приток мигрантов угрожает социальной стабильности, провоцирует конфликты между принимающим населением и мигрантами; что мигранты не уважают традиции и нормы поведения, принятые в их сообществе.

Ксенофобия – ненависть от страха. Даже если бы эти страхи были надуманны, они становятся социально значимой проблемой, так как воспринимаются таковой общественным мнением.

Однако эти страхи имеют определенное основание. Многие мигранты, особенно прибывающие из патриархальных сообществ, из сельской местности, плохо представляющие городские реалии и слабо владеющие русским языком, с трудом адаптируются в России. В то же время большинство мигрантов настроено на интеграцию, намереваясь стать в дальнейшем законопослушными гражданами России.

Сегодня, при отсутствии целенаправленной политики интеграции, мигранты обречены на социальную исключенность, на сегрегацию от принимающего сообщества. По справедливому замечанию известного английского социолога З. Баумана, «перманентный страх перед насилием подсказывает людям “стратегию разъединения”»[8].

Социальная исключенность мигрантов становится непозволительной роскошью, угрожающей социальной стабильности.

От ксенофобии до ненависти и насилия дистанция невелика. Никто, за исключением особо оголтелых, не хочет насилия. Тем не менее очевидна его эскалация, распространение не только на мигрантов, но и на всех «чужих», включая российских сограждан. По самым осторожным оценкам информационно-аналитического центра «Сова», в 2008 году количество жертв расистского и ксенофобно мотивированного насилия составило не менее 525 человек, 97 из которых погибли[9].

Чтобы стать объектом нападения, как было сказано в обвинительном заключении по одному из расистских убийств, порой достаточно «из-за темноты пло-

---

[6] [http://www.levada.ru/press/2007011504.html]

[7] Уровень межличностного доверия крайне низок по сравнению с развитыми государствами: почти половина респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или большинству людей нельзя доверять?» – ответили, что большинству людей нельзя доверять. (Опрос фонда «Общественное мнение», 28–29 июня 2008 года, 1500 респондентов [http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0826/d082621/]). В другой формулировке вопроса: «Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?» – только 15% респондентов отметили, что большинству людей можно доверять. Опрос ФОМ 26–27 апреля 2008 года, 1500 респондентов [http://t115.adv.ru/document.xml?&document_id=2859460]. Отмечалось, что уровень межличностного доверия в России существенно ниже, чем в странах ЕС [http://www.businesstest.ru/NewsAM/NewsAMShow.asp?ID=3749]. Еще ниже уровень доверия россиян к социальным институтам.

[8] *Бауман З.* Индивидуализированное общество/ Пер. с англ. Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. С. 270.

[9] *Кожевникова Г.* Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2008 году. Под ред. А. Верховского [http://xeno.sova-center.ru/29481C8/C84DCA7].

хого освещения» всего лишь «показаться представителем неславянских народов»[10].

Особо настораживает, что на смену достаточно толерантной молодежи конца 1980–1990-х годов приходят другие когорты, социализировавшиеся в более ксенофобском социальном контексте.

Молодежь солидарна с крайними мерами по отношению к мигрантам и меньшинствам. В массовом обследовании молодежи на вопрос: «Как следовало бы поступить с незаконными мигрантами?» – 22% респондентов ответили, что их следовало бы «ликвидировать», 21% – что их следует «изолировать от общества»[11].

Сегодня социальная исключенность мигрантов – проблема самих мигрантов. Однако завтра это станет вызовом для российского общества. Если не обращать внимания на социализацию мигрантов и особенно их детей, в России возникнет проблема «трудных кварталов», с которой уже столкнулись страны Западной Европы.

Проблема интеграции второго поколения иммигрантов и временных трудовых мигрантов, многие из которых годами постоянно пребывают в России с семьями, выходит на первый план. Сотни тысяч детей мигрантов, прошедших социализацию в России, не станут мириться со сложившимся положением. Второе поколение иммигрантов будет бороться с дискриминацией и ксенофобиями. Вопрос – в способах, к которым они прибегнут в этой борьбе.

Насилие порождает насилие. Как отмечает З. Бауман, «насилие, обвинения в насилии и ожидание насилия превращаются в главное средство отстаивания прав индивидов или групп. Старый принцип si vis pacem, para bellum[12] ... кажется актуальным как никогда для всей социальной системы сверху донизу, будь то на глобальном, местном или внутрисемейном уровнях»[13].

Отсутствие до последней поры насильственных практик со стороны мигрантов и представителей «видимых меньшинств» не является следствием принятия ими этики ненасилия. Не очевидно, что последние не прибегнут к насильственным действиям, исчерпав свои аргументы против дискриминации, насилия. Дело «Черных ястребов», группировки молодых азербайджанцев, нападавших на молодых москвичей-славян, – прямое тому подтверждение.

Главное сегодня – исключить насилие как средство решения возникающих конфликтов. Что этому препятствует?

Во-первых, влияние исторического опыта и традиций. Вся история России есть история насилия. Насилия государственного, противостоящего всяким потугам организации институтов гражданского общества. Мы прекрасно помним слова Ленина: «Государство – это особый аппарат для систематического применения насилия и подчинения людей насилию».

Насилие культивировалось не только государством, но и обществом, его элитой. Вспомним, что лозунг «Если враг не сдается, его уничтожают» сформулировал в 1930 году вовсе не Сталин, а великий гуманист Максим Горький. Не будем забывать и о насилии в семье, имеющем богатую традицию.

Русский язык – великий язык. Но благодаря ему в ведущие европейские языки пришло не только слово «спутник», но и слово «погром».

Сегодня негативным эхом отзываются закрытость советского общества, отсутствие укоренившихся традиций иммиг-

---

[10] Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2007 году. Под ред. А. Верховского [http://xeno.sova-center.ru/29481C8/A91EC67].

[11] *Даффлон Д.* Молодежь в России: портрет поколения на переломе // Вестник общественного мнения. Сентябрь-октябрь 2008 года. № 5 (97). С. 28.

[12] «Хочешь мира – готовься к войне».

[13] *Бауман З.* Указ. соч. С. 269.

рации, контактов с иностранцами. Точно также, как и устойчивые представления о действенности административных мер, неоимперское мышление, разрыв между законодательством и правоприменением, отсутствие традиций диалога и социального компромисса.

Во-вторых, огромную роль играют особенности общественного сознания россиян. Среди них – представление о целесообразности, которая может быть превыше Закона, убежденность в доминировании государственных интересов над групповыми и личными, привычное недоверие к властям. А также политизированность мышления, неразвитость гражданского самосознания, экспансия культуры цинизма.

Наше прошлое сказывается сегодня полной мере. Мы по-прежнему живем в мобилизационном обществе, в постоянном поиске «врагов»[14]. Дух конфронтации пронизывает все общественные дискуссии в России, а понятия ненасилия, терпимости, компромисса имеют явную негативную коннотацию.

Однако, по справедливому замечанию Амартии Сена, «сомнительная история не может оправдывать сомнительную политику»[15]. Если что и внушает оптимизм, так это то, что в любой стране общественные ценности представлены в чрезвычайном разнообразии. И Россия, конечно, не исключение. Как в начале XX века в России сосуществовали культура Льва Толстого и культура погромщиков, так и сегодня имеются две культуры. Для одной толерантность и ненасилие являются самодовлеющей ценностью. Другая готова оправдать и ненависть, и насилие.

Сегодня ключевой вопрос: какая из двух культур победит? В какой атмосфере мы будем жить завтра? Займет ли достойное место в общественном сознании россиян этика толерантности?

Осуждение ксенофобии, как правило, идет с этических позиций. Однако давно пора понять: ксенофобия не прагматична. Растаскивая общество по этническим клеткам, она угрожает российской государственности. Сегрегированное общество лишено будущего.

Неизбежным следствием политики потворства ксенофобии и мигрантофобии являются опасные внутриполитические вызовы, такие как ослабление социальных институтов, деградация моральных норм, ускоренная депопуляция, рост социальной напряженности, серьезные угрозы конституционному строю, снижение эффективности и конкурентоспособности российской экономики. Можно было бы еще долго продолжать этот ряд внутренних угроз, но не только в них дело. Ксенофобия и мигрантофобия влекут за собой и внешнеполитические угрозы: ослабление влияния России в рамках СНГ, G-8, G-20, Шанхайской группы, нарастающую (само)изоляцию России на внешнеполитической арене.

Каналы распространения ненависти к «чужим» известны: массмедиа, выступления публичных политиков, массовая культура, особенно молодежная субкультура, отдельные представители интеллектуалов. Напрашивающийся вывод: достаточно их перекрыть, ввести элементы если не пресловутой политкорректности, то элементарной чистоплотности, прекратить разглагольствования об «аккуратном национализме». Увы, этого недостаточно.

К сожалению, сегодня реализация политики интеграции наталкивается на фундаментальные проблемы. Во-первых, отсутствует общественный консенсус относительно стратегии развития России. Есть две альтернативные позиции. Согласно одной, исходя из демографических, социальных, экономичес-

[14] Согласно опросам общественного мнения, список государств – врагов России, возглавляют (за исключением США, стоящих на втором месте), наши ближайшие соседи: Грузия, Украина, Латвия, Литва, Эстония (Левада-Центр, репрезентативный опрос 1600 россиян, 22–26 мая 2009 года [http://www.levada.ru/press/2009061001.html].

[15] *Сен А.* Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004. С. 273.

ких и геополитических вызовов, Россия нуждается в иммигрантах. Другая гласит: будущее России в ориентации на русско-православное культурное ядро, жестком ограничении иммиграции.

Во-вторых, в России нет институтов, которые не на словах, а на деле боролись бы с ксенофобией. В США в свое время решающий вклад в борьбу с расовой сегрегацией внесли четыре института: Верховный суд, армия, спорт и шоу-бизнес. А у нас?

Институты, призванные преодолевать проблемы, превратились в институты, их порождающие. Вероятно, нужны кардинальные реформы в судебной системе, образовании, армии, правоохранительных органах.

В-третьих, неэффективны институты социализации мигрантов, их адаптации и интеграции. Исключением являются рабочие коллективы, в которых, как демонстрируют исследования, мигранты интенсивно общаются с местными работниками, причем чаще на русском языке[16].

В-четвертых, отсутствуют инструменты согласования интересов различных акторов политики интеграции: федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления, работодателей, иных бизнес-структур, принимающего населения, мигрантов.

Особое значение приобретают инструменты согласования интересов разных социальных и политических групп. Если в обществе – хотим мы того или нет – доминируют ксенофобные настроения, они должны быть услышаны. Но для этого они должны быть артикулированы. И это будет серьезной проблемой для идеологов интолерантности: вступая в контакт с обществом, они обречены на выход за пределы своего птичье-матерного языка.

Необходим диалог. Иначе, в отсутствие переговорных площадок и механизмов согласования интересов различных групп, дискурс подворотни – не артикулированный, не подвергаемый критике и обструкции – будет присутствовать везде.

Изменение общественного сознания и институциональной структуры – процесс трудный и долгосрочный. В то же время стоящие перед страной вызовы слишком серьезны. Необходима продуманная и прозрачная политика противодействия интолерантности, включающая принятие соответствующей государственной программы, создание общественного контроля над функционированием социальных и политических институтов, призванных противодействовать ксенофобии. Только в этом случае можно поставить действенный барьер эскалации ненависти.

Иначе ксенофобия, как и сегодня, будет являться не только продуктом, но и инструментом функционирования российского общества.

[16] Согласно обследованию, проведенному среди азербайджанских и таджикских мигрантов в Астрахани и Самаре, только 20% трудовых мигрантов работали в преимущественно мигрантских рабочих коллективах, остальные – в коллективах, где преобладали местные работники (37%), либо в смешанных коллективах (35%). Общались на работе на материнском языке лишь 4% мигрантов, основная масса общалась на материнском и русском языках (57%) либо исключительно на русском (39%). (Обследование Института социологии РАН, грант РГНФ № 08-03-00263а «Анализ социальных практик, способствующих теневой занятости трудовых мигрантов», 2008 год, 422 респондента).

Украинское общество: интолерантность как расплата за гражданский конформизм

Анатолий Николаевич Круглашов,
доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича (Украина)

Толерантность – важнейшая ценность современного мира, одно из существенных условий дальнейшего развития человечества. Она позволяет найти выход из противоречий между глобализационными императивами и стремлением оградить от их нивелирующего воздействия локальные, региональные и национальные особенности. Наш мир, находящийся в движении, иногда не отличимом от хаотической суеты, нуждается в выработке правил поведения не только для глобальных акторов, но и для всех людей, вовлеченных в современные процессы как их объекты и субъекты.

Поэтому вопросы о том, какова природа толерантности, отчего люди вообще и граждане постсоветских стран в частности порой далеки от ее норм, представляют не столько отвлеченно-теоретический, сколько вполне практический, даже жизненно важный интерес. Как и выяснение того, что нужно делать ученым, исследователям, гражданским активистам для разрешения проблем, вызываемых растущими проявлениями агрессивного отношения к «иному» в национальной, религиозной и других сферах социальных взаимодействий.

На мой взгляд, толерантность – далеко не норма глобального мира и той социальной среды, в которой мы живем. Более того, это вовсе не модус существования индивида. Пожалуй, наоборот, человек по своей природе и в силу влияния исторического и социально-политического контекста не склонен к толерантности. Из-за фрустрационных и других комплексов он скорее интоле-

рантен по отношению к любому «иному». Иное, непонятное, непознанное, чужое, непредсказуемое, воплощенное и представляемое другими людьми несет в себе вызов, часто угрозу и опасность, а значит, является стрессовым и мобилизирующим к тому или иному действию фактором. Как правило, первичная, наиболее «естественная», а значит, и истинная реакция восприятия «иного» интолерантна. Наверное, чем больше это чужое отличается от привычного и понятного «своего», чем активнее проявляет себя в неподготовленной к его восприятию среде, тем острее будет его неприятие со стороны «своих»[1].

Только тогда, когда напряжение между «своими» и «чужими» достигает уровня открытого конфликта, в случае своевременного осознания его разрушительных последствий могут включаться другие, рационально образуемые защитные, адаптационные механизмы. И уже благодаря ним может вырабатываться та или иная мировоззренческая и поведенческая формула толерантного отношения к проявлениям «иного» и его носителям.

Исходя из этих общих представлений, рассмотрим в данной статье несколько сюжетов, связанных с проблемами толерантности, на примере этнонациональных процессов в украинском обществе. Украинская этнополитика – достаточно сложное явление. С одной стороны, в Украине сформирована правовая база, в которой провозглашаются и утверждаются ценности толерантности, межкультурного, межэтнического, межрелигиозного диалога[2]. В стране сложилась определенная система институтов, которые ответственны за мониторинг, контроль и упреждение интолерантных проявлений.

С другой стороны, до сих пор не решен даже на теоретическом уровне вопрос о соотношении и синтезе двух основных концепций и национально-государственных стратегий – этнонационального строительства и строительства политической нации. И украинская политическая мысль, и экспертное сообщество, и тем более политики оказались перед выбором: пытаться построить государственность Украины на основании устремлений, представлений и стереотипов титульной нации либо создавать ее как сообщество граждан независимо от их этнического происхождения.

Каждая из этих стратегий имеет свои достоинства и недостатки. В первом случае возникает соблазн построения социума во главе с титульной нацией, которая осуществляет доминирующее влияние на все сферы жизни государства за счет того или иного ограничения прав национальных меньшинств. В таком случае неминуемо создается серьезное напряжение между титульной нацией и меньшинствами, что влечет за собой значительные угрозы, которые нельзя проигнорировать. А во втором – при внешней перспективе гармонизации различий между национальным большинством и другими этническими группами остается непонятным, как примирить, согласовать и интегрировать этнические, культурные, региональные, религиозные проявления идентичностей, которые в Украине все еще не сформированы и не структурированы. Более того, неясно, каково место и роль этнокультурных признаков, исторических, социальных, ментальных особенностей государствообразующего этноса в формировании гражданского сообщества в Украине. По этим вопросам нет базового консенсуса ни в обществе[3],

[1] Подробнее см.: *Євтух В.* Соціологія міжетнічного конфлікту: теоретичний аспект. Політичний менеджмент. 2006. № 6 (21). С. 13–14.

[2] *Бородінов В.* Національні меншини в контексті інтеграційних процесів Україна – ЄС. Правові та соціополітичні аспекти взаємовідносин ЄС – Україна. Матеріали шостої міжнародної наукової конференції з серії «Європейське право сьогодні: освіта, наука, практика, 23 – 24 жовтня 2008 р. С. 60–62.

[3] См., напр.: *Фельдман О.* Етнонаціональна політика: нові рубежі і нові завдання. День. № 170. 21 вересня 2000.

ни в академической среде[4]. В связи с этим преждевременно говорить об эффективности политики Украины в сфере этнополитических отношений.

Еще один момент, который заслуживает рассмотрения, касается изменений этнодемографических параметров украинского общества, о чем свидетельствуют итоги переписи 2001 года и более поздние статистические данные. В частности, уместно вспомнить, как российские эксперты с большой тревогой обсуждали то, что в Украине оказалось «потерянным» значительное количество тех граждан, которые в 1989 году идентифицировали себя как русские. Их число уменьшилось с 22[5] до 17%[6], то есть 5% русских куда-то «исчезли» в удельном весе населения страны. Однако, думается, речь идет не о массовой эмиграции русских из Украины после обретения ею государственной независимости, а о том же самом политическом конформизме, когда в годы советской власти немалая часть украинцев, прежде всего смешанного происхождения, предпочитала называть себя русскими. Это дает важный исторический материал для размышлений об уровне толерантности и иерархии этничности в обществе того времени. В условиях же независимого украинского государства эта форма идентификации (проявление своего рода социальной мимикрии), равно как и ее формальные атрибуты оказались для этих людей невыгодными. Вот тогда они и вернулись к выбору той идентичности, которая была ими ранее отвергнута. В этом случае опять же можно говорить о возможном влиянии на выбор национальной принадлежности ожиданий проявления интолерантности к национальным меньшинствам со стороны представителей титульной нации. В обоих случаях выбор был сделан в пользу конформистских ценностных установок и позиций.

Смена предпочтений этнических идентичностей, базирующаяся на определенных адаптационных механизмах, может быть прослежена и на примере Черновицкой, Закарпатской и Одесской областей. Речь идет о динамике национальной идентификации граждан Украины, определяющих себя как румыны и молдаване. Напомним, что по официальной версии румынских властей и ученого сообщества, поддерживаемой румынскими национальными обществами в Украине, румын и молдаван как отдельных наций не существует, а есть один единый народ – румыны. Согласно такому подходу, в Украине нет и не может быть отдельного румынского и молдавского этносов (национальных меньшинств), а существует единое румынское национальное меньшинство. Впрочем, далее утверждается, что оно является не традиционным меньшинством, а коренным, автохтонным народом на данных территориях современной Украины. Принимая такую точку зрения, нужно признавать румыноязычных граждан Украины третьей, после украинцев и русских, группой населения страны. В таком случае эта условно единая этногруппа получает статус второго по численности меньшинства в Украине, что не может не влиять на внутриполитическое положение в стране. В истории этого вопроса также есть немало поводов для анализа конформистской составляющей данных процессов[7].

Так, например, в советское время давление власти на граждан СССР румынской национальности было направлено

---

[4] Интересное исследование в этом направлении см.: *Котигоренко В.* Етнічні протиріччя і конфлікти в сучасній Україні: політологічний аспект. Київ, 2004.

[5] Етнічні спільноти України. Довідник. Київ. 2001. С. 9.

[6] *Котигоренко В.* Зміни в етнічній та етномовній ідентифікації населення України: порівняльний аналіз. Міжнаціональні відносини і національні меншини України: стан, перспективи. Київ. 2004. С. 281.

[7] *Круглашов А.* Чернівці: (не)порозуміння між спадщиною та спадкоємцями. Чернівці в контексті урбаністичних процесів Центральної та Східної Європи. Чернівці, 2008. С. 30–31.

на то, чтобы поощрять их переход в состав молдавского этноса, представители которого рассматривались как вполне лояльные к советской государственности (в отличие от румын). Немало граждан подчинилось этому давлению, приняв его как навязанный выбор. С распадом советского государства пробуждение и развитие румынского национального самосознания настойчиво и системно стимулировались Бухарестом, видевшем в территориях Северной Буковины и Бессарабии «исконные» земли Великой Румынии, а в восточноромансском населении на этих территориях – важное средство решения спора об их государственной принадлежности в свою пользу. С подготовкой к вступлению Румынии в НАТО и ЕС радикальность внешнеполитических планов Бухареста уменьшилась. Теперь полем борьбы стал вопрос выбора румынской национальной идентичности молдавского населения как средства утверждения особой роли Бухареста в качестве, как минимум, защитника его национальных прав и, как максимум, центра воссоединения румынской и молдавской государственности, после которого возможны и другие геополитические изменения в регионе.

Затрачивая весомые усилия на работу по румынизации молдаван, Бухарест применяет такой важный стимул, как представление им паспортов Румынии, что автоматически делает их гражданами ЕС. Таким образом, речь идет не столько о революции национального самосознания, сколько об использовании прагматических, а то и конформистских реакций части населения Украины (и Республики Молдова) третьей страной. Ведь для этих людей формальная румынизация открывает дорогу на рынки труда ЕС, что в условиях экономической депрессивности территорий проживания молдавского населения является привлекательной жизненной перспективой. Таким образом, жесткое административно-политическое давление в советском прошлом уступило место экономическим и социальным привилегиям в настоящем, вознаграждающим конформистские реакции по отношению к внешним воздействиям данной части населения Украины. Подобные действия грубо нарушают законы Украины (правовая недопустимость двойного гражданства), несут потенциальные угрозы политической стабильности и даже территориальной целостности государства.

Следует отметить и такой феномен, присущий не только Украине, но и другим постсоветским, восточноевропейским странам, как стремительная утрата еврейского населения. Напомним, что в начале XX века евреи в некоторых городах Украины составляли от 40 до 80% жителей. Они занимали весьма важную нишу не только в этнической, но и в социально-культурной структуре украинского общества, порой монополизируя ряд профессий (начиная с врачей и заканчивая торговцами). С 1970-х годов происходит резкое сокращение еврейского населения. В настоящее время оно составляет менее 0,2% от общей численности граждан[8]. Данный процесс также свидетельствует о весьма существенных изменениях в этносоциальной структуре украинского общества, вызванных экономическими, политическими и социальными причинами. Все это нарушает тот нестойкий баланс взаимодействий и толерантности по отношению к привычному «иному», который порой драматически складывался на территории Украины на протяжении многих столетий.

Вместо него Украина должна выстраивать новую систему восприятия и адаптации «своего» к «чужому» и наоборот. А это – непростая задача. Ведь Украина является не только крупнейшей страной транзита газа и нефти.

[8] *Зорько В.С.* Етнічна та релігійна толерантність в українському суспільстві: соціологічний вимір. Стратегічні пріоритети. 2007. № 4 (5). С. 81.

По ее территории проходит огромный миграционный коридор, через который в свое время осуществлялось Великое переселение народов и благодаря которому была создана в разные эпохи вся этническая карта современной Европы. Этот процесс продолжается с новой волной глобальных миграций, в частности из Азии и Африки в Европу. Вследствие неконтролируемой миграции, прежде всего нелегальной, в Украине появляются те же проблемы, что и во многих других странах мира. Та часть мигрантов, которые не могут достичь новой «Земли обетованной» – ЕС, оседает у его преддверия, создает в Украине эмигрантские сообщества, новые диаспоры. Они оказываются не готовыми к восприятию реалий принимающего общества[9], а государство пока не может предложить им даже минимальной адаптационной программы. В результате с начала нового века в традиционно относительно лояльном и терпимом в этнокультурном и расовом плане украинском обществе усиливаются тенденции роста ксенофобии, интолерантности, расизма[10].

Хотелось бы коснуться и вопроса о влиянии общеполитической ситуации в Украине на уровень толерантности общества. Здесь уместно провести сравнение с Россией. Сегодня кремлевская элита активно эксплуатирует имперские мифы во внутренней и внешней политике. До возрождения триединой уваровской формулы в чистом виде не дошло, но именно эти (ретро)имперские паттерны выступают в качестве объемного, хотя и иллюзорного «компенсационного пакета», предлагаемого властной элитой российскому обществу. Этим прикрывается ее неспособность решать реальные экономические, социальные и прочие вопросы, стоящие перед страной. Не слишком старательно сдерживаются властями нарастающие ксенофобские и прочие агрессивные настроения[11]. Подобная практика позволяет переключить негативную энергию наиболее недовольной части россиян на ту агрессию, которая не несет прямой угрозы властям, хотя и разрушает гражданские основы российского общества, не говоря уже о демократичности государственного устройства. Таким образом удается на время снять вопрос о социально-политической ответственности элит перед согражданами. Локальные проявления своего рода «управляемой гражданской войны» как бы иммунизируют общество от угрозы полномасштабной войны всех против каждого. Насколько такая политтехнология перспективна и ответственна – рассудит история.

Рост нетерпимости и агрессивности на почве интолерантности к «иному», увы, отмечается и в украинском обществе[12]. Единственное, хотя и важнейшее, на мой взгляд, отличие состоит в том, что в Украине нет «госзаказа» на применение ксенофобии в качестве политического инструмента. Украинская элита целенаправленно не использовала и не использует этническую карту, дурман ксенофобии и нетерпимости в качестве «компенсационного пакета» обществу. Во многом потому, что у украинской элиты есть иные приоритеты, например решение вопроса о власти, что на современном этапе не столь актуально для России.

В то же время бытовая ксенофобия продолжает расти, пусть и меньшими темпами, чем в других постсоветских странах[13]. В частности, с конца 90-х годов наблюдается парадоксальное явление: демографический вес еврейской общины в Украине стремительно уменьшается,

---

[9] *Миколюк О.* Живе місце. День. № 34. 27 лютого 2009.

[10] *Лихачов В.* Страх і ненависть в Україні. Критика. № 7–8 (129–130).

[11] *Замятин В.* Одна из жертв московского погрома. День. № 70. 23 квітня 2009.

[12] *Дубинянський М.* Ксенофобія, якої немає. Українська правда [http:pravda.com.ua/news/2009/3/26/92094.htm].

[13] *Шлаєн О.* Де закінчується цивілізація. Дзеркало тижня. № 30 (455), 9 серпня 2003.

Черновицкий национальный университет

а уровень антисемитизма, напротив, достигает заметных показателей (хотя и не критических). Такие настроения больше распространены в Западной Украине, в сельской местности, среди старшего поколения. Причем, чем больше евреи превращаются из реальных людей – друзей, соседей, коллег и т.д. – в некий виртуальный образ, тем сильнее этот образ мистифицируется и воспринимается определенной частью общества с отторжением, а иногда даже с ненавистью.

Росту антисемитских настроений в Украине может быть дан ряд объяснений. Прежде всего, евреев очень немного в реальном жизненном пространстве рядовых украинских граждан, зато они активно наполняют виртуальное (информационное) пространство. Кроме того, так уж исторически сложилось, что среди ведущих олигархов Украины представителей коренной нации практически нет. Первые позиции в этом ряду занимает не еврей Р. Ахметов, но дальше идут В. Пинчук, И. Коломойский и другие весьма известные представители этой убывающей численно, но все более влиятельной этнической группы украинского общества. Оказывается, что ксенофобия и антисемитизм в Украине четко коррелируют с социально-экономической дифференциацией общества. Недоступность ряда материальных ресурсов, резкая имущественная поляризация, кричащая роскошь и отгороженность наиболее богатых от рядовых сограждан приводят к тому, что в качестве объекта персонификации такого образа жизни, недоступного большинству населения, выступают отдельные представители еврейской общины, невзирая на то, что численно она очень незначительна даже на территориях своего традиционного пребывания на протяжении многих предшествующих столетий.

Несколько слов о роли общества в происходящих процессах. Продуцируют ли граждане Украины и созданные ими структуры гражданского общества этническую толерантность или же, наоборот, интолерантность? Моя гипотеза состоит в том, что, за двумя исключениями в современной истории (проявлением гражданской активности в конце 80-х – начале 90-х годов и во время событий «Оранжевой революции»), украинское общество оказывается довольно

инерционным, находится в состоянии «социального анабиоза». Это общество в основном пассивных, сосредоточенных на своих личных проблемах граждан, которые в большинстве случаев не испытывают потребности в самореализации через коллективную самоорганизацию даже на низовом уровне.

Такой избыточный гражданский конформизм усугубляется осознанием неспособности граждан влиять на ситуацию в государстве через механизмы достаточно часто и более-менее прозрачно проводящихся выборов, общественного контроля над деятельностью администраций, институтов и чиновников разных уровней.

В таком состоянии украинское общество впадает в некоторые крайности. Например, согласно нашим социологическим исследованиям, в 2001 году только в Черновицкой области более 40% опрошенных буковинцев были готовы при определенных обстоятельствах навсегда эмигрировать из Украины. Эта цифра хотя и несколько превышала, но в целом соответствовала общеукраинским показателям. Таким образом, был период, когда едва ли не половина жителей страны, пусть условно, только в смысле психологической настроенности и социальной предрасположенности, «сидела на чемоданах». Останавливало их только то, что, во-первых, нечего было в эти чемоданы положить, а во-вторых, непонятно было, куда с ними дальше двигаться. Неудивительно, что в таких условиях гражданская ответственность этих людей стремится к нулю. Они чувствуют себя изгоями в своей собственной стране, страдают политическим и социальным инфантилизмом. Однако чувство беспомощности и политической отрешенности, схожее с энтропической толерантностью, не может копиться в них бесконечно. Отсюда перенос, изъясняясь языком психологии, неуважения к себе на «иных».

И ксенофобия в целом, и антисемитизм в частности выступают своеобразными психоэмоциональными «громоотводами» для нереализованной конструктивно энергии немалой части общества. И хотя, как уже говорилось, в Украине, к счастью, нет государственного заказа на манипулируемую канализацию разрушительной энергии через эти «громоотводы» на определенные (как правило, маргинальные) группы населения, на бытовом уровне социальная агрессия ищет выхода. «Другие» становятся наибольшим раздражителем, «мешают» жить лучше, от них желательно если не избавиться, то хотя бы удалить подальше от себя[14].

Таким образом, я полагаю, что интолерантность в украинском обществе во многом становится расплатой за гражданский конформизм. То есть за неспособность изменять ситуацию в своей жизни, обществе, стране согласно собственным ожиданиям, неумение добиваться политического влияния и контролировать деятельность властей, отсутствие возможности самореализации через структуры гражданского общества.

Гражданское общество в Украине, как и в других постсоветских странах, достаточно виртуально, разобщено, локализировано[15]. Многих его активистов или менеджеров, которые успешно строят не только свою социально-политическую, но и имущественную карьеру, используя средства доноров, я бы назвал «грантье». Однако как их манипуляции с деньгами соотносятся с потребностями украинского общества, стимулируют ли они его развитие как самоорганизующейся структуры? Это вопрос, открытый для дискуссий.

---

[14] См., напр.: *Кириченко І., Паніна Н.* Особливості національної толерантності в Україні. День. № 33 (408) 31 серпня – 6 вересня 2002.

[15] *Пожидаєв Є.* Особливості структури «третього сектору» в Україні. Росії та Білорусі. Буковинський журнал. 2009. № 1–2. С. 131–139.

Последний момент, который я затрону, связан с моими личными наблюдениями и изучением процессов, происходящих в Буковине. Этот регион традиционно рассматривается как пример успешного поликультурного общества. Тем более важно обратить внимание на то, что и здесь происходят деформации в части этнической и конфессиональной толерантности. Эти изменения показывают, что упование на исторические традиции и позитивные стереотипы недостаточны, если при этом нет инициативности самих граждан, их готовности противодействовать проявлениям интолерантности.

Буковина как позитивный образец межэтнического сожительства в Австро-Венгрии обязана этому счастливым совпадением ряда факторов, прежде всего отсутствию в регионе нации(этноса)-гегемона. Отсюда – появление необходимости межэтнического баланса, ставшего возможным благодаря наличию образованных, интеллигентных лидеров этнических сообществ, заинтересованных в открытости и диалоге. Свой вклад внесла и поддержка центральных и местных властей, поскольку полиэтнический регион, перенасыщенный конфликтующими этническими группами, мог создать серьезную проблему для Дунайской империи. Поддерживая местную традицию диалога и межэтнической комплиментарности, Вена стимулировала формирование здесь особой микромодели регионального сообщества. В такой синергии государственных и общественных устремлений были достигнуты весомые, достойные уважения результаты. Однако, как только эти условия прекращают свое существование, а именно в румынский период истории края (а позже и в советский период истории его северо-западной части, территориально оформленной как Черновицкая область УССР), на место региональных традиций межэтнического диалога и сотрудничества постепенно приходят растущие проявления интолерантности[16].

Там, где нет сознательной позиции гражданского общества, запроса граждан на создание атмосферы толерантности и постоянного культивирования ее, эффективно действующей в этом направлении власти, там толерантность как преобладающая норма взаимоотношений является скорее благим пожеланием, нежели достигнутым результатом. Толерантность – очень деликатный продукт культурного развития. Она сознательно и бережно взращивается на почве, иногда обильно удобренной последствиями реализации на практике ее альтернатив. Она возникает там, где границы «свой – чужой» уже очерчены, но все или хотя бы большинство членов общества понимают, что иной формы социального развития, чем цивилизованное сосуществование и уважительное взаимодействие, не существует.

Распространяющаяся в последнее время в мировом масштабе и на постсоветском пространстве «болезнь» интолерантности как отторжения «чужого» показывает, что часть общества интуитивно чувствует недостаточность поведенческой модели гражданской апатии и гражданского конформизма. Она пытается измениться, но не способна найти тот путь изменений, который является наиболее приемлемым для общества в целом, а не ведет его к очередным трагическим тупикам. Радикализм и интолерантность выявляют патологии общественного и государственного устройства, служат жесткой встряской от социальной апатии и конформизма. Они призваны катализировать самореализацию общества на новом уровне, вызывать к жизни совершенствование государственной политики. Эти вызовы будят те интеллектуальные силы, которые направлены на поиски новых форм и механизмов сосуществования и взаимодействия людей разных убеждений, религий и культур.

[16] *Круглашов А.* Регіональна етнополітична стабільність: історична ретроспектива (на прикладі Чернівецької області). Політичні та соціологічні студії. Чернівці, 2005. Т. III. С. 18–23.

Политика интеграции иммигрантов во Франции: идеология и практики

Константин Борисович Дьяконов,
кандидат социологических наук,
младший научный сотрудник
Центра исследований
межнациональных отношений
Института социологии РАН

За последние десятилетия проблематика интеграции полиэтничного и поликонфессионального общества, столкнувшегося со значительными потоками иммигрантов, привлекает все большее внимание российских специалистов. В этой связи знакомство с подходом к решению подобных проблем на Западе способствует более осторожному и осмысленному обращению к иностранному опыту при прогнозировании и обосновании политических мер в России. При этом интерес исследователей направлен в первую очередь на США – традиционно «иммигрантскую» страну, опыт интеграции иммигрантов и регулирования этнокультурного разнообразия которой получил наибольшее освещение в мировой научной литературе. В то же время европейский опыт, представляющий не меньший интерес, известен не столь широко.

Среди государств Европы особое место занимает Франция – страна с исторически сложившимся этническим разнообразием, которое за последние полвека увеличилось благодаря значительному числу иммигрантов неевропейского происхождения. При этом прежние волны иммиграции преимущественно из европейских и католических стран (до 1960-х годов) нередко противопоставляются новым иммигрантам из бывших африканских колоний, где преобладает мусульманское население.

Подобные сравнения в пользу предыдущих волн иммиграции характерны и для других стран, столкнувшихся со значительными новыми потоками иммигрантов. Однако если в США проти-

вопоставление выстраивается в первую очередь на предположении о более низкой квалификации новых иммигрантов, то во Франции акцент делается на их меньшей культурной готовности к ассимиляции.

Значение, которое придается во Франции именно культурному аспекту интеграции, отражает специфику так называемой «французской модели» интеграции. Франция представляет собой главный пример модели государства-нации, основанного на принципах универсализма и эгалитаризма, признающего только индивидуальную интеграцию граждан. Американскому «культурному федерализму» здесь противопоставляется французский культурный «централизм», «унитаристское представление о нации в сочетании с возвышенным образом французской цивилизации»[1].

Объектом пристального внимания в России Франция стала в связи с попытками концептуализации российского нациестроительства, особенно после событий в пригородах французской столицы осенью 2005 года. Идея «Еврабии»[2] получила широкий резонанс в российской прессе, академических и политических кругах, вплоть до намеков на «доморощенных марокканцев»[3] в лице трудовых мигрантов из Средней Азии и на возможность повторения «французского сценария» в российских городах.

Что же представляет собой «французская модель» интеграции? Насколько эффективной оказывается интеграционная политика, опирающаяся на идеологию гражданского национализма, в теории и на практике? Какие стратегии интеграции выбирает правительство Франции для успешного включения иммигрантов из бывших французских мусульманских колоний во французское общество? Попытка ответить на эти вопросы предпринята в данной статье, основывающейся на теоретических и эмпирических работах западных, главным образом французских, и российских специалистов, а также на глубинных интервью автора с французскими социологами и политологами.

Государство во Франции опередило и способствовало созданию нации. Национальная идея начала формироваться в X–XI веках и укреплялась вместе с абсолютизмом вплоть до Революции, во многом определившей современное понимание нации во Франции. С этим также связано определение национальной принадлежности во французском языке как одновременно культурной и политической принадлежности индивида.

В словаре французского языка Ларусс (Larousse) нация определяется как «совокупность людей, проживающих на одной территории, имеющих общее происхождение, историю, культуру, традиции, иногда язык и составляющих политическое сообщество». Таким образом, неотъемлемым атрибутом нации является ее политический аспект. Якобинское видение нации предполагает ее универсальность и открытость. Потенциально членом нации может стать каждый, кто принимает универсальные республиканские ценности. В то же время, как отмечает Д. Шнаппер, на практике последние нередко оказываются тесно связаны с историей монархической Франции и католичеством[4].

Закрепление особого политического понимания нации во Франции связано с аннексией Эльзаса и Лотарингии Пруссией в 1870 году. Поражение во франко-прусской войне способствовало глубокому анализу национальной идеи, позднее оформившейся в настоящую

---

[1] *Ле Коадик Р.* Мультикультурализм // Диалоги об идентичности и мультикультурализме / Ронан Ле Коадик, Е.И. Филиппова. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 26.

[2] *Ye'Or B.* Eurabia: The Euro-Arab Axis. Madison (NJ): Fairleigh Dickinson University Press, 2005.

[3] *Прожогина С.В.* Погас ли осенний костер? // Азия и Африка сегодня. 2006. № 4 (585). С. 38–46.

[4] *Schnapper D.* La France de l'intégration: sociologie de la nation en 1990. P.: Gallimard, 1991. P. 63.

доктрину. Стоит отметить, что политический передел этих двух регионов также сказался на становлении национальной идеи в Германии и Италии. В эпоху национализма и конфликтов между европейскими странами различное определение нации, по сути, являлось инструментом формирования национального сознания.

Несмотря на значительное влияние авторов, придерживающихся традиционного видения нации, таких как Л. де Бональд или Ж. де Местр, преобладающей во Франции стала концепция нации, подчеркивающая значение свободного волеизъявления граждан и наследия Революции. Таким образом, в условиях политического, экономического и военного противостояния со временем закрепилась идеологическая оппозиция между нацией, «рожденной Французской революцией», и нациями – «наследницами Старого режима»[5].

Социология как источник представлений о социальных фактах в значительной степени способствовала и продолжает способствовать идеологическому господству во французском обществе республиканской модели. В отличие от немецкой классической социологии, демонстрировавшей значительный интерес к природе этнонациональной принадлежности, понятие «нация» практически отсутствует в работах классиков французской социологии.

Наравне с заботой о солидарности общества, характерной для дюркгеймовской школы, французскую социологию довоенного периода отличает представление о необходимости совпадения культуры, политической нации и территории для лучшего функционирования общества. В пример приводится, естественно, Франция. С этим также связано особое значение «гражданской религии» и системы образования в процессе национальной интеграции у Э. Дюркгейма, предполагавшего ослабление этнического в социальной жизни с переходом к модерному обществу.

В послевоенные годы подобная позиция в отношении этнокультурных различий во французской социологии была усилена влиянием марксистской теории. Вследствие этого вплоть до самого недавнего времени французские специалисты оставались в стороне от обсуждения этнокультурного разнообразия, сложившегося во Франции.

В предисловиях к работам по интеграции иммигрантов некоторые современные французские исследователи напрямую заявляют о своей приверженности республиканской модели[6]. Другие – открыто высказываются против применения «англосаксонских» принципов интеграции во французских условиях[7]. Подобные заявления, которые в ряде случаев представляют лишь дань академической традиции, тем не менее свидетельствуют об укорененности республиканской модели во французской социологии интеграции.

Начиная с 1980-х годов французские специалисты начали предпринимать попытки выйти за рамки этноцентричного, «ассимиляционистского» представления о процессах включения иммигрантов во французскую нацию, что отразилось, в частности, в закреплении термина «интеграция» в словаре обществоведов и политиков (взамен ранее используемого термина «ассимиляция»).

В то же время, несмотря на появление оппозиции между сторонниками и противниками признания этнокультурных сообществ («коммунитаристами» и «интеграционистами»), диспут между ними, как отмечает Д. Шнаппер, во Франции не столь заметен. Обе стороны придерживаются принципа гражданского равенства и индивидуального понимания гражданства, расходясь

---

[5] Ibid. P. 33.

[6] *Tribalat M.* Faire France: une grande enquête sur les i mmigrés et leurs enfants. P.: La Découverte, 1995.

[7] *Weil P.* La République et sa diversité: immigration, intégration, discrimination. P.: Seuil, 2005.

лишь в понимании допустимого уровня присутствия особых идентичностей и принадлежностей в общественной жизни[8].

С учетом рассматриваемой проблематики важно, что господствующее определение нации находит непосредственное отражение в подходе к интеграции иммигрантов в национальное общество, в отношении к иммиграции и этнокультурному разнообразию нации в целом. Французские власти по традиции продолжают отрицать возможность какой бы то ни было «коммунитаристской» политики по отношению к меньшинствам, наподобие той, что имеет место, например, в Соединенных Штатах в виде «аффирмативного действия» (affirmative action). На деле же такого рода отстаивание особого понимания гражданства и национальной (гражданской) принадлежности представляет, по сравнению с другими странами, одновременно как преимущество, так и препятствие на пути к интеграции.

С одной стороны, универсалистский характер республиканской «программы» позволяет каждому, даже тем, кто лишь недавно получил французское гражданство, заявлять и отстаивать свою принадлежность к нации. В данном случае в противоречии с республиканскими принципами оказывается скорее тот, кто отказывает французу североафриканского или любого другого происхождения в его «французскости». В республиканской модели изначально заложен мощный интеграционный потенциал, потому как именно всестороннее применение идеалов нации, а не их реформа или отмена, является основой для достижения равенства шансов.

Приверженность республиканским принципам, и в частности «слепота» к расовым, этническим или конфессиональным отличиям среди французских граждан, остается негласным правилом для всех государственных учреждений и органов власти. Американская политическая культура, признающая сообщества и меньшинства, в этом ракурсе рассматривается скорее как «запирающая» иммигрантов и их детей в этнической и расовой идентичности, чем как предоставляющая дополнительную возможность для самореализации и отстаивания своих прав.

Однако, с другой стороны, отсутствие в государственной политике расовых и этнических категорий зачастую препятствует принятию во внимание существующей дискриминации и неравенства, в основе которых оказываются именно расовые и этнические отличия. Проблема в данном случае заключается в том, что в ежедневной практике француз арабского происхождения является жертвой вполне реальной дискриминации, в то время как преимущества от равенства со своими согражданами, прописанные на уровне закона и укорененные во французской политической культуре, в ближайшей перспективе для него не столь очевидны.

Невозможность быть членами этнических сообществ в публичной сфере и обсуждать свою принадлежность к той или иной этнической, расовой или религиозной группе сочетается с маргинализацией и фактическим исключением из национального гражданского сообщества, которое является единственным легитимным в соответствии с республиканской моделью. Такая «парадоксальная идентификация», словами Р. Касторьяно, является следствием республиканского подхода к интеграции[9].

Борьба с дискриминацией сегодня составляет неотъемлемую часть французского доктринального пространства. Тем не менее проявления дискриминации по-прежнему достаточно сложно отследить, что в первую очередь связано с невозможностью точной оценки мас-

[8] *Schnapper D.* La relation ^ l'Autre. Au coeur de la pensée sociologique. P.: Gallimard, 1998. P. 410.

[9] *Kastoryano R.* Negotiating Identities: States and Immigrants in France and Germany. Princeton: Princeton University Press, 2002.

штабов этого явления. Проведению количественного анализа препятствует недостаток статистической информации.

Классификация групп населения государственными институтами статистики является одним из наиболее заметных отражений национальной модели на практике. В странах с мультикультурной национальной моделью, таких как США или Канада, статистика располагает сведениями об этнической принадлежности граждан, что используется в борьбе с дискриминацией. Во Франции же подобного рода практика сама по себе воспринимается как дискриминирующая. Материалы количественных опросов, в том числе переписи населения, включают лишь национальность (гражданство) и место рождения респондентов, позволяя отличать иммигрантов от местных уроженцев.

Две основные категории, которыми оперирует французская система статистики, – это иностранные или французские граждане. Притом в рамках последней разница происхождения не учитывается. Однако, как замечает ряд исследователей, дискриминация в первую очередь затрагивает лиц иммигрантского происхождения, которые в большинстве своем не только имеют французское гражданство, но и родились во Франции[10]. Получается, что французская статистика этих граждан, связанных своим происхождением с другими странами, имеющих особую этническую принадлежность, просто «не видит».

Возможность преодоления традиционных барьеров и получение «этнической» статистики регулярно обсуждается во Франции на самых разных уровнях. Осенью 2006 года для обсуждения этого вопроса в Париже была организована конференция[11]. В начале 2007 года были опубликованы две петиции: против[12] и в поддержку[13] «этнической» статистики, подписанные авторитетными французскими экспертами, общественными и политическими деятелями, что спровоцировало дебаты и обострение оппозиции между специалистами.

Тем не менее вопрос о возможности и необходимости сбора информации об этнической и расовой принадлежности жителей Франции с целью борьбы с дискриминацией по-прежнему остается открытым. Помимо прочего, противники сбора такой информации опасаются того, что это будет способствовать закреплению и стигматизации расовых и этнических различий. Образ «этнических анклавов», который журналисты (не только французские) в ряде случаев используют для описания пригородов, не соответствует реальной ситуации. Тем не менее с каждым годом процесс этнизации пригородов заходит все дальше. Этому в значительной степени способствует то, что социальные проблемы, связанные с этническими меньшинствами, зачастую рассматриваются именно в качестве «этнических» проблем.

В этой связи неудивительны попытки со стороны дискриминируемых групп использовать стигмы в свою пользу: утвердить себя в качестве «арабов» и «черных» в отсутствие возможности быть признанными в качестве полноценных членов французской нации. Подобные тенденции могут получить развитие в условиях сохранения дискриминирующих практик и в итоге способствовать появлению уже реальных, а не вымышленных журналистами «этнических гетто»[14].

В сфере политики «французская модель» интеграции нередко представляется как отражение основополагающих

---

[10] *Castel R.* La discrimination négative. Citoyens ou indigènes? P.: Seuil, 2007. P. 35.

[11] Actes du Colloque Statistiques “ethniques” – 19 octobre 2006 / Centre d’analyse stratégique [www.strategie.gouv.fr/IMG/pdf/actesstatistiquesethniques101106.pdf].

[12] Engagement républicain contre les discriminations // Libération. 23 février 2007.

[13] Statistiques contre discriminations // Le Monde. 13 mars 2007.

[14] *Castel R.* Op. cit. P. 58.

принципов Республики, изначально характеризующих французскую интеграционную политику, направленную на население иммигрантского происхождения. Действительно, данный подход в значительной степени отражает специфику французской политической системы, и в частности приоритет государства в регулировании отношений между гражданами.

Однако необходимо отметить, что единственно признанной в политическом пространстве Франции эта модель стала лишь в 1980–1990-е годы. При этом она основывается скорее на идеологических утверждениях, чем на конкретных политических шагах по интеграции иммигрантов. Исследование А. Фэйвелла[15] позволяет проследить ее становление. До 1981 года, когда к власти в стране пришли левые, иммиграция рассматривалась как временное явление. В связи с этим условия жизни иммигрантов во Франции правительство предпочитало обсуждать с руководством тех стран, откуда прибыли иммигранты. В свою очередь левые в начале 1980-х сделали вопрос интеграции иммигрантов одним из ключевых пунктов своей предвыборной программы. Они предложили диалог государства с иммигрантскими объединениями и поощрение самоорганизации иммигрантов с целью выявления лидеров, которые могли бы стать посредниками между иммигрантским населением и руководством страны. Одним из следствий такой политики стало принятие в 1981 году закона, позволяющего лицам без французского гражданства создавать гражданские объединения. Таким образом, политика властей, поддерживающих «право на отличие», ориентировалась на решение конкретных проблем на практике и во многом противоречила республиканской модели интеграции.

Тем не менее на фоне слабой организации иммигрантских движений и недостатка лидеров, способных выразить мнение иммигрантского населения, политика французских властей в годы президентского правления Ф. Миттерана потерпела поражение. Слабость и неорганизованность коллективных действий со стороны иммигрантов в итоге способствовала закреплению республиканской модели в качестве единственно приемлемого направления для интеграционной политики во Франции. Прагматичный подход, сосредоточенный на социально-экономической интеграции иммигрантов, был в значительной степени потеснен ассимиляционистским видением интеграции, опирающемся на классическую философию гражданской нации.

Возврат к прагматичному подходу, позволяющему отчасти «сгладить» противоречия между социальными реалиями и идеологией, наметился с избранием Н. Саркози президентом Франции. Осознанию проблем интеграции населения иммигрантского происхождения как на уровне общественного сознания, так и на уровне политической практики также в значительной степени способствовали беспорядки в пригородах французских городов осенью 2005 года.

Подобного рода волнения не были чем-то новым для Франции. Начиная с 1980-х годов в стране регулярно фиксировались проявления городского насилия с поджогом машин, мародерством. Однако по масштабу, а также размеру аудитории, национальной и международной, беспорядки 2005 года несопоставимы с предыдущими.

Решение проблемы, по мнению французских специалистов, требует изменений сразу по нескольким направлениям, которые так или иначе связаны с большей открытостью к культурному разнообразию. Как отмечает французский политолог К. Витоль де Вандан, мультикультурализм – это единственный способ сохранить французскую

[15] *Favell A.* Philosophies of integration: immigration and the idea of citizenship in France and Britain. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; N-Y.: Palgrave: Centre for Research in Ethnic Relations, University of Warwick, 2001.

идентичность сильной и жизнеспособной, открытой к вызовам глобализации, миграционным потокам, разнообразию религий, национальной и государственной идентичности[16]. В свою очередь Д. Шнаппер приходит к выводу, что в краткосрочной перспективе британская модель общественного (но не юридического) признания этнических меньшинств более эффективна с точки зрения обеспечения социальной мобильности и участия в политических практиках детей иммигрантов[17]. Р. Касторьяно в качестве стратегии обеспечения легитимности государства-нации в условиях глобализации видит ориентированную на решение практических задач политику управления взаимодействием между государством и этнокультурными сообществами, которую исследовательница обозначает как модель «обсуждаемых идентичностей»[18].

Мнение специалистов отражает и фиксирует происходящие изменения в политике властей, направленной главным образом на жителей Франции, связанных своим происхождением со странами Северной Африки. Анализ политических практик на протяжении последнего десятилетия позволяет выделить три основных направления: признание этнокультурного разнообразия французской нации; признание в публичном пространстве ислама, являющегося основным вероисповеданием среди жителей Франции североафриканского происхождения, и выстраивание отношений между государством и представителями мусульманского клира; разработка и реализация политики «позитивной дискриминации»[19] для нивелирования низкого социального статуса и повышения социальной мобильности французов иммигрантского происхождения.

Пионером в сфере признания этнического и расового разнообразия во Франции является бизнес. Для частных предприятий этническое разнообразие рабочего коллектива становится своего рода козырем при освоении новых рынков. Многие крупные французские компании начиная с 1990-х годов широко привлекают к работе сотрудников иммигрантского происхождения, не затрагивая при этом тему специальных квот для меньшинств. Стоит отметить, что подобная практика достаточно активно перенимается государственными структурами, все чаще призывающими к большему этническому разнообразию в рядах госслужащих.

Принятию общественностью идеи этнического и расового разнообразия французской нации служат регулярные публичные акции, в том числе с участием руководства страны. Так, во Франции широко обсуждалась символическая акция во время празднования Дня взятия Бастилии 14 июля 2004 года. К празднику на фасаде дворца Бурбонов в Париже был развернут огромный плакат «Марианна сегодня», представляющий 14 девушек различного этнического происхождения в образе Марианны, являющейся символом Французской Республики. Кроме того, как обратила внимание К. Витоль де Вандан[20], неслучайно и то, что на традиционном ежегодном параде 14 июля в первых рядах парадных колонн наряду с «коренными» французами с недавних пор обязательно маршируют военнослужащие, связанные своим происхождением с бывшими колониями Франции.

Меняется ситуация на французском телевидении. Вплоть до 2006 года ни на одном канале в вечерних выпусках новостей не было ведущих неевропейского происхождения. Первым нововведения

---

[16] *Wihtol de Wenden C.* Multiculturalism in France // IJMS. 2003. V(1). P. 77–87.

[17] *Schnapper D.* Qu'est-ce que l'intégration? P.: Gallimard, 2007.

[18] *Kastoryano R.* Op. cit.

[19] *Castel R.* Op. cit.

[20] Из интервью автора с К. Витоль де Вандан 4 декабря 2007 года.

предложил канал TF1, где вечерний новостной выпуск с 2006 года стал вести темнокожий выходец с Мартиники А. Розельмак. В то же время, как справедливо отмечают наблюдатели, на французском телевидении он появился ровно тогда, когда его британский коллега, тоже темнокожий, вышел на пенсию после 15 лет в аналогичной программе на одном из крупнейших британских каналов ITV[21].

Создание Французского совета по делам мусульманского культа (Conseil Franais du Culte Musulman – CFCM) летом 2003 года также может рассматриваться как шаг в сторону признания разнообразия. Подобный шаг французского правительства является одним из наиболее ярких проявлений политики сегодняшнего руководства Франции, обозначаемой С. Бруаром и В. Тибери как «мультикультурализм через религию»[22].

Признание религиозных сообществ и их лидеров не противоречит республиканскому дискурсу, который, с одной стороны, особо оговаривает отношения государства и церкви, с другой – позволяет привлекать посредников в лице лидеров религиозных сообществ для выстраивания отношений между государством и индивидом.

Показательно, что, несмотря на более чем столетнюю традицию отделения государства от церкви, французская администрация имеет обширный опыт сотрудничества с духовенством, в частности с мусульманским клиром в заморских департаментах и территориях. Так, на французском острове Майот в Индийском океане главный муфтий назначается префектом острова, а шариат признается вместо французского гражданского кодекса при решении вопросов в области семейного права (вопросы полигамии, наследства и разводов). В то же время в континентальной Франции подобного опыта взаимодействия с исламом не было.

CFCM в значительной степени воспроизводит модель Репрезентативного совета еврейских организаций Франции (Conseil Représentatif des Institutions juives de France – CRIF). Таким образом, можно предположить, что в разработке политики интеграции населения мусульманской культуры французское правительство опирается на опыт интеграции французских евреев.

Задуманный изначально как репрезентативный орган, полномочия которого ограничены исключительно вопросами культа, в будущем Совет вполне может стать организацией, представляющей позиции «мусульманского сообщества» страны по вопросам, не связанным с религией. В ряде случаев выход за теоретически предписанные ему рамки поощряется французскими государственными деятелями, которые, в частности, рекомендовали представителям CFCM выступить в роли посредников во время волнений в пригородах осенью 2005 года.

Таким образом, некоторые французские политические лидеры, включая президента Н. Саркози, по всей вероятности, настроены к рассмотрению CFCM не только как репрезентативного органа по вопросам культа, но и как посредника в процессе поддержания общественного порядка.

В то же время подобное видение способствует размыванию границы между социальным, этническим и религиозным. Ислам превращается в некую все объясняющую константу, что зачастую препятствует пониманию истинных причин той или иной социальной проблемы. Происходит создание «мусульманского сообщества», в значительной степени извне, в которое включаются все «этнические» мусульмане, неважно – верующие или нет, заявляющие

[21] Bilan sur la diversité dans les medias audiovisuals français de Novembre à Octobre 2006 / Club Averroès [http://www.alterites.com/cache/center_media/id_1465.php].

[22] *Brouard S., Tiberj V.* Rapport au politique des Français issus de l'immigration. P.: CEVIPOF-Sciences Po, 2005.

о своей принадлежности к исламу или нет.

Попытки французского правительства выстроить отношения с «мусульманским сообществом», свидетельством которых является создание CFCM, а также все большая заметность практикующих мусульман в публичном пространстве вызывают протест среди нерелигиозных французов из среды «этнических» мусульман. В частности, первая француженка североафриканского происхождения, занявшая высокий государственный пост, Т. Саифи в свое время открыто выступила против монополии практикующих мусульман на публичное представление ислама во Франции[23]. Она же стала одним из инициаторов создания Французского совета светских мусульман, заявившего о своем праве выступать от имени французов «мусульманского происхождения», религиозные практики которых ограничены или вовсе отсутствуют.

Отличительной чертой политических мер, направленных на изменение социального статуса и повышение социальной мобильности иммигрантов и их детей во Франции, является их территориальная, а не этническая привязанность. Выбор районов для реализации этих мер не случаен. Более того, существуют исследования, показывающие, что при прочих равных средства выделяются именно на кварталы, заселенные определенными этническими группам[24]. Тем не менее основным критерием для определения объектов политики «позитивной дискриминации по-французски» остается место проживания, а не этническая, расовая или конфессиональная принадлежность.

Одним из первых шагов социальной политики такого рода стало создание при Ф. Миттеране в 1981 году «приоритетных учебных зон» (Zones d'éducation prioritaires – ZEP), объединивших «проблемные» школьные заведения в особую категорию. Школам, расположенным в «приоритетных зонах», выделяется дополнительное финансирование из бюджета, что позволяет формировать менее загруженные классы. Сегодня в таких школах обучается более 20% французских школьников[25]. В большинстве своем это дети из семей иммигрантов.

К наиболее масштабным проектам в рамках политики «позитивной дискриминации», начатым в годы президентского правления Ж. Ширака, относится создание «городских зон, требующих особого внимания» (Zones urbaines sensibles – ZUS). Анализ списка территорий, отнесенных к ZUS, показывает, что в большинстве своем это пригороды и кварталы со значительной долей населения иммигрантского происхождения, такие как Клиши-су-Буа под Парижем, где начались беспорядки осени 2005 года.

Избрание президентом Н. Саркози, в свою очередь, ознаменовалось тем, что впервые в правительство Франции вошли «цветные» французы. Уроженка семьи алжирского иммигранта Р. Дати заняла пост министра юстиции, а родившаяся в Сенегале Р. Йаде – пост госсекретаря при МИД Франции.

Новый подход действующий президент обозначает как политику «реального равенства». При этом Н. Саркози подчеркивает, что предлагаемые им меры являются «полной противоположностью англосаксонским моделям». Президент Франции ссылается на наследие Ш. де Голля, подписавшего в свое время указ, согласно которому 10% рабочих мест в государственных учреждениях резервировались для «французов-мусульман», прежде всего для сражавшихся на стороне Франции жителей бывших колоний[26].

---

[23] *Gabizon C.* Tokia Sarïfi: "Donner des gages à la société française" // Le Figaro. 25 octobre 2003.

[24] *Castel R.* Op. cit. P. 30.

[25] *Viprey M.* L'insertion des jeunes d'origine étrangère // Journal Officiel – Avis et rapports du Conseil Economique et Social. 26 septembre 2002.

[26] Entretien avec Nicolas Sarkozy // Le Nouvel Observateur. 14 octobre 2003.

Таким образом, французская политика по отношению к меньшинствам за последние три десятилетия претерпела значительные изменения, начиная от «ортодоксального республиканского» подхода, не замечающего никаких различий в рамках французского общества, к видению, обращающему куда большее внимание на реалии и проблемы, связанные с социальным и этнокультурным разнообразием.

В начале 2008 года Н. Саркози заявил о своем намерении включить текст о признании разнообразия в преамбулу Конституции V Республики. Он отметил, что пришел момент добавить к фундаментальным правам, лежащим в основе Республики, новые, соответствующие требованиям времени[27], чем вызвал шквал критики в свой адрес. Но, как признает бывший французский министр по социальным вопросам Ф. Сегэн, известный долгое время в качестве защитника республиканской ортодоксии, небольшая доза мультикультурализма все же может быть намного полезней, чем остающаяся до конца не реализованной французская модель[28].

Резюмируя, можно отметить, что на уровне идеологии французский гражданский национализм, закрепленный в Конституции и других нормативных документах, обладает мощным интеграционным потенциалом. Предполагаемая универсальность декларируемых идей свободы и равенства граждан, непосредственное участие каждого отдельного гражданина в жизни общества посредством развитых демократических институтов, принадлежность к нации, обусловленная свободным волеизъявлением, – все это делает французский политический проект, по крайней мере в теории, привлекательным и достаточным для обеспечения политической лояльности вне зависимости от этнической, расовой или религиозной принадлежности французских граждан. Отказ от признания этнокультурных и расовых сообществ в публичном пространстве, что многими ставится в упрек французской модели, по сути поощряет производство множественных и гибридных культурных идентичностей, выходящих за рамки традиционных этнических или расовых сообществ. Таким образом, идеология гражданского национализма в данном случае изначально предполагает возможность сосуществования культурной свободы, которая становится неотъемлемой характеристикой современных обществ, с политической лояльностью, ограниченной пределами одной нации.

В то же время характерной чертой французской модели интеграции на уровне практик является ориентированность на прагматизм, что неизбежно требует признания специфики отдельных групп населения. Спектр возможных политических мер здесь варьирует от признания «через религию», продемонстрировавшего свою эффективность в процессе интеграции французских евреев и активно реализуемого президентом Н. Саркози в отношении «этнических» мусульман, до прямой (как в случае с квотами для французских алжирцев в эпоху Ш. де Голля) или опосредованной «позитивной дискриминации» (как в случае с «городскими зонами, требующими особого внимания»).

Расхождение между республиканским идеалом национального единства и политикой прагматизма, все чаще учитывающей политическую и социальную значимость отдельных групп иммигрантов, ведет к крайне сложным отношениям между французским государством и населением иммигрантского происхождения. Тем не менее есть все основания полагать, что в долгосрочной перспективе такой, словами К. Витоль де Вандан, «мультикультурализм по-французски» станет эффективной стратегией обеспечения национальной интеграции.

---

[27] *Van Eeckhout L.* Diversité: M.Sarkozy contraint de contourner l'obstacle de la Constitution // Le Monde. 17 décembre 2008.

[28] *Leparmentier A.* Philippe Séguin: "Le modèle canadien ou anglais est plus efficace que le modèle français non appliqué" // Le Monde. 22 février 2006.

Постсоветская политика как неопатримониальный процесс

Александр Анатольевич Фисун,
доктор философских наук, профессор кафедры политологии философского факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина,
Former Fulbright-Kennan Scholar

Развитие глобальных процессов демократизации вызвало новую волну переходов не только к демократии, но и к различным формам авторитаризма. Все большее количество исследователей отмечают возникновение новых типов квазидемократических режимов, фасадной демократии или даже выборного авторитаризма, природа и механизмы которых весьма далеки от классических либеральных стандартов[1]. Многочисленные парадоксы конечных результатов демократических преобразований в постсоветских государствах не только опровергают тезис о линейной природе социально-политических процессов, но и становятся серьезным вызовом для всей современной социально-политической теории, осмысливающей феномены политического развития и демократизации. Какова природа нелиберальных режимов на постсоветском пространстве, каковы их принципы функционирования и движущие силы?

Для поиска ответа на эти вопросы мы должны обратиться к наработкам современной сравнительной политологии, макроисторической социологии и неоинституционального анализа, которые убедительно продемонстрировали важность процессов рационально-бюрократической трансформации и формирования структур национального государства (state-building) для укрощения аппетитов политических элит и создания минимальных условий

[1] *Levitsky S., Way L.A.* The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. No. 2. P. 51–65.

успешной демократизации. В теории исторического институционализма, которая акцентирует важность очередности прохождения тех или иных фаз развития и их взаимодействие между собой, эти обстоятельства выражаются через понятия «критических развилок» (critical junctures) и «обратных связей» в политике (policy feedbacks), а также – в более широком контексте – «зависимости от выбранного пути развития» (path dependency)»[2].

Дело в том, что та или иная траектория становления национальных государств, последовательность процессов бюрократизации, демократизации, индустриализации в значительной степени и предопределяют формирование той или иной конкретно-исторической модели взаимоотношений гражданского общества и государства. Здесь можно выделить общества, в которых рациональная бюрократизация предшествовала процессам демократизации, и общества, в которых бюрократизация и рационализация осуществляются после демократизации. В первом случае возникает стабильная партийно-парламентская система, в которой партии выступают формальными каналами артикуляции интересов граждан, во втором – вместо партий возникают политические институты скорее неформального типа, основывающиеся на патронаже и клиентарном «обмене лояльностью и расположением». Если сравнить траектории постсоветской эволюции с историческими траекториями Запада, то мы увидим, что процессы демократизации, которые начали активно разворачиваться во второй половине XIX – начале XX века в виде борьбы за расширение избирательных прав, отмены различного рода цензовых ограничений и т.д., в значительной степени происходили в рамках уже сложившейся специфической институционально-бюрократической структуры государства-нации, предлагавшей те или иные гражданские каналы артикуляции и трансляции политических требований[3].

Западная демократизация в этом смысле происходила уже после рационально-бюрократической трансформации и строительства современного государства, в котором официальные связи гражданского типа являются преобладающими и господствующими. Совсем иное дело постсоветские общественные системы, в которых формальное расширение прав политического участия предшествовало процессам государственного и национального строительства, а также бюрократизации и рационализации формальных интеракций. Поэтому институциональная специфика постсоветских демократий характеризуется доминированием неопатримониальных правил политической игры, которые предполагают господство клиентарно-патронажных отношений, персонализацию власти, доминирование негражданских форм общественных связей, слияние власти-собственности, приватизацию общественных функций.

Впервые комплексное раскрытие понятия патримониализма в широкой сравнительно-исторической перспективе было осуществлено Максом Вебером в работе «Хозяйство и общество», в которой он подробно анализирует различные варианты патримониализма и противопоставляет его чистый тип, с одной стороны, феодализму, а с другой – бюрократическому (рационально-легальному) правлению[4]. По классическому оп-

[2] *Телен К.* Исторический институционализм в сравнительной политологии // ОЙКУМЕНА. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. Харьков: Константа, 2006. Вып. 4. С. 77–118; *Холл П., Тейлор Р.* Политическая наука и три новых институционализма // ОЙКУМЕНА. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. Харьков: Константа, 2006. Вып. 4. С. 48–76.

[3] *Растоу Д.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5–15; *Линц Х., Степан А.* «Государственность», национализм и демократизация // Полис. 1997. № 5. С. 9–30.

[4] *Weber M.* Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology / Ed. by G. Roth and C. Wittich. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 226–241, 1010–1110.

ределению М. Вебера, «в своем чистом типе патримониальное господство, особенно в сословной форме, рассматривает все управленческие полномочия, с соответствующими экономическими правами, в качестве частным образом апроприированных экономических возможностей»[5]. Специфической особенностью патримониализма является апроприация (присвоение) сферы управления официальными носителями политической власти, а также нерасчлененность публично-политической и частной, приватной сферы социума, в результате чего государство управляется как частное владение правящих групп.

По мнению Вебера, насколько судебные полномочия и другие права политического происхождения рассматривались в качестве частных полномочий, настолько везде терминологически верно говорить и о «патримониальном» господстве. «Патримониальным институтам, – отмечает М. Вебер, – прежде всего недостает бюрократического разделения сферы 'официального' и сферы 'приватного'. Политическое управление рассматривается правителем в качестве исключительно персонального предприятия, а политические полномочия существуют как часть его личной собственности, которая может приносить доход в виде налогов и дани»[6].

Осмысливая фиаско проекта модернизации в различных странах третьего мира, многие западные исследователи (Г. Рот, Ш. Эйзенштадт, Ж.-Ф. Медар и др.) выдвинули идею о том, что в ходе взаимодействия традиционного исторического наследия и современности возникают политические системы нового, неопатримониального типа, которые не являются переходными или промежуточными образованиями, а напротив, конечным результатом трансформационного процесса.

Впервые тезис о новых современных формах патримониального господства был выдвинут в выступлении Гюнтера Рота на VI Всемирном социологическом конгрессе в 1966 году. По его мнению, вполне очевидно, что в новых постколониальных государствах отсутствуют весьма важные легально-рациональные элементы современного государства и вместо этого, даже после исчезновения традиционалистских форм легитимности, продолжается воспроизводство некоторых прежних базовых форм административной практики. Вместо не очень плодотворного (по крайней мере, для большинства случаев) противопоставления бюрократии и харизмы Рот предлагает воспользоваться возможностями веберовской концепции патримониализма, которая сохраняет свой эвристический потенциал и для условий посттрадиционного общества.

По его мнению, следует различать две формы патримониализма: во-первых, традиционные патримониальные режимы, которые базируются на традиционной легитимности и наследственной власти (типичным примером являлась императорская Эфиопия); во-вторых, современные формы патримониализма, предполагающие «персональное правление на основе лояльности, которая не требует веры в уникальные личные качества правителя, а внутренне связана с материальными стимулами и вознаграждениями»[7]. Если традиционный патримониализм все в большей степени становится «вымирающим» режимным видом, то институциональная матрица постколониальных государств способствует «детрадиционализации» персонального правления, которое гораздо чаще приобретает вид именно не харизматического, а патримониального господства, завязанного на материальные интересы. Патримониальные режимы

[5] Ibid. P. 236.

[6] Ibid. P. 1028–1029.

[7] *Roth G.* Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire Building in the New States // World Politics. 1968. Vol. 20. No. 2. P. 196.

отличаются «от харизматического правления тем, что патримониальному правителю не требуется ни личная харизматическая привлекательность, ни выдвижение высоких целей; они отличаются от легально-рациональных бюрократий тем, что занятие позиций в госаппарате осуществляется вне принципов конституционно регулируемого законодательства или карьерного продвижения в соответствии с подготовкой и эффективностью»[8].

Кроме того, Рот специально указывает на то, что персональную власть патримониального типа не следует отождествлять или смешивать с авторитаризмом, хотя многие авторитарные режимы имеют множество черт как современного, так и традиционного патримониализма, и эти черты, более того, могут быть более важными, чем имеющиеся у них элементы харизмы или легально-рациональных бюрократических практик. «Однако типологически, – отмечает Г. Рот, – отождествление 'патримониального' и 'авторитарного' является неправильным. Последнее понятие может быть полезным для установления континуума от плюралистической демократии до тоталитаризма; первая же категория относится прежде всего к типологии убеждений и организационных практик, которые могут быть найдены в любой точке данного континуума»[9], т.е. могут наблюдаться в различных формах современного государства и быть вполне совместимыми с определенными формами как капитализма, так и социализма.

Следующий шаг в развитии данной концепции был осуществлен Ш. Эйзенштадтом, который в целом ряде своих работ развивает комплексную теорию неопатримониализма[10]. Традиционный патримониализм, по его мнению, был присущ различным древним и средневековым обществам. Продуктом модернизации современных развивающихся обществ является возникновение принципиально новых неопатримониальных структур современного типа, для которых характерен симбиоз некоторых элементов традиционализма и современного государства. Возникновение неопатримониализма обусловлено тем, что становление политических институтов современного государства во многих развивающихся обществах Азии, Африки и Латинской Америки происходит в рамках специфического режимного «синтеза» традиционного и современного. Этот синтез отнюдь не является неким «переходным» состоянием, а наоборот, обладает существенной устойчивостью и собственной логикой развития, приводящей к модификации и изменению «смысла» функционирования формальных политических институтов современного типа – парламента, партий, бюрократической и судебно-юридической сферы. По Эйзенштадту, возникновение неопатримониальных режимов в значительной степени объясняется провалами политики модернизации и строительства современного государства.

«Использование понятия 'патримониальный' для описания этих различных режимов вытекает, – пишет Эйзенштадт, – из реакции на неадекватность центральных предположений базовых исследований по теории модернизации, также как и таких более поздних концептов, как 'провал модернизации', 'политический упадок' или 'переходное' общество. Это понятие подчеркивает неадекватность этих предположений, указывая, во-первых, что многие эти общества и страны отнюдь не движутся по направлению к современным национальным государствам или обществам революционного типа; во-вторых, что эти режимы не обязательно представляют собой некую 'транзитивную', 'пере-

[8] Ibid. P. 196.

[9] Ibid. P. 197.

[10] *Eisenstadt S.N.* Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism. London: Sage, 1973.

ходную', промежуточную фазу на заданном пути к единому варианту современности; в-третьих, что в их развитии, напротив, присутствует некая своя логика; и наконец, в-пятых, что, по крайней мере, часть этой логики или паттерна изменений может вытекать из некоторых аспектов исторической традиции этих обществ и может быть объяснена именно в ее рамках»[11].

В отличие от Г. Рота, Эйзенштадт связывает патримониализм не только и не столько с персональным правлением и различными формами личной власти, сколько, и прежде всего, с доминирующим паттерном взаимоотношений между властным центром и периферией системы, т.е. с определенной структурой взаимоотношений в рамках всей социальной системы и способами ее воспроизводства. Как пишет Эйзенштадт, «наиболее существенные особенности неопатримониальных обществ имели основанием структуру центров и отношения между центром и периферией. В большинстве случаев центр в возрастающей степени монополизировал власть и политические ресурсы; крупным группам населения оставалось немного возможностей для самостоятельного доступа к таким ресурсам и позициям контроля над последними»[12]. Новизна подхода Эйзенштадта заключалось в том, что он не только констатировал пределы модернизации постколониальных обществ, но и убедительно продемонстрировал, какие именно социально-политические системы возникают в результате модернизации, и в какой степени результат расходится с первоначальными оптимистическими ожиданиями.

Важные уточнения в развитие концепции неопатримониализма были внесены французским ученым Ж.-Ф. Медаром, который рассматривал неопатримониализм в качестве самостоятельного политического типа, отдельного как от современных, так и от традиционных политических форм, однако имеющего черты и той и другой. Центральной характеристикой неопатримониализма для Медара является приватизация публичной сферы, что определяет превращение политики в разновидность бизнеса, ибо именно политические ресурсы открывают доступ к ресурсам экономическим: «не богатство является источником политической власти, а наоборот, политическая власть является источником богатства», хотя данные практики могут быть прослежены почти везде, но именно в рамках недоразвитости государства они коренным образом видоизменяют саму систему[13].

Важный вывод анализа Рота, Эйзенштадта и Медара состоит в том, что неопатримониализм возникает в процессе политической модернизации постколониальных обществ в качестве следствия провала политики современного национально-государственного строительства, выражающегося прежде всего в невозможности реальной интеграции и функционирования политии на основе формально установленных рационально-бюрократических механизмов. Механизмы демократизации становятся «спусковым крючком» проникновения и перестройки политико-административной системы на основе классической патримониальной политики патронажа и клиентарного обмена ресурсов между центром и периферией; при этом патримониальные связи фактически утрачивают свои традиционалистские черты и приобретают в первую очередь материально выраженный характер посттрадиционного характера. Как отмечает Медар, неопатримониализм является

---

[11] Ibid. P. 10.

[12] *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-пресс, 1999. С. 327.

[13] *Medard J.-F.* The Underdeveloped State in Tropical Africa: Political Clientelism or Neo-Patrimonialism // Clapham C. (ed.). Private Patronage and Public Power. New York: St. Martin's Press, 1982. P. 181–182, 185.

продуктом противоречивой комбинации бюрократических и патримониальных норм, при которой функционирование публично-властной сферы (как некого фасада недоразвитого государства) осуществляется по логике патримониальных отношений, а ее легитимация и формальный порядок формирования – по логике отношений рационально-легальных[14].

Данный аспект неопатримониальных режимов удачно подчеркнут К. Клэпхэмом: «Неопатримониализм – это форма организации, в которой отношения патримониального типа пропитывают политико-административную систему, которая формально строится на рационально-легальных отношениях. Официальные лица занимают позиции в бюрократических организациях, имея формально установленные полномочия, однако осуществление этих полномочий происходит, насколько это возможно, не в виде государственной службы, а скорее как реализация частной собственности. Общие взаимоотношения строятся при этом по патримониальной модели господина и вассала, а не рационально-легальным отношениям между начальником и подчиненным, поведение же при этом скорее ориентировано на демонстрацию персонального статуса чиновника, а не на выполнение общественных функций»[15].

Развернутую характеристику неопатримониализма как гибридной политической системы, «в которой обычаи и образцы патримониализма сосуществуют и покрывают рационально-легальные институты», дают М. Браттон и Н. Ван де Валле в монографии «Демократические эксперименты в Африке: режимные переходы в сравнительной перспективе». По их мнению, «как и в классическом патримониализме, право на управление в неопатримониальных режимах приписывается скорее личности, а не должности, несмотря на существование формально принятой конституции. Конкретный индивид («сильная личность», «большой человек», вождь, часто пожизненный президент) господствует над государственным аппаратом и стоит над его законами. Отношения лояльности и зависимости пронизывают формальную политико-административную систему, и занятие бюрократических позиций происходит скорее не для выполнения общественных функций, как это внешне подается, а скорее для приумножения личного состояния и повышения собственного статуса. Хотя государственные функционеры получают официальное жалованье, они также обладают возможностью извлечения незаконных доходов, пребенд и элементарной коррупции, которые все вместе иногда и образуют подлинное предназначение данной должности. Глава государства и его ближайшее окружение снижают функциональную эффективность номинально модерного госаппарата через использование патронажа и клиентелистских практик для поддержания политического порядка. Более того, параллельные и неофициальные структуры могут обладать гораздо большей властью и полномочиями, чем формальные органы управления. Если подытожить вышесказанное, то характерной чертой неопатримониализма является инкорпорация патримониальной логики в работу формальных институтов»[16].

Историческая траектория развития постсоветских политических режимов (демократизация до, а не после строительства и консолидации современного государства) достаточно точно воспроизводит институциональную логику возникновения неопатримониального синтеза уже в условиях постсоветского

[14] Ibid. P. 180.

[15] *Clapham C.* Third World Politics. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. P. 48.

[16] *Bratton M., van de Walle N.* Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in a Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 62.

развития: соединение современного фасада демократического устройства с внутренней неопатримониальной логикой его функционирования.

Основными характеристиками неопатримониальной модели являются:

• формирование класса рентоориентированных (rent-seeking) политических предпринимателей и/или неопатримониальной бюрократии, которые для достижения своих экономических целей используют политические возможности слияния власти и собственности;

• частное – в той или иной степени – использование государственно-административных ресурсов, в первую очередь силовой и фискальной функции государства, прежде всего для подавления политического сопротивления и устранения экономических конкурентов;

• решающая роль клиентарно-патронажных отношений и связей в структурировании политико-экономического процесса, а также пространства реальной политической борьбы.

В политологии под политическими предпринимателями понимаются люди, которые инвестируют в политику различного рода ресурсы в надежде на возвращение их в будущем в виде благоприятной для них государственной политики. В современной политэкономической литературе rent-seeking в широком смысле определяется как борьба за политически обусловленное предоставление благ и привилегий. В более узком смысле этот термин означает «стремление к прямой непроизводственной прибыли», т.е. присвоение не реального, а политически произведенного излишка в форме ренты. В значительной степени rent-seeking является одним из элементов веберовского политического капитализма и выступает следствием патримониализации государственной public policy. В нашем контексте указание на rent-seeking не только специфицирует особый неопатримониальный характер данного способа накопления капитала, но и позволяет уточнить саму сущность понятия неопатримониализма. С точки зрения данной перспективы неопатримониализм можно определить в качестве особой системной формы производства и присвоения политической ренты на основе монополизации властно-административных (силовых и фискальных) ресурсов государства различными группами политических предпринимателей и/или бюрократии.

Следует отметить, что постсоветские трансформации 1990-х годов привели к построению не традиционной патримониальной системы (и в этом состоит значительный разрыв как с опытом советского прошлого, так и с наследием традиционализма), а именно неопатримониализма, который стимулирует развитие постсоветского политического капитализма и обуславливает неопатримониальную логику функционирования демократических механизмов, предполагающую в первую очередь не традиционные и/или идеологические мотивы поведения акторов, а скорее материальные стимулы рентоориентированного типа.

В своем анализе различных форм патримониализма Вебер специально указывает и на такие его формы, которые могут существовать в рамках достаточно модернизированных социальных и политических институтов: например, «на основе монополизации отчасти наиболее прибыльных форм деятельности, отчасти – взимания пошлин и сборов, отчасти – налогообложения. В этом случае рыночная конъюнктура, в зависимости от вида монополии, определяется в большей или меньшей степени иррационально, а основные возможности по извлечению прибыли концентрируются в руках господина и его управленческого аппарата. Капитализм в своем развитии либо (1) прямо тормозится при непосредственном захвате управления прибыльными отраслями самими правящими группами, или же (2) тяготеет к области политически ориентированного капитализма в том случае, когда

Харьковский национальный университет

права на откуп налогов, чиновничьи должности, армейские поставки и правительственные подряды определяются толщиной кошелька»[17].

Таким образом, в конечном счете, концепция постсоветского неопатримониализма вполне укладывается в веберовское указание на то, что патримониализм вполне совместим и, более того, стимулирует развитие некоторых ограниченных разновидностей капитализма: «при господстве типичной патримониальной власти может возникнуть только (a) торговый капитализм, (b) капитализм, выросший на откупе налогов и должностей, (c) госпоставках и военных подрядах, (d) при определенных обстоятельствах, плантационный и колониальный капитализм. Все эти капиталистические формы внутренне присущи патримониализму и часто достигают самого пышного расцвета. Прежде всего потому, что им отнюдь не мешает нерациональность отправления правосудия, управления и налогообложения. Напротив, данные обстоятельства являются непреодолимым препятствием только для ориентированных на частных потребителей предпринимателей с устойчивым постоянным капиталом и рациональной организацией свободного труда, которым крайне необходима возможность расчета изменчивой рыночной конъюнктуры»[18].

Постсоветский вариант неопатримониальных структур отличается формальной инсталляцией институтов современного государства (парламента и многопартийности, электоральных механизмов и современной конституции), которые, выполняя роль легитимного фасада системы, в целом внутренне подчинены «патримониальной логике» своего функционирования. Ключевую роль в функционировании постсоветских неопатримониальных систем играют не рационально-легальные отношения в рамках официальных систем взаимодействия, а клиентарно-патронажные связи, которые регулируют доступ неопатримониальных игроков к различного рода ресурсам на основе отношений личной зависимости, вырастающей из асимметричной конвертации и обмена капиталов[19]. Соответственно, формирование экономического капитала происходит не через присвоение средств производства, а прежде всего через присвоение административных средств управления.

Ведущее место в системе неопатримониальной власти занимают представители неопатримониальной бюрократии, которая структурируется на основе региональных, отраслевых, клановых и семейно-родственных связей и представляет собой сложную пирамиду разнообразных патронатов, соединяемых через механизм клиентарных отношений вертикалью президентской влас-

[17] *Вебер М.* Традиционное господство // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 162.

[18] Там же. С. 164.

[19] *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. 2-е изд., доп. М.: МОНФ, 2000.

ти (иногда в той или иной комбинации она может институциализироваться и в виде формальной «партии власти»). Фактически неопатримониальная бюрократия выступает в роли господствующего «политико-административного класса», своеобразной «государственной буржуазии», «богатство и статус которой зависит от их политических и административных позиций. В ее состав входит высший эшелон партийного, военного и административного аппаратов, руководители государственных корпораций... Именно этот класс в действительности владеет государством и тем или иным способом использует его для собственного обогащения»[20].

Внутри неопатримониальной бюрократии центральные, стержневые позиции принадлежат президентской вертикали, а именно клиентарно-патронажной сети (КПС), которая образуется вокруг фигуры главы государства; на ее верхушке находятся лично преданные ему люди, которые занимают ключевые позиции в государственном и партийном аппаратах, курируют силовые министерства и основные отрасли экономики. Основной структурообразующий элемент КПС – система личных связей, замкнутая на президента и базирующаяся в первую очередь на региональной, семейно-родственной или этнической общности, а также на общности текущих политических и деловых интересов. Именно этому неформальному институту и принадлежит направляющая, организующая и мобилизующая роль как в реальной или формальной «партии власти», так и в политическом развитии общества в целом, что отодвигает на второй план проблему верховенства в таком обществе какой-либо партии или государства.

Политические системы постсоветского типа воспроизводят логику неопатримониального политического процесса: это не борьба партийно-политических альтернатив в рамках парламентского соперничества, а борьба различных фракций политических предпринимателей и/или неопатримониальной бюрократии за монополизацию тех или иных сегментов клиентарно-патронажных сетей, их изменение и перераспределение.

Как пишет Эйзенштадт, парламентские выборы в неопатримониальных системах обычно используются для завоевания позиций контроля над распределением ресурсов и установления контроля над участками клиентарно-патронажной сети, голосование и партийная мобилизация же выполняют функцию расширения социальной базы доступа к таким ресурсам в системе редистрибуции, для формирования новых патронажно-клиентарных структур, фракционных групп и корпоративных образований. Политическая борьба, как и политика государства, как правило, сосредотачивается в конкуренции за доступ к ресурсам, властным позициям и должностям, а не на поддержке новых типов экономической деятельности и новых форм статусных и классовых отношений[21]. Правящие неопатримониальные группы стремятся «контролировать и регулировать политический процесс таким образом, чтобы он не угрожал их монополии на политическую власть в центре и не создавал возможностей для получения различными группами независимого доступа к источникам власти в масштабе всего общества»[22].

Взаимосвязь неопатримониального центра и различных политико-экономических элит осуществляется не через демократические механизмы выборов и политического участия, а через вхождение в клиентарно-патронажные сети, различные корпоративные образования или формальную «партию власти». Возникшие в результате реформ рентоори-

[20] *Medard J.-F.* Op. cit. P. 183.

[21] *Эйзенштадт Ш.* Указ. соч. С. 329–331.

[22] Там же. С. 343.

ентированные предприниматели, как правило, не стремились к автономной политической деятельности вне существующей КПС, очень редко поддерживали альтернативные политические силы и, в общем-то, не проявляли интереса к перестройке политической сферы. Напротив, в условиях незаконченной рационально-бюрократической трансформации и неполного разделения политики и экономики наиболее выгодной и «дешевой» стратегией рентоориентированных групп стало вхождение в клиентелистские цепочки обмена ресурсов и капитала.

Поэтому, в отличие от моделей демократизации в Латинской Америке, Южной и Центрально-Восточной Европе, неопатримониальные элиты в бывших постсоветских государствах разделены и конкурируют между собой, прежде всего за доступ к клиентарно-патронажной сети, в центре которой находится лидер государства. Постсоветские элитно-партийные кливажи могут быть определены именно через позиционирование внутри или вне системы «раздела государства». Вместо классического разделения между умеренными и радикалами, либералами и консерваторами, левыми и правыми постсоветские неопатримониальные режимы могут быть охарактеризованы субэлитным расколом, вырастающим из конкуренции за лучшую позицию в иерархическом клиентарном распределении «благ и привилегий».

В этом смысле сущность политической борьбы в неопатримониальной системе состоит в борьбе за расположение и покровительство со стороны главы государства, но отнюдь не в борьбе за голоса потенциальных избирателей. И если ключом к стабильности современных демократических государств является способность правителей поддерживать эффективные связи и быстро реагировать на запросы различных социальных слоев, то в неопатримониальных режимах таким ключом является способность различных элит проникать и поддерживать клиентарно-патронажные связи с различными сегментами общества, а также сохранять низкий уровень конфликтности в соперничестве между собой за лучшую позицию в КПС.

Теория неопатримониализма, по нашему мнению, позволяет достаточно точно понять сущность постсоветского развития и интегрировать в рамках единого подхода весь комплекс черт и особенностей, составляющих его историческую специфику. Кроме того, тезис о неопатримониальной природе постсоветских трансформаций дает возможность внести важное концептуальное уточнение и провести сущностное наполнение понятий гибридного режима, полудемократии и/или авторитарной демократии, неформальных институтов применительно к постсоветской социально-политической реальности.

Моральный крах геополитики и альтернативные цивилизационные парадигмы

Александр Валентинович Оболонский,
доктор юридических наук, профессор Государственного университета – Высшей школы экономики

Проблему соотношения политики и морали можно было бы отнести к числу «вечнозеленых», если бы временами она не приобретала уж очень кровавый цвет. В европейской традиции теоретическое обоснование имманентности политического имморализма принято связывать с именем Н. Макиавелли[1], хотя гораздо более развернутый и страшный в своей циничной откровенности аналог содержит написанная почти за два тысячелетия до него на противоположном конце Евразии «Книга правителя области Шан» китайского легиста Шан Яна[2].

Вплоть до второй половины XX века идеология макиавеллизма была господствующей нормой политического поведения и практики. Однако трагический опыт тоталитаризма и двух мировых войн все-таки кое-чему научил человечество. Основанная на макиавеллизме политика в значительной мере исчерпала свой идеологический потенциал и «оправдание». После того как политика стала публичной, народ постепенно осознал свое право и обязанность непосредственно в ней участвовать. Да, собственно, едва ли не в каждой исторической эпохе можно найти подтверждения существования «антимакиавеллистского», морального взгляда на политику. Так, еще Аристотель «видел в политике продолжение этики, своего рода развер-

[1] Это справедливо лишь отчасти, ибо, изложив рецепты циничного манипулирования инструментами власти в «Государе», он, как следует из других его работ, сам с ними идейно не солидаризировался.

[2] См., напр.: *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981; Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1973. С. 210–233.

нутую этику, этику in concreto, и в то же время рассматривал саму этику как высшую политическую науку»[3]. А Августин писал в труде «О граде Божием»: «При отсутствии справедливости (justicia, которое также можно перевести как «правосудие». – *А.О.*) что такое государства, как не большие разбойничьи шайки, так как сами разбойничьи шайки что такое, как не государства в миниатюре?»[4] С XV же века, начала эпохи гуманизма, «моральная философия» стала не только фактором общественной рефлексии, но и элементом системы образования в рамках так называемых «наук о человеческом» (studia humanitatis).

Однако подлинное возрождение антимакиавеллизма в политической сфере начинается на рубеже 60–70-х годов XX века. Первым толчком к нему послужила так называемая «студенческая революция», прокатившаяся по Европе и Америке. Потом она аукнулась уотергейтским скандалом, фактическим изгнанием с политической авансцены функционально успешного, но не имевшего моральных самоограничений президента Р. Никсона, выдвижением во время президентства Дж. Картера прав человека как одного из приоритетов международной политики и многим другим. А главное, моральные ценности стали играть все более заметное место в оценке обществом происходящего на политических подмостках. Политический класс вынужден был отреагировать на это изменение в самосознании общества. Этические начала государственной жизни стали объектом достаточно жесткого социального контроля и регламентации, в том числе на законодательном уровне.

Было признано, что *жизнеспособность и легитимность политической системы страны во многом зависят от того, насколько государственные институты и высшие должностные лица отвечают господствующим в обществе ценностям и идеалам, а их поведение соответствует нормам общественной морали*[5]. Разумеется, процесс этот не был, да и не мог быть простым. Случались довольно длительные драматические откаты в традиционную сторону политического цинизма. Однако новый ветер трудно было не заметить. Вот как, например, писал об этом несколько лет назад нынешний президент США Б. Обама: «Тектонические плиты уже пришли в движение. Политика стала предметом морали, а не просто злобой дня, ее начали рассматривать в категориях моральных императивов и абсолютов. А еще политика стала гораздо более личной»[6].

В России в силу трагических особенностей ее истории (не говоря уж о снова вошедших в моду спекуляциях на специфике нашей якобы «уникальной ментальности») процесс «морализации политики» начался с запозданием, да и вообще малозаметен. Гораздо заметней политический имморализм. Часто он почти не маскируется и даже открыто провозглашает старый лозунг о несовместности политики и морали. Вполне можно утверждать, что в 2000-е годы у нас произошел *ренессанс макиавеллизма*, пусть в закамуфлированных популистской риторикой и жестами, но по сути достаточно циничных и крайних формах. У нашего государства появилось все больше черт военно-бюрократической системы управления, что всегда чревато ущемлением интересов и прав людей. Произошло то, против чего предостерегал К. Поппер, считавший глубочайшей и еще далеко не завершенной революцией в истории переход от

[3] См.: *Гусейнов А.А.* Мораль и политика: уроки Аристотеля // Ведомости. Вып. 24. Политическая этика: социокультурный контекст. Тюмень, 2004. С. 106.

[4] Цит. по: *Графский В.Г.* История политических и правовых учений. М., 2005. С. 185.

[5] Подробнее см.: *Оболонский А.В.* Бюрократия для XXI Века? М., 2002. С. 120–124, 160–161.

[6] *Обама Б.* Дерзость надежды. СПб., 2008. С. 35.

общества закрытого, где индивид растворен в коллективности, а взамен получает иллюзию защищенности, к обществу открытому, где он свободен и должен сам принимать решения. Такой переход неизбежно сопряжен со страхом свободы, желанием и попытками вновь захлопнуть уже отворенную дверь. Как показывает история, процесс действительно можно задержать. Но это приносит лишь новые беды, ибо вернуться в мнимый «утраченный рай» тоталитаризма невозможно. «Чем старательнее мы пытаемся вернуться к героическому веку племенного духа, тем вернее мы в действительности придем к инквизиции, секретной полиции и романтизированному гангстеризму... нам следует найти опору в ясном понимании того простого выбора, перед которым мы стоим. Мы можем вернуться в животное состояние. Однако если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь – путь в открытое общество»[7].

Вопреки всем трагедиям и бедам «печальной и многотерпеливой»[8] истории России и сетованиям по поводу нашей якобы неизбывно рабской ментальности мы все же смогли сделать несколько важных шагов на этом пути. Глядя в недалекое прошлое, мы можем с гордостью вспоминать и идею приоритета общечеловеческих ценностей, ставшую на какое-то время фактором практической политики, и глубоко нравственную жизнь и судьбу А.Д. Сахарова, и некоторые поступки «раннего» Ельцина. А главное – охватившее миллионы людей в конце 80-х – начале 90-х годов чувство освобождения от пресса тоталитарного государства, когда общество поднялось с колен. Почему этот период оказался столь кратковременным – самый тяжелый и больной вопрос двух последних десятилетий.

В основе идеологии, которая легитимирует попятное движение 2000-х годов, в явном или неявном виде лежит геополитическая парадигма.

Геополитика как вид ложного сознания

Как известно, *геополитика* (сейчас ее предпочитают называть мировой политикой) – *это государственная идеология и обслуживающая ее научная дисциплина, в основе которой лежит социал-дарвинистский взгляд на мир* исключительно как на арену «внутривидовой» борьбы государств. В этой борьбе меняются задачи, методы, промежуточные цели, но не суть: народы – враги, мир – ринг, государства – бойцы на нем, а конфликт – основа основ существования и взаимоотношений. Этот взгляд на соседей «через оружейный прицел» в разных формах существовал всегда, но как законченная идеологема сложился на рубеже XIX–XX веков. Он стал влиятельным во многих европейских странах, но в предельных формах, как основа государственной политики, воплотился в нацистской Германии и СССР. Этот геополитический фантом стоил человечеству двух мировых и множества «малых» войн, а также неизбежно сопутствовавших им войн с «внутренними врагами». Словом, *геополитика* – это насквозь пропитанный кровью *вид ложного сознания*. Он и основанные на нем драмы должны изучаться и анализироваться как *история болезни человечества*. Взгляд на мир как на шахматную доску, где люди, а то и целые народы – в лучшем случае лишь пешки, аморален в своей основе и может принести человечеству только горе и страдания.

Новые времена породили и новые формы геополитики – геоэкономику, геокультуру, информационную геополитику, – но ее глубинная конфронтационная и обычно экспансионистская суть не изменилась. В этом она недалеко уш-

[7] *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. С. 248.

[8] Выражение А.И. Герцена.

ла и от нацистской идеологии, и от классического евразийства первых десятилетий XX века.

Казалось бы, страшные уроки минувшего столетия должны были начисто отвратить людей от подобных представлений, а саму геополитическую логику отправить на свалку истории. Но этого, увы, не произошло. Слишком уж удобна эта политическая алхимия для тех, кто благодаря ей вдруг может ощутить себя вершителями судеб мира. А еще с этого неплохие дивиденды получает немалый персонал, обслуживающий политиков, так называемые «ученые приказчики». Их работа – облечь античеловечные цели в пристойные квазиидеологические одежды, подкрасить их политологическим макияжем, подсказать манипуляторские «политтехнологические» приемы.

Недавно на весьма серьезной конференции меня привлек заголовок доклада одного из наших геополитиков – «Россия в пятерке мировых лидеров». Прочитав его начало, предполагающее обоснование этой амбициозной цели, я выяснил, что ее достижение обусловлено не какими-то объективными факторами, а тем, что таков, оказывается, «запрос российской политической элиты, не удовлетворенной нынешним положением России в современном мире», а также тем, что «такая задача совпадает с чаяниями русского народа, в национальном самосознании которого глубоко укоренено представление о России как о великой стране, на протяжении многих веков игравшей ключевую роль в мировой истории». Автору, похоже, неизвестна очевидная для любого не людоедского режима посылка, что *внешняя политика должна лишь обслуживать главную – внутреннюю, поскольку именно последняя напрямую связана с интересами граждан страны*, а не отражать химеры, рожденные в мозгу рассуждающих у крупномасштабных карт и глобусов политиканов. Не политики и не их идеологические «портные», а обычные люди России и СССР веками расплачивались своими жизнями за политические амбиции и мании величия дворцовых и кремлевских «геополитиков».

Одна из связанных с этим болезней – «мистическое одушевление государства, на котором... держится государственническая мифология»[9], а также целенаправленное нагнетание имперской идеологии с сопутствующими рассуждениями о «российской исключительности», «всемирной миссии» и т.п. При этом эксплуатируются патриотические чувства людей, шулерски подменяемые идеями «государственного величия», «естественных» внешнеполитических интересов и целей, «славянского единства» и т.п., а также фантомные боли так называемого «постимперского синдрома».

Подобная аморальная в своей основе логика во многих отношениях находится в явном противоречии с главными векторами мирового развития и потребностями современных людей, их представлениями о роли и назначении государства. Наиболее наглядно это можно проследить на примере проблематики демократии. На наш взгляд, *демократия и мораль довольно тесно взаимосвязаны*, во всяком случае в странах с реальными демократическими традициями и институтами. Так называемые «простые люди», наученные горьким опытом двух мировых войн, больше не согласны удовлетворяться ролями периодических, а зачастую и фиктивных участников политического процесса. *Движение в сторону морализации политики – одна из форм поиска альтернативы геополитике*. Да и обществу в целом без реальной, а не «управляемой», т.е. имитационной демократии трудно, а может, и невозможно справляться с теми вызовами, которые непрерывно ставит перед нами XXI век. Деятельность всех ветвей власти должна быть прозрачна и подконтрольна. Вообще, стремление к *пуб-*

[9] *Драгунский Д.* Частное лицо эпохи // Космополис. 2008. № 21. С. 5.

личности политики – одна из главных движущих сил современной демократии. Лишь демократия (да и то не в полной мере) может обеспечить хотя бы относительную моральность политики, которая руководствуется критериями добра и зла, честности, совести, справедливости, долга и другими моральными категориями. Как писал один протестантский богослов, «человеческая способность к справедливости делает демократию возможной, но человеческая склонность к несправедливости делает демократию необходимой»[10].

Правда, история знает примеры, когда моральную политику пытались проводить автократическими методами (Кай Юлий Цезарь, Людвиг Баварский, Александр I и т.д.). Как правило, эти попытки исходили от желавших народу добра монархов, и, таким образом, все оказывалось в зависимости от его личных качеств. Однако чаще всего такие усилия в итоге были малоуспешными, а порой заканчивались трагически. Ведь, как известно, «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно». Поэтому над любым, даже самым прекраснодушным правителем необходим эффективный общественный контроль. К тому же при автократической форме правления отсутствуют какие-либо гарантии, что власть от «хорошего» автократа перейдет к такому же «хорошему» наследнику.

Так что те, кто в наше время по-прежнему отрицает органическую связь политики и морали, идут против ветра истории. Именно *наличие либо отсутствие нравственной, моральной компоненты маркирует границу между политикой в подлинном смысле и политиканством, политическим интриганством*. Но, как известно, если искусно лавировать, то против ветра какое-то время двигаться вполне возможно. Многое в нашем историческом движении 2000-х годов напоминает такое маневрирование. Под лозунгом «поднимания с колен» произошло возрождение авторитаризма и политического аморализма. Приоритет «системных интересов» над интересами гражданина не может быть сбалансирован никаким экономическим либерализмом. Впрочем, как мы видим, и он не устойчив в условиях нынешней «государственнической» модели. Этим, кстати, лишний раз доказывается ущербность тезиса о первичном значении экономики по отношению к моральным и другим культурным факторам. Как бы ни маскировать наблюдаемый ренессанс макиавеллизма популистской риторикой и жестами, он всегда происходит за счет ущемления интересов и прав людей. Один из наиболее ярких примеров этого – то, что произошло после трагедии Беслана. Тогда неспособность государства уберечь граждан от терроризма и разгула насилия была использована как предлог для практической отмены региональных выборов. Иными словами, под флагом «укрепления единства власти» нас лишили существенной части наших конституционных прав и свобод.

Перекрестки российской истории

Россия была и, похоже, остается ареной борьбы двух противоположных «генотипов» (термин условный, метафорический) социально-этического сознания – *системоцентризма* и *персоноцентризма*[11]. Их основное различие состоит в противоположности подходов к разрешению моральных конфликтов, возникающих между личностью и социальной общностью. Системоцентристская традиция предполагает приоритет интересов целого, т.е. общества или/и разного уровня коллективов (и, соответственно, имеющих возможность выступать от

[10] *Нибур Р.* Дети света и тьмы. Цит. по: Крук Р. Основы христианской этики. М., 2004. С. 50.

[11] Подр. см.: *Оболонский А.* Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994; *он же.* Человек и власть: перекрестки российской истории. М., 2002.

их имени лиц), тогда как персоноцентризм исходит из главенства интересов и прав отдельной личности. По сути, это два полярных видения мира, два параллельных пути развития цивилизации. Хотя логически второй не есть продолжение первого, но исторически системоцентристский путь был первым, и лишь много позднее от него отпочковался персоноцентризм. Эти две принципиально разные дороги развития общества то расходятся, то сближаются, иногда между ними возникают мостики и даже *перекрестки*. Общество, оказавшись в этой точке бифуркации, может попытаться перейти на другую колею, что зависит и от его готовности к этому, и от ряда ситуативных факторов.

Возможно, кризисы XX века подвели нас к порогу нового этического типа сознания. Сохраняя осторожный исторический оптимизм, я полагаю, что этот новый этический тип может сложиться как более-менее сбалансированное соединение этик системоцентризма и персоноцентризма. Назовем его *органичным, солидаристским или гражданским коллективизмом*. В идеале он представляет собой синтез лучших черт двух других типов и способен (по крайней мере, теоретически) обеспечить гармоничное сочетание интересов личности и общества.

В рамках этой дихотомии трагедия России видится в том, что она так и не смогла перейти на персоноцентристский путь развития, хотя у нее несколько раз возникали для этого шансы. Такими историческими перекрестками представляются мне Смутное время; годы петровской «перестройки», а по сути национальной трагедии псевдореформации, повернувшей в прежнем системоцентристском направлении уже вызревавшую к тому времени потребность в глубинных изменениях на уровне архетипа; отчасти – «заговор верховников» 1730 года и, конечно, «стартовое» десятилетие царствования Екатерины II.

Две следующие попытки, имевшие, в отличие от предыдущих, реальные шансы на успех, пришлись на XIX век. Их политическими кульминациями стали морозный декабрьский день 1825 года и сырой мартовский день 1881 года. По-видимому, в первые десятилетия XIX века персоноцентризм стал представлять в России более или менее заметную социальную величину. На наш взгляд, принципиальное отличие ситуации, сложившейся в то время, от персоноцентристских вспышек двух предыдущих столетий состоит в том, что персоноцентризм тогда впервые заявил о себе как о силе, которую не так-то просто полностью уничтожить (а такая попытка была предпринята в царствование Николая I). Эта сила обладала определенной социальной базой (в лице образованной и обретшей чувство социальной ответственности и достоинства лучшей части дворянства) и достаточно развитым самосознанием. В стране появилась, используя выражение Дидро, «новая порода людей», и весь XIX век прошел под знаком ее укрепления и развития.

Разумеется, мы говорим лишь об одном из векторов исторического процесса. В реальности все было гораздо сложней. В частности, параллельно формировалась романтичная, теплая, но консервативная с точки зрения политических прав и вообще подозрительно относившаяся к идее развития славянофильская идеология. Ее выразители считали концепцию политических прав личности непригодной для российской «ментальности», поскольку в России вместо партийной борьбы, парламентаризма и конституционных ограничений власти якобы господствует «соборное единение» народа перед лицом абсолютной монархии; русские – народ «неполитический», и потому ему не нужны никакие политические права.

Однако к началу XX века персоноцентризм стал в русском обществе настолько значительной силой, что даже без политических подталкиваний начала крениться и покрываться трещинами пирамида извечного российского систе-

моцентризма. Впервые его монопольный контроль над общественным сознанием оказался под угрозой, а возможность построения жизни на иных началах, нежели системоцентристское «людодерство», стала более чем реальной. Еще несколько десятилетий спокойного развития – и уже ничто было бы не в силах помешать переходу России на персоноцентристские рельсы. Однако здесь сыграло роковую роль то обстоятельство, что, *в отличие от западных стран, персоноцентризм в России развивался не «вширь», а «вглубь»*, т.е. в основном в пределах одного социального слоя – интеллигенции. При этом он охватывал лишь одну часть, в политическом словаре обычно именуемую «либеральной интеллигенцией». Другая же часть интеллигентов – «политические радикалы» – по сути оставались теми же системоцентристами, лишь нового образца. Они мыслили и действовали в рамках прежней антиличностной шкалы ценностей, только перевернутой вверх дном по принципу «кто был ничем – тот станет всем».

Социальная сверхконцентрация персоноцентризма породила уникальное в мировой истории явление – российскую гуманистическую интеллигенцию, но в политическом плане привела к национальной трагедии. Узость социального основания персоноцентризма предопределила его поражение, несмотря на то, что к началу Первой мировой войны на персоноцентристскую «колею» постепенно перебралась лучшая часть российского общества. Но времени не хватило. Параллельный фанатичный активизм радикалов оказался сильней. Деструктивные процессы, как правило, развиваются быстрее конструктивных. Динамика этих параллельных процессов прослеживается на протяжении жизни двух поколений – от 1870-х до 1920-х годов. В этом смысле революция и все последующие перипетии российской истории были не кульминацией, а почти неизбежной развязкой трагедии.

Экстремистски настроенные идеологи уничтожили поросль персоноцентризма и сделали ставку на «большой скачок», вознамерившись прямо шагнуть от традиционалистского системоцентризма к некоему «высшему» коллективизму. Такое игнорирование эволюционных закономерностей исторического процесса могло привести только к краху. И он произошел. Вместо идеала «нового человека» был получен чудовищный кентавр с некоторыми формами второго этического генотипа, с претензиями третьего, но с сущностью первого. Российский системоцентризм снова проявил свою феноменальную живучесть и изворотливость. Оказавшись в опасности, он произвел отчаянный радикальный маневр и ценой «переодевания», полной внешней трансформации еще раз уничтожил свою историческую альтернативу и вновь сохранил себя и свое господствующее положение. Для этого ему пришлось пожертвовать многими традиционными символами и атрибутами и даже принести на алтарь исторической борьбы интересы привилегированной части общества. Пирамида была как бы опрокинута набок, и темная стихия «низового», глубинного системоцентризма захлестнула и родственную ей системоцентристскую структуру самодержавной власти, и сконцентрированных лишь в одном общественном слое носителей персоноцентристского генотипа.

Когда же рассеялся дым Октябрьской революции, оказалось, что системоцентризм, сменив идеологические и политические вывески и разделавшись с персоноцентристской оппозицией, еще увереннее, чем раньше, господствует на продолжавшей расширяться территории Российской империи.

Победила задрапированная в радикальные одежды антиреформаторская линия. В социально-этическом плане произошел *ренессанс системоцентризма*, т.е. его возрождение и укрепление на новой, более прочной основе. В социально-психологическом плане за счет разрушения некоторых вторичных сте-

реотипов национального сознания и их замены другими, по форме более модернистскими, но по сути работающими на те же базовые ценности, также произошло укрепление традиционного психологического генотипа.

В идеологическом плане место государственного православия заняла новая официальная религия, фразеологически совершенно иная, но по способам воздействия на умы паствы, по формируемому ею социальному типу личности подобная ему и потому успешно эксплуатирующая наиболее косные традиционные стереотипы сознания.

В плане политического режима изменения также коснулись скорее внешних атрибутов и отчасти форм осуществления власти, а также состава обладающих ею групп, чем политических целей и средств их достижения. Особенно очевидна преемственность в области духа политической жизни, который на более конкретном уровне раскрывается через категории политического сознания и политической культуры общества.

«Несущие» опоры системоцентристской политической системы не только успешно пережили «смутное время» революции, но в некоторых отношениях стали еще крепче. Словом, мы «проиграли» XX век и, реанимировав наиболее косные черты национального сознания, в лучшем случае протоптались на месте, потеряв столь важное и, может быть, даже невосполнимое время для позитивного развития.

Лишь в последнее десятилетие XX века, после занявшего три четверти столетия «штрафного круга» по системоцентристской колее, наше общество смогло выйти на новый перекресток своей судьбы. На нем в очередной раз решается, пойдем ли мы дальше по накатанному авторитарному системоцентристскому пути, где человеческой личности при всех политических формах и режимах правления отводится лишь роль пресловутого «винтика», или же наконец перейдем на трассу демократического персоноцентристского развития, предполагающего формирование у людей чувства социальной ответственности, независимости, личного достоинства. Уже без малого два десятилетия весы нашей исторической судьбы колеблются. В 90-е годы они склонялись в сторону либеральной «чаши», в 2000-е – в обратную. Процесс обратного движения имеет несколько составляющих. Мы остановимся на двух идеологических мифологемах, целенаправленно используемых официозной пропагандой: *державно-патриотической* мифологеме и мифологеме *«особого пути»* России.

Эксплуатация «державного» патриотизма

Нам, обитателям «одной шестой части суши», в XX веке пришлось пройти не только через физические страдания и материальные лишения. Несколько переломов пережили и психика, и моральное сознание людей. На протяжении десятилетий с помощью целого набора методов, включая репрессии и идеологическое оболванивание, формировался особый личностный тип – homo soveticus[12].

Система обанкротилась, однако люди, взращенные ей, никуда не исчезли. У них началась – а во многом и продолжается до сих пор – жестокая морально-психологическая «ломка». Она перешла даже на их детей, не испытавших «прелестей» советской жизни. Общество оказалось в яме моральной аномии. Романтические надежды на быструю перестройку массового сознания под воздействием «невидимой руки рынка» скоро обнаружили свою утопичность. Этому также способствовали социально-экономические и политические обстоятельства. В результате базовая либеральная ценность – свобода – была в значительной мере девальвирована и дискредити-

[12] См., напр.: *Левада Ю.А.* К итогам изучения «человека советского» // Левада Ю.А. Ищем человека. Социологические очерки 2000–2005. М., 2006. С. 263–336.

рована в общественном сознании. Возникла противоположная утопия – тоска по «порядку».

На такой почве патриотическая идеологема была просто обречена на успех. Но тем, кто сосредоточил в своих руках почти монопольный доступ к медийным и иным «усилителям», нужен был патриотизм особого рода, накрепко связанный с возвеличением государства и власти. Этот квазиэтатизм, фетишизация власти как таковой, предполагает, что она есть главный стержень, на котором держится общество. Последнее почти отождествляется с государством, которое получает исключительное право представлять родину и народ, особо не интересуясь при этом его мнением. *Происходит подмена естественного патриотизма*, т.е. теплого чувства по отношению к своей стране, ее людям, «малой родине», *казенным патриотизмом*, предполагающим преклонение перед властью и ее демонстративную поддержку.

В свое время Л.Н. Толстой писал о «гипнотизации» народа посредством разжигания патриотизма: «Патриотизм есть ни что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых – отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение тем, кто во власти»[13]. А наиболее глубокий и едкий из критиков российского казенного имперского самосознания М.Е. Салтыков-Щедрин замечал: «Начальство полагает, что наилучшее выражение патриотизма заключается в беспрекословном исполнении начальственных предписаний»[14].

«Тонкая красная линия» отделяет патриотизм от поначалу почти незаметного перерождения его в национализм. Как отмечал В.С. Соловьев, в России даже самый умеренный национализм превращается в «бешеный». Здесь неумолимо сползание по четырехступенной «лестнице»: национальное самосознание – национальное самодовольство – национальный эгоизм – националистическая ненависть[15].

Думается, в основе многих форм национализма (включая шовинизм) лежит глубоко замаскированный, по большей части неосознаваемый комплекс неполноценности. Ответственность за собственные беды и неудачи возлагается не на самих себя, а на неких злокозненных инородцев. Погромный потенциал такого рода «неопочвенничества» может обращаться на любые национальные меньшинства, на этнических соседей и даже на «титульную» нацию.

Казалось бы, комплекс национальной неполноценности уж никак не должен быть присущ нашей великой нации, для коей к тому же открылось сейчас необъятное поле деятельности по «обустройству» собственной жизни и страны. Тем не менее тесно сопряженный с национализмом «стихийный народный империализм» – эмпирический факт, от которого не уйти. Обычно понятие империализма применяют к государственно-идеологическим сферам. Однако существует и империализм «народный», свойственный простым людям. Явление это носит интернациональный характер и присуще, например, французскому (а до 1945 года – и немецкому) массовому сознанию ничуть не меньше, чем российскому. Нередко можно слышать, как какой-нибудь обыватель интуитивно рассуждает почти в классических геополитических категориях государственных интересов, интернационального долга и т.п. Применительно к азиатской части СССР упор делается на «цивилизаторскую миссию» России; применительно же к Восточной Европе и Прибалтике главный тезис звучит приблизительно так: «Мы их освободили, а они, неблагодарные, не захотели жить по-нашему!»

---

[13] *Толстой Л.Н.* Христианство и патриотизм. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 39. С. 65.

[14] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Признаки времени // Полн. собр. соч. СПб., 1906. Т. 7. С. 171.

[15] См., напр.: *Янов А.Л.* Патриотизм и национализм в России. 1825–1921. М., 2002.

Мне могут возразить, что такая народная империалистическая психология сложилась отнюдь не спонтанно, а была внушена массам по идеологическим каналам. Однако это справедливо лишь отчасти. Как свидетельствует история советской системы массовой пропаганды, она бывала эффективной лишь в тех случаях, когда ей удавалось «оседлать» уже существовавшие в массовом сознании представления. В данном случае она усилила глубинные стереотипы традиционалистского сознания, отражающие настороженную неприязнь ко всякого рода «чужакам», и, манипулируя ими, направляла ее против того «врага», возмущение которым в данный момент больше всего отвечало потребностям текущей политики.

Здесь мы выходим на вторую из названных мифологем – химеру «особого пути».

«Особый путь» – неизбежность или миф?

«Особый путь» – извечная российская консервативная утопия. За последнее десятилетие этот миф занял непомерно большое место как в массовом, так и в «просвещенном» сознании наших соотечественников. Одни – условно назовем их «патриотами» – его лелеют и пестуют. Другие – опять же условно «западники» – относятся к нему как к несчастью или, по меньшей мере, как к плохому климату, в котором им выпало жить. Но *и те и другие трактуют его как нечто фатальное, как нашу непреодолимую судьбу*.

Просвещенные «патриоты» являются не только активными «пользователями» мифа «особости». Многие из них – его редакторы и даже конструкторы. Концепция «суверенной демократии» имеет отнюдь не народное происхождение, а зародилась в конкретных мозгах и с вполне конкретными целями. То же относится и к идеологеме «ресурсного государства», согласно которой так называемый административный ресурс – отнюдь не отклонение от выстраданных цивилизацией стандартов, даже не просто норма, а единственный эффективный механизм, способный обеспечить функционирование российского государства. Нормой объявлены и клиентельные отношения между держателями ресурса и потребителями государственных услуг. А такие западные категории, как «право», «конституция», «демократия», якобы имеют весьма ограниченное отношение к российской реальности, да и в принципе нам мало подходят[16].

На мой взгляд, миф особости имеет по меньшей мере двойной негативный эффект. Во-первых, как любая легитимация фатальности, он оказывает на людей деморализующее, обезоруживающее воздействие, подавляя в них потенциал инициативности, желания добиваться перемен к лучшему и быть хозяином своей жизни. Во-вторых, он служит лукавым «самооправданием» по модели «ничего нельзя сделать, все предопределено», а на самом деле – формой пассивной адаптации к неблагоприятным условиям, способом «выживания» в заданных и якобы непреодолимых обстоятельствах.

Но, может, наш особый Zonderweg[17] – действительно печальная неизбежность российской исторической судьбы? Помнится, герой одного лесковского рассказа, безуспешно пытавшийся внедрить в неком уезде разные полезные средства улучшения жизни, в конце концов отчаялся со словами: «Ничто хорошее вам не подходит». К счастью, жизнь не подтверждает этого катастрофического умозаключения. А уж плоды западной цивилизации не просто подходят, но и вовсю используются даже самыми крайними и громкими антизапад-

[16] См., напр.: *Кордонский С.Г.* Ресурсное государство. М., 2005.

[17] Это понятие появилось в Германии в период зарождения национального романтизма, было очень популярно в первой половине XX века, но ныне полностью вышло из «моды» вместе с осознанием того, куда этот особый путь их завел.

никами. Факты многозначны. Можно выстроить, по меньшей мере, две цепочки эмпирических фактов из российской жизни и истории, одна из которых будет по видимости убедительно «работать» на одну, а другая – на противоположную позицию. Даже в нашей квазиэлите, при всех ее интеллектуальной ограниченности, идеологию «особого пути» поддерживает меньше половины респондентов, а большая часть разделяет в той или иной мере общецивилизационные ценности[18]. Поэтому, на мой взгляд, приписывать массовому сознанию россиян подчиненность химере «особого пути» означает другими словами высказывать *тезис о нашей национальной неполноценности*. Даже самое критическое видение всех трагедий и несуразностей нашей истории и современности не дает оснований для подобного заключения.

Как убедительно показал Э. Паин в книге «Распутица»[19], «концепция “особой цивилизации”, обусловливающая и “особый путь”, и “особую демократию” России, – весьма распространенный в мировой практике способ оправдания незыблемости авторитарных режимов»[20]. Как и я, Э. Паин отдает дань уважения здравому смыслу «простых» людей, движущемуся к пониманию «того, что источником произвола выступают не “те, понаехавшие, инородцы”, а свои начальники, приватизировавшие власть в корыстных и, следовательно, антинациональных интересах»[21]. Хотя мы расходимся в отдельных моментах (что естественно и неизбежно при анализе сложных проблем), но я полностью разделяю главную мысль книги об отсутствии какого-либо «цивилизационного запрета» на переход России от авторитарного к правовому режиму[22] и представление, что у нас, наряду с подданническим менталитетом, в обществе с давних пор существует альтернативная, персоноцентристская контркультура, а «вся русская классическая литература... доказательство национальных российских корней концепции гражданского общества... ее защитница и нравственный гарант»[23]. Такой подход нацеливает не назад, не на воспроизводство архаичных патриархальных моделей взаимодействия народа и властей предержащих, а вперед – на социальную модернизацию.

До сих пор мы были не слишком удачливы в выборе исторических путей. Как все сложится на этот раз? Не берусь давать оценку вероятности реализации разных возможностей. Но важно в полной мере осознать собственную ответственность за судьбу страны. История показывает, что в критические периоды не только позиция и желания политической и прочей «элиты», но и воля и поведение обычных людей, обретших личностное сознание и достоинство, могут определить дальнейшую траекторию развития.

---

[18] См. весьма показательные эмпирические данные опроса фонда «Николо М»: *Афанасьев М.* Российские элиты развития: запрос на новый курс. М., 2009.

[19] *Паин Э.* Распутица: полемические размышления о предопределенности пути России. М., 2009.

[20] Там же. С. 5.

[21] Там же. С. 188.

[22] Там же. С. 13.

[23] Там же. С. 201.

Роль учебников в формировании взаимных репрезентаций русских и американцев

28 сентября 2009 года московский офис Института Кеннана представил научной общественности новую книгу – сборник статей «Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций», подготовленный В.И. Журавлевой и И.И. Куриллой при финансовой поддержке Института Кеннана. В презентации приняли участие редакторы сборника и члены авторского коллектива, исследователи из Института всеобщей истории (ИВИ) РАН, Института США и Канады РАН (ИСКРАН), Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (МГИМО), Московского государственного университета им М.В. Ломоносова (МГУ), Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Государственного университета – Высшей школы экономики (ГУ – ВШЭ), Волгоградского государственного университета (ВолГУ), других учебных и академических центров. Предлагаем вниманию читателей материалы состоявшейся дискуссии.

В.И. Журавлева (кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений, руководитель программы по американистике, заместитель заведующего отделением международных отношений, РГГУ):

Замысел этого сборника рождался из наших с И.И. Куриллой исследовательских интересов и занятий имагологией российско-американских отношений. Мы задумали создать книгу, которая позволила бы расширить междисциплинарный подход к изучению процесса взаимовосприятия американцами и русскими друг друга за счет привлечения такого нетрадиционного источника, как учебники. Мы стремились объединить усилия исследователей из России и США, которые смогли бы проанализировать университетские и школьные учебные тексты по истории, филологии, культурологии, международным отношениям, экономике, географии в длительном временном диапазоне на предмет выявления их роли в процессе конструирования национальной идентичности в Российской империи / СССР / постсоветской России и Соединенных Штатах посредством использования образа русского/американского «Другого».

На мой взгляд, учебник в чем-то сродни карикатуре при всей условности аналогий: упрощенная схема передачи смысла с апелляцией к существующей в обществе матрице национальных и культурных символов, доходчивость и дидактичность образов. Однако у учебника особая аудитория – подрастающее поколение. Вспоминается фраза Мастера Йоды, олицетворяющего силы Добра в американской культовой киноэпопее «Звездные войны»: «Подобен чуду ум ребенка». И ум студента тоже подобен чуду. Это завораживает и одновременно накладывает особую ответственность на педагога и автора учебника. Каким образом будет преподнесено знание о собственном прошлом и настоящем, о прошлом и настоящем других стран и народов? Сколько версий разных отечественных и зарубеж-

ных «историй» должно присутствовать на парте школьника? В этом смысле учебная книга превращается в своеобразный индикатор идеологического состояния общества, степени его толерантности.

На рубеже XX–XXI веков содержание учебников, прежде всего школьных, стало предметом серьезного изучения в различных странах. Исследователи обращаются к анализу учебной литературы с целью понять механизмы формирования массовой исторической памяти, выявить роль образов внешнего мира в игре смыслов и значений, маркирующих поле национальной идентичности.

Напомню, что в настоящее время в Германии действует Институт Георга Эккерта по международному анализу учебников, который издает специальный журнал «Контекст». В США в последние годы вышло несколько интересных исследований, посвященных заявленной проблематике. Известный историк Джеймс Левен опубликовал книгу «Ложь, рассказанная мне школьным учителем». Она вызвала большой резонанс не только в американском научном сообществе, но и среди читающей публики и к настоящему времени выдержала уже два издания. В 2006 году вышел сборник под редакцией Стюарта Фостера и Кита Крауфорда «Что мы расскажем детям? Международный взгляд на школьные учебники истории». Учебники как поле конструирования национальной идентичности стали объектом самого пристального внимания и предметом напряженной дискуссии в российском научном сообществе. В 2008 году прошла международная конференция в Библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино «Старые и новые образы в современных учебниках истории». Она была организована Ассоциацией историков России XX века совместно с Фондом Фридриха Науманна. Участники форума анализировали учебники в рамках процесса взаимовосприятия России и стран Восточной и Центральной Европы, Балтии, Южного Кавказа, Центральной Азии. Это всего лишь несколько примеров из солидного списка международных проектов по изучению учебников.

Однако вплоть до настоящего времени ни в России, ни в США не предпринималось попыток вписать анализ школьных и университетских учебников по истории и другим дисциплинам в контекст имагологии российско-американских отношений, начиная с XIX века и вплоть

до начала XXI века. При этом значимость данной проблематики осознавалась уже в период «холодной войны». Например, в 1976 году Марвин Берман опубликовал в США книгу «The Treatment of the Soviet Union and Communism in Selected World History Textbooks» (Образы Советского Союза и коммунизма на страницах отдельных учебников по всемирной истории). В конце 1970-х годов начала работу совместная советско-американская комиссия по изучению учебников. Она занималась отбором школьных текстов по истории, географии и обществознанию для проведения анализа по выявлению взаимных мисперцепций. Отчет комиссии был опубликован в июне 1981 года под названием: «US-USSR Textbooks Study Project» (Американо-советский проект по изучению учебников).

Задумывая свой проект, мы прекрасно понимали его амбициозность и осознавали сложность задачи, поставленной перед исследователями. Ведь мы предлагали им учитывать целый ряд контекстуальных полей: историю российско-американских отношений, эволюцию взаимовосприятия, развитие русистики и советологии в США и американистики в России, а также в целом гуманитарного знания в той и другой стране, проблему взаимодействия профессионального сообщества и государственной власти, формирование национальной идеи в Российской империи / СССР / постсоветской России и в Соединенных Штатах. Безусловно, каждый автор решал эту задачу по-своему, исходя из собственного педагогического опыта и исследовательского интереса. Безусловно, остались серьезные тематические лакуны. Но мы и не планировали издавать коллективную монографию, отражающую все аспекты заявленной проблематики, жестко структурированную и стилистически однородную. Это дело будущего. Мы намеревались издать сборник статей, актуализирующий проблему в целом, за «мозаичностью» и смешением авторских стилей которого просматривалось бы многообразие ракурсов избранной темы. Надеемся, что в ходе сегодняшней дискуссии обозначатся перспективы дальнейшей работы над проектом. Его начальной стадией, по нашему замыслу, должен был стать предложенный вашему вниманию сборник.

И.И. Курилла (доктор исторических наук, заведующий кафедрой международных отношений, регионоведения и политологии, руководитель Центра американских исследований Americana ВолГУ):

Учебники не случайно попали в последние годы в центр не только общественного, но и политического внимания. Не буду напоминать о попытках создания единственно верной версии истории и разных ее эпизодов в различных постсоветских странах (частью этих попыток было создание новых учебников истории). Скажу лишь, что все более популярный конструктивистский подход к социальной реальности эксплицитно делает учебник мощным инструментом формирования социума.

В.И. Журавлева замечательно рассказала о том, как возник и воплощался наш замысел, о методологии исследования. Позвольте мне только добавить, что сборник посвящен памяти нашего учителя Н.Н. Болховитинова. Наша статья о нем – не просто дань памяти ученому, который на протяжении многих лет был непререкаемым авторитетом в области отечественной исторической американистики. Мы постарались показать, что его жизнь и деятельность сами по себе были фактором не только науки, но и, собственно, российско-американских отношений. Являясь, по выражению авторов одной из статей в нашем сборнике, «держателем дискурса» отечественной науки о США, Н.Н. Болховитинов участвовал в формировании образа Америки в России и образа нашей страны в Соединенных Штатах. Его самого

чрезвычайно занимала эта тема, и мы помним, что последняя монография Николая Николаевича была посвящена близкой проблематике – роли российских ученых в становлении американской русистики. Именно поэтому мы посчитали правильным включить статью о его научной деятельности в наш сборник, вписав рассказ о Николае Николаевиче в контекст развития американистики в СССР / постсоветской России.

Позвольте выразить признательность Институту Кеннана, профинансировавшему публикацию, а также руководству наших университетов – ВолГУ и РГГУ – за постоянную поддержку научно-образовательных программ по американистике.

Баталов Э.Я. (доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСКРАН):

Мне бы хотелось, не останавливаясь на разборе отдельных статей, а каждая по-своему интересна, сказать несколько слов о книге в целом. Предварительно лишь замечу, что американским текстам при всей их профессиональности, на мой взгляд, не хватает метафизической глубины.

По-моему, это уникальное произведение, которое я бы назвал четырехмерным. Во-первых, книга посвящена исследованию американских образов России и российских образов Америки, то есть находится в плоскости достаточно новой дисциплины, которую можно назвать имагологией или имажинологией и у которой, уверен, большое будущее. Во-вторых, она посвящена сравнению этих образов. Хотя в отдельных статьях лобового сравнения мы не увидим, но, прочитав всю книгу в целом, у нас, безусловно, складывается впечатление, что перед нами исследование компаративистского характера. В-третьих, это, если хотите, регионоведческое или страноведческое исследование, причем здесь можно говорить и об американистике, и о русистике, а вот профессор Уайль даже говорит о славистике. И наконец, в-четвертых, это книга, имеющая прямое отношение к педагогической литературе. О последнем хочу сказать более подробно.

Школа – это один из агентов ранней социализации, значение которой в формировании личности особенно велико, ибо именно в процессе ранней социализации в сознание учащегося закладываются установки и ориентации, впоследствии определяющие и его видение мира, и его поведение. Чтобы понять, почему стереотипы «холодной войны» оказываются такими стойкими, нужно посмотреть, по каким учебникам учились те, у кого мы обнаруживаем эти стереотипы, и кто их учил. Говорю это потому, что читал книжку, я бы сказал, с личным корыстным интересом по одной простой причине. Я не только работаю в Академии наук, но и с 1966 года преподаю. И меня всегда мучил вопрос: каким должен быть хороший учебник и хороший учебный курс? Они, безусловно, должны быть разными. Но все-таки в них должны, по-видимому, присутствовать какие-то общие моменты.

Мне кажется, что хороший учебник и хороший курс должны удовлетворять минимум четырем требованиям. Во-первых, они должны давать достоверную и релевантную информацию. Во-вторых, они должны способствовать формированию критического, в кантовском смысле этого слова, мышления (если хотите, творческого). В-третьих, они должны способствовать формированию гражданского сознания. Американцы очень много сделали для выяснения того, что же является гражданским сознанием. Не могу не вспомнить руководителя знаменитой в 1920–1930-е годы Чикагской политологической школы Чарльза Мерриама, поборника демократии, который говорил: «Демократии нет без гражданского общества, а гражданского общества нет без гражданина». И мы, говорил Мерриам, должны этого гражданина воспитывать. И наконец, в-четвертых, может быть, это и прозвучит

наивно, но мне кажется, что учебный курс по общественным наукам должен прививать доброе, позитивное отношение к «Другому». У каждого народа есть много хорошего, и об этом надо говорить детям. Конечно, мир не без теней и на тени тоже следует обращать внимание, но и о хорошем стоит рассказывать непременно. Во многих статьях я обнаружил подтверждение именно такой точки зрения.

Что касается сегодняшних образов России на страницах американских учебников и образов Америки на страницах наших учебников, на мой взгляд, здесь есть очень много общего в психологическом и теоретико-методологическом плане. Складывается вот какая картина:

• образ «Другого», будь то Америка или Россия, зачастую не совпадает с представлением «Другого» о себе, или, иначе говоря, идентификация «Другого» не всегда совпадает с его самоидентификацией;

• образ «Другого» подчас несет на себе печать сознательного искажения, связанного с политической конъюнктурой;

• образ «Другого» нередко несет на себе печать неосознанных искажений, связанных с дефицитом информации, когнитивным диссонансом, культурными различиями и другими факторами.

Нет времени говорить о других факторах, но, пользуясь случаем, я бы хотел сказать, что несколько месяцев назад мы в Институте США и Канады издали книгу, над которой работали три года. Эта книга посвящена анализу образов современной России в работах американских авторов 1992–2007 годов. В ней вашему покорному слуге принадлежит глава, в которой он пытается ответить на вопрос, почему американцы видят нас такими, какими они нас видят. И это совсем непросто. И второй вопрос: до каких пределов можно все-таки попробовать создать условия для приближения их видения наших реальностей к некоей адекватности, а до каких нельзя? Потому что, как выясняется, пределы эти ограничены. И мы не должны ожидать, что в один прекрасный день откроем учебник и увидим там, как правильно описывается Россия или как правильно описываются Соединенные Штаты.

Несколько замечаний и пожеланий. Мне кажется, было бы очень интересно дать, пусть небольшое, на один печатный лист, приложение, содержащее отрывки из американских и российских учебников. Без комментариев, но с точной атрибуцией. Потому что иная цитата может умному читателю сказать больше, чем целая статья, даже хорошая.

Еще один момент. Как это часто случается со сборниками, в книге не выдержано жанровое и структурное единство. Есть аналитические статьи, написанные в сугубо академическом плане, есть статьи скорее публицистического плана, направленные на защиту собственной позиции, есть статьи, пронизанные политическим пафосом. Для сборника это нормально. На этом фоне чувствуется отсутствие серьезной обобщающей статьи, которая давала бы представление об общей динамике и направлении эволюции образов за более или менее длительный период на страницах российских и американских учебников. Хотя бы в плане тех пяти аспектов, которые декларированы в книге. Зато ее концовка, бесспорно, удачна. Сборник, напомню, завершается статьей В.И. Журавлевой и И.И. Куриллы, посвященной памяти Н.Н. Болховитинова, статьей содержательной, высокопрофессиональной и, что по нынешним временам особенно ценно, доброй.

И в заключение одно предложение. Всем знакомо имя замечательного культуролога и философа Георгия Гачева. Много лет назад он начал серию исследований, которую назвал «Национальные образы мира». Вышло свыше десятка книг, рождающих глубокий интерес к стране, которую он описывал. Я

спрашиваю себя: а разве нам было бы неинтересно посмотреть, как выглядит Россия на страницах немецких, французских, испанских или финских учебников? Разве нам было бы неинтересно узнать, что рассказывают китайские или японские педагоги своим детям о нас? Думаю, что если бы такая серия была задумана и появилась – конечно, при условии первичной разработки общей матрицы, – она могла бы быть крайне полезной и востребованной.

В.В. Согрин (доктор исторических наук, руководитель Центра североамериканских исследований ИВИ РАН, главный редактор журнала «Общественные науки и современность», профессор МГИМО):

Обсуждаемый нами сегодня сборник интересен и полезен и по замыслу, и по содержанию. Не все статьи равнозначны, но есть весьма глубокие и полные в раскрытии содержания учебной литературы по истории как России, так и США. Среди удачных мне хочется назвать статьи А.И. Кубышкина и И.А. Цветкова, И.И. Долуцкого, Г.И. Зверевой, А.С. Макарычева. В частности, статья Кубышкина и Цветкова об учебниках по истории США, которые вышли в нашей стране, представляется мне сбалансированной и объективной. Очень хорошая, информационно насыщенная и написанная в публицистической форме статья Долуцкого. Все знают, что ему крепко досталось от нынешней власти. В 1990-е годы он публиковал «правильные» учебники. В это время у нас произошла либерально-демократическая революция, и в контексте этой революции Долуцкий с либерально-демократических позиций описывал историческое прошлое Российской империи и Советского Союза. Но в начале 2000-х годов власть переменилась, и тут же эти учебники оказались неугодными, в особенности когда речь шла о постсоветской реальности.

Что касается статей американских авторов, то они, безусловно, интересны и высокопрофессиональны, но в сравнении со статьями российских авторов не дают столь широкого, многопланового представления об американских учебниках по российской истории.

Есть в сборнике и определенные пробелы, хотелось бы один из них обозначить.

Речь идет о раскрытии вопроса о том, как и какие учебники попадают к преподавателям и студентам. На мой взгляд, в этом вопросе существуют различия между США и Россией. Опыт США характеризует пример, который я узнал от моего хорошего знакомого, профессора Колумбийского университета Э. Фонера. Несколько лет назад он опубликовал учебник по американской истории, который был одобрен научно-образовательными сообществами в 17 штатах. Это был очень высокий показатель, и учебник Фонера был переиздан. Но совершенно очевидно, что учебник был одобрен «снизу», то есть преподавательской средой, а не властью. В других штатах были популярны другие учебники, но ни в одном из штатов не было монопольного учебника, предложенного «сверху».

В нашей стране подобная практика в советский период была невозможна – единый учебник по истории утверждался властью. В 1990-е годы ситуация изменилась. Появились разнообразные учебники по истории, при этом утвердился концептуальный плюрализм. Что очень важно, преподаватели получили возможность выбирать и рекомендовать студентам и ученикам те учебники, которые они считали объективными и полезными. Учебная литература 1990-х годов была разнообразна, но неравнозначна. Наряду с глубокими и интересными книгами были и скороспелые, на которых лежала печать идеологической конъюнктуры тех лет. Нередко она проявлялась в том, что авторы стремились переписать учебники советского периода по принципу «от противного». В результате «плюсы» в оценках советской истории менялись на «минусы»,

а в оценках истории США «минусы», наоборот, менялись на «плюсы».

Пример смены «минусов» на «плюсы» в подходе к истории США последовательно демонстрировал и один из авторов рассматриваемого сборника Б.М. Шпотов, специализирующийся в области экономической истории США. На протяжении последних лет он настойчиво утверждал, что корпорации США на рубеже XIX–XX веков действовали в интересах «потребителей, к которым относилось все население страны», получали «прибыль не за счет ограничения сбыта и повышения цен, а путем создания новой производственной организации и научного менеджмента», они стремились «поставить отношения в промышленности на рациональную основу, перевести традиционное противостояние и борьбу труда и капитала в русло взаимовыгодного сотрудничества»[1]. В сборнике он обрушился на отечественных авторов, которые придерживаются иных мнений (а это все российские историки, за исключением самого Шпотова). В отношении заключения крупнейшего отечественного американиста Е.Ф. Язькова, который в своих учебниках, прочно вошедших в золотой фонд российской американистики, показывал, что ценовой сговор был характерен для корпораций конца XIX века, Шпотов использует безапелляционно большевистский вердикт: «Совершенно ошибочно» (с. 223).

Подвергая зубодробительной критике российских американистов, Шпотов игнорирует накопленное мировой исторической наукой огромное количество фактов об антиобщественной практике корпораций США конца XIX – начала XX века. А ведь в этом вопросе между историками давно достигнут консенсус, к которому присоединились не только «левые» и либеральные авторы, но и многие консерваторы. Д. Бурстин, признанный глава консервативной школы консенсуса, оценивая деятельность «Стандард ойл» в конце XIX века, признавал: «Безжалостная тактика Рокфеллера по отношению к конкурентам – угрозы, запугивание, готовность применить силу, использовать шпионов (и даже, как поговаривали, убийц) – стала типичным образчиком изменившихся нравов века»[2]. Это мнение разделялось и современниками той эпохи, а один из них, президент США в 1901–1909 годах Т. Рузвельт, говорил о железнодорожном магнате Э. Гарримане и его сторонниках: «Нет таких форм лжи, подкупа и коррупции, к которым бы они ни прибегли»[3].

Я не возражаю против того, чтобы Б.М. Шпотов высказывал свои взгляды, но категорически против того, чтобы он навязывал их как абсолютную научную истину и устраивал бездоказательный разнос тем, кто развивает иную концепцию.

Этап 1990-х годов, когда в исторической литературе весьма широко распространилась смена «плюсов» на «минусы» в изложении отечественной истории и «минусов» на «плюсы» в толковании истории американской, в случае естественного развития научного плюрализма должен был бы смениться постревизионистским этапом, означающим появление все большего количества исторических работ с научно выверенным балансом разнообразных, пусть и самых противоречивых исторических фактов. Увы, этого не произошло. В 2000-е годы российская власть стала решительно утверждать собственную монополию на историческую истину, руководствуясь максимой, высказанной в одном из романов Оруэлла: «Кому принадлежит про-

[1] *Шпотов Б.М.* Организация большого бизнеса в США на рубеже XIX – XX веков // Американский ежегодник. М., 1999. С. 34.

[2] *Бурстин Д.* Американцы: демократический опыт. М., 1993. С. 66.

[3] *Брандс Х.В.* Главный железнодорожник Америки // Большой бизнес. 2005. № 7. С. 177.

шлое, тому принадлежит и будущее». Особенно ярко эта позиция проявилась в отношении учебников по истории. В сентябре 2009 года президент Д. Медведев на одном из совещаний с учителями со всей ясностью сказал, что дискуссии возможны только в узко научных трудах, а в учебниках должен утвердиться единый (т.е. отвечающий интересам власти) стандарт. Плюрализм в исторических учебниках в России тем самым отменен. Остается надеяться, что не навсегда.

В.Л. Мальков (доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ИВИ РАН):

Сегодня мы говорим о движении нашей американистики, которая поднялась уже до сравнительного анализа учебной литературы, что само по себе представляет исключительную важность и сложность. Представленный сборник – очень хорошая и полезная книга. Таких еще не публиковалось ни у нас, ни в США. Ее интересно читать, она поучительна и, как говорят, цепляет. Можно говорить и о ее научно-исследовательском значении. Первая статья – В.И. Журавлевой и И.И. Куриллы – поднимает совершенно неизвестный пласт исторического знания. Я лично не был знаком с теми работами, которые, оказывается, служили учебными пособиями в конце XIX – начале XX века для школьников Соединенных Штатов, желающих узнать что-то о России. Анализ этих работ выполнен профессионально, с большим вкусом и вписан в контекст истории российско-американских отношений в длительном временном диапазоне.

Мне как американисту была интересна и статья об учебниках советской и постсоветской поры, изданных в нашей стране. Мое внимание, безусловно, привлек критический взгляд А.И. Кубышкина и И.А. Цветкова, тем более что мне довелось быть участником тех проектов советских американистов, о которых они с таким полемическим задором рассуждают. Было любопытно узнать, например, что, оказывается, я сам принадлежу к категории «памятников исторической эпохи». А попал я в эту категорию в связи с приговором, вынесенным Кубышкиным и Цветковым четырехтомной «Истории США», которая была завершена в середине 1980-х годов. Напомню, что последний том вышел под моей редакцией в 1987 году, когда еще никакого реального потепления не было. В США президентом был Р. Рейган и господствовала «рейганомика», а в Советском Союзе еще никто не верил в «перестройку» М.С. Горбачева.

Так вот, оказывается, четырехтомник – это уже памятник исторической эпохи и для нынешнего студента, с точки зрения информации, ничего из себя не представляет. Ну, знаете ли! Дело не в той обиде, которую я испытываю как член редколлегии и ответственный редактор 4-го тома, а в том факте, что за последние 25 лет ничего нового так и не появилось. Ни одного, ни двух томов! Я неоднократно говорил, что самое время создать новое обобщающее издание. Критиковать же всегда проще! Кстати, четырехтомная «История США» – это не просто нарратив, изложение событийной стороны политической и социально-экономической истории. Каждый том, а редактором первого был Н.Н. Болховитинов, представляет собой комплексное исследование, в которое включены совершенно самостоятельные разделы, посвященные развитию искусства, науки, литературы, исторической мысли США. Такие издания по плечу только целому институту. Да, действительно, это была эпоха отечественной американистики со всеми ее достоинствами и недостатками, она с этим и ушла. Догоняйте! Пока явно не получается.

В статье А.И. Кубышкина и И.А. Цветкова присутствует четкое деление: советская литература – постсо-

ветская литература. А.В. Ефимов и другие авторы – позавчерашний день, и непонятно даже, как они становились учеными и учителями. При этом следом идет прекрасная статья В.И. Журавлевой и И.И. Куриллы о Н.Н. Болховитинове, которому посвящен сборник. Это тоже статья об истории нашей американистики, статья критическая, но написанная в другом ключе, с уважением к тому, что было сделано предшественниками, с пониманием тех трудностей, которые существовали. Николай Николаевич – мой однокашник и друг, я с ним учился и работал. Но ведь он, точно так же как и я, в Институте международных отношений учился у Ефимова и у этих самых «позавчерашних» в интерпретации Кубышкина и Цветкова. Эта учеба, по-видимому, не прошла даром. Значит, Ефимов и другие что-то нам всем дали, чему-то научили, а мы чему-то научили и что-то дали поколению сегодняшних американистов. У нас не было других учебников, кроме учебников Высшей партшколы, написанных тем же А.В. Ефимовым и Л.И. Зубоком. Отличные учебники, уверяю вас. Да, там присутствовал идеологический компонент, а где его не было? Но и история США в своей фактической подлинности там тоже присутствовала в самых различных ипостасях. А.И. Кубышкину и И.А. Цветкову следовало бы проявить осмотрительность и, я бы сказал, деликатность. Почему ни слова не сказано о Н.Н. Яковлеве, о его книге по новейшей истории США и его научных трудах? Для своего времени это был своеобразный прорыв, хотя и перехлестов, и компиляции в них предостаточно, чего уж греха таить. Но стилист он был превосходный. И театральности, и живости языка ему было не занимать.

В статье Кубышкина и Цветкова умалчивается опыт подготовки учебников по истории стран Европы и Америки в МГУ. А ведь в них главы по США писали настоящие профессионалы, знавшие Америку не понаслышке и работавшие в ее архивах. И уж, конечно, нельзя было пройти мимо учебника по историографии под редакцией И.П. Дементьева, учителя присутствующего здесь В.В. Согрина и многих других американистов. Ведь историография – это высший пилотаж. Создать этот учебник было совсем не просто. Я писал там раздел по историографии новейшей истории Соединенных Штатов. А ведь мнение о ней еще по-настоящему не выкристаллизовалось даже в самих Соединенных Штатах, не был осмыслен еще общий вектор исторической мысли, писать приходилось вживую, суммируя не только монографии, но и зачастую статьи. Этим изданием продолжают широко пользоваться в университетах. Оно сохраняет свою ценность. Вот вам и «исторический памятник»! Поэтому нужно было бы уважаемым авторам Кубышкину и Цветкову проявить историзм в подходе к «творческому наследию» и обойтись без полемических перехлестов, чтобы не получилось: все плохое – советскому периоду, а для постсоветского – одни комплименты – и свободная манера, и яркость изложения, и какая-то особая креативность. А вот И.И. Долуцкий убедительно показал, что и в постсоветском периоде далеко не все благополучно. И всем нам, американистам, есть над чем задуматься сегодня.

О статье Долуцкого хочу сказать особо. Острая, аргументированная, доказательная, цепляющая за живое. Думаю, она полезна не только обобщенным и проанализированным в ней материалом, но еще и тем, что бьет по клановой, номенклатурной структуре нашей общественной науки и в прошлом, и в настоящем. Только вот какое замечание хочу сделать. Опять механическое деление: «мы» и «они». Существует идеологизация. Это верно. Но существует еще и идейная позиция, и от этого никуда не уйдешь. М.А. Барг говорил, что в истории главное – авторское объяснение, а не факты. И если автор объясняет те или иные процессы и явления с опреде-

ленной идейной позиции, в которую искренне верит и с которой не собирается порывать, – это его право и его выбор. Другое дело идеологизация, продиктованная какими-то вненаучными интересами. Она всегда была и есть. И у нас в России, и в США. Это различие, на мой взгляд, Долуцкий улавливает не всегда.

А в целом я считаю, что этот сборник продолжает тот опыт российско-американского научного диалога, который, как мне казалось, прервался. Но вот Виктория Ивановна и Иван Иванович доказали, что нет. Как говорится, продолжение следует. Я имею в виду то, что мы некогда делали с американскими коллегами, в частности с Норманом Солом. И здесь Н.Н. Болховитинов сыграл немалую роль. Напомню – еще раньше такая работа осуществлялась по изучению «нового курса» Ф.Д. Рузвельта в МГУ при поддержке Е.Ф. Язькова. Американские коллеги читали наши статьи, собранные под одной обложкой и изданные в Канзасе, и писали на них рецензии, а мы отвечали на их замечания и, в свою очередь, высказывали мнение по поводу их исследований. Был издан прекрасный труд. Рад, что представленный сборник в какой-то степени продолжает то, что было начато моим поколением американистов, при том что редакторы и инициаторы проекта принадлежат уже к поколению следующему.

Т.Д. Венедиктова (доктор филологических наук, профессор МГУ и РГГУ, заведующая кафедрой теории дискурса и коммуникации филологического факультета МГУ, член Совета Европейской ассоциации американистики):

Я бы хотела назвать свое выступление по поводу представленного сборника «Уроки истории: без гарантий?»

Обсуждаемая книга замечательна тем, что обещает немало, но дает даже больше, чем обещает. Взаимные репрезентации России и США на страницах учебников представлены подробно и разносторонне, и таким образом информационная задача, поставленная редакторами-составителями, коллективом авторов успешно осуществлена. Но благодаря пытливой пристрастности тех же авторов, предлагаемые подходы к теме складываются еще и в цепочку косвенных диалогов: под обложкой книги происходит дискуссия, и у филолога она вызывает тем большее сочувствие, что в фокусе обсуждения – не факты прошлого (к которым традиционно апеллируют историки), а письмо и тексты (привычный материал литературоведа). Попробую выделить особенно заинтриговавшие меня проблемы.

История как воззвание к нации: плюсы и минусы

В интереснейшей статье А. Силджек с интонацией некоторого удивления отмечается, что ставка на «национализм» в историческом образовании, характерная для западной культуры XIX века, для России того же времени совершенно не характерна: в учебных программах и учебниках истории устойчиво отсутствуют понятия «народ» и «нация». Причину исследовательница видит в том, что российская автократия не склонна была заботиться о мобилизации общественной поддержки и к принципу «национального» относилась скорее опасливо: ведь, помимо идеи лояльности к власти, он включал в себя «непроговоренную, но подразумеваемую идею народного самовластия» (с. 113). Поэтому, считает автор статьи, русские историки и апеллировали так упорно не к нации как субъекту исторического творчества, а к более абстрактным – трансисторическим, транснациональным – моральным принципам: «русский человек поощрялся не к любви к культуре, языку или национальному контексту, но к исполнению гражданского долга». Последний интерпретировался как преданность династии, а народ столь же последовательно описывался как жертва исторического

процесса (рабства, войн, нашествий, иных напастей) – идея сознательного участия народа-суверена в формовании собственной судьбы в учебниках истории по сути была табуирована. Речь шла скорее и чаще об «амальгаме разрозненных сословий» (с. 133), которые только объединяющей царской волей удерживались от соскальзывания в хаос, смуту или на милость внешних врагов. Отсюда вывод, к которому приходит А. Силджек: «Отсутствие националистически ориентированных программ следует понимать как печальное следствие разрыва между государством и обществом, характерного для дореволюционной России», – «глубокого недоверия между автократическим государством и образованным сообществом» (с. 140).

Американский взгляд на дела давно минувшие так и хочется спроецировать – под знаком вопроса – на современную ситуацию, а именно, усилия нынешнего российского правительства сделать ставку на «националистически ориентированные программы». По наблюдениям Г.И. Зверевой, понятие национальной идентичности «используется российской властью с начала 2000-х годов в качестве мощного фактора политического управления, призванного консолидировать государство и общество» (с. 281); пересмотр содержания исторического образования предпринят под знаком прославления «ведущей исторической роли русского народа» и «идеи консолидации российского государства и общества вокруг новой государственной концепции национальной (отечественной) истории». От этих консолидирующих стратегий российская исследовательница ожидает, однако, не позитивного эффекта в виде активизации исторического творчества (то, что по-английски передается словом empowerment), а ровно противоположного – обездвижения, возрождения привычно-пассивных моделей и установок в социальном поведении. Было бы интересно в прямом диалоге выяснить соотношение этих противологик.

История, которую читают как роман

Очень ярко, едко-самокритично в отношении исторической профессии написана статья А.И. Кубышкина и И.А. Цветкова. Среди жертв, понесенных советской историей от господствовавшей идеологии, едва ли не важнейшей, с их точки зрения, оказалось «разрушение нарративной традиции, умения представить исторические знания в виде связного рассказа, с сюжетом, действующими лицами, раскрытием эмоциональной составляющей поведения исторических персонажей» (с. 191). С неумением и нежеланием советских историков писать интересно авторы статьи разбираются азартно и не без полемических перехлестов: чего стоит эпатирующее заявление о том, что двухтомник А.В. Бабина «История Соединенных Штатов Америки», изданный в 1912 году и, наверное, незаслуженно забытый, «на порядок превосходит все, что было опубликовано с тех пор на эту тему в России и СССР» (с. 191).

Из статьи явствует, что в коконе наукообразного педантизма советская история чувствовала себя так уютно, что выманить ее оттуда не смог даже всесильный И.В. Сталин: он-то хорошо сознавал, каким мощным «арсеналом воздействия на чувства и эмоции» располагает нарративная история и очень не прочь был этим арсеналом воспользоваться (в частности на благо «нового советского национализма»). Возможно, именно с этой целью он вернул из казахстанской ссылки академика Е. Тарле. Увы, даже «послабления, ... исходящие с вершин политического Олимпа», не смогли повлиять на историческую профессию, которая продолжала упорствовать в стерильной догматичности и «риторической беспомощности» (с. 206). Среди причин отсталости отечественного историописания авторы статьи упоминают, между прочим, «неумеренную приверженность... строгим канонам научной

методологии, в ее деидеологизированном понимании» и «методологический максимализм (в частности, обязательную опору на первоисточники, по возможности архивные)». Альтернативная ставка на литературность и эстетическую убедительность утверждается как очевидно и несомненно перспективная: «Учебный текст должен вызывать у читателя позитивные эмоции, увлекать и, возможно, даже восхищать» (с. 195).

Любопытно, что в статье Г.И. Зверевой укрепление позиций «занимательной дескриптивной истории» описывается как реально обозначившаяся в наши дни тенденция, однако – без одушевления, а скорее скептически: «Установка на единение “государства и народа” под общим именем “российская нация” требует создания простого повествования, разворачивания целостного исторического рассказа о “самих себе”» (с. 284), в идеале – простого позитивного рассказа, апеллирующего к чувствам, прежде всего патриотическим. Очевидно, что у «нарративизации» истории (которую можно назвать и «медиализацией», ведь увлекательное «плетение словес» в прошедшем времени с готовностью подхватывается медиа и с немалой выгодой тиражируется ими) есть плюсы и минусы, требующие аккуратного выяснения.

История, которую смотрят как кино

Предмет анализа в статье Д. Сидорова – американские учебники географии. Подход к ним нетривиален – как к «книжкам с картинками», что отчасти оправдано тем, что иллюстрации могут запоминаться «сами по себе» и даже лучше, чем текстовое повествование. Но все же хочется надеяться, что способ восприятия учебника иной, чем гламурного журнала, который пролистывается вскользь, оставляя в памяти собирательный образ-стереотип. Разумеется, ничто не мешает и учебник прочесть таким образом – каков же окажется результат? Выводы автора статьи в отношении американских учебников неутешительны. В идеале, считает Д. Сидоров, иллюстрации в учебнике географии должны репрезентировать «сущностные характеристики русской цивилизации» (с. 331) или «объединяющие («сущностные») ингредиенты страны» (с. 341), а выбор американских авторов свидетельствует о сознательной или бессознательной предвзятости. Не всегда, однако, эта претензия звучит убедительно – ведь и содержание «сущностных характеристик», и способ их считывания в визуальном образе крайне спорны.

Мне, например, неясно, почему храм Василия Блаженного на Красной площади заведомо не иллюстрирует ничего «сущностно» российского и его присутствие на страницах учебников свидетельствует исключительно о «тенденции к экзотификации» (с. 331). О той же тенденции, уверен автор статьи, говорит обилие фотообразов молодых девушек и/или бабушек: «ни одного изображения уверенного в себе, самодостаточного, одухотворенного мужского русского лица» (с. 333). Предположительно именно так «воображает себя сама Россия» – как на картинах «самого популярного современного русского художника Ильи Глазунова» (с. 334). Логика рассуждения приводит Д. Сидорова к любопытному выводу: похоже, что русская «сущностность» была вернее представлена в американских учебниках времен «холодной войны», где советские по происхождению фотографии улыбающихся колхозников (мужчин!) являли «центральный географический знак суверенной цивилизованности» (с. 341). Каким образом столь откровенно «эссенциалистская» логика сохранилась в рассуждениях доцента Калифорнийского университета – для меня загадка. Продолжить же начатый разговор – о взаимодействии именно визуального и вербального ряда в мультимедийном тексте – важно и в этом случае.

Медиализация исторического знания: cui bono?

Очень любопытна статья Б. Дессантс «Педагогика патриотизма», анализирующая «иронию судьбы» американского школьного «обществоведения» времен «холодной войны». Искренняя преданность многих учителей и ученых принципам ценностно-нейтрального образования (открытости дискуссий, представления «обеих сторон вопроса» и т.д.) не гарантировала, как получается, желаемой объективности, т.е. объективность присутствовала на уровне формы, а на уровне метода устойчиво присутствовало исповедание американизма как идеологии. Выводы к статье сформулированы в виде парадокса: «проповедуя, а подчас и воплощая в жизнь те педагогические стратегии, за которые они критиковали коммунистов, профессионалы образования способствовали укоренению ровно того, что стремились искоренять» (с. 180).

Авторы, обозревающие советскую ситуацию, тоже описывают странности «объективной тенденциозности» или «тенденциозной объективности»: в ряде статей сетования по поводу идеологического давления, уродовавшего советскую науку, соседствуют с констатациями ее (науки) преданности – может быть, даже излишней! – строго научной процедуре[4]. В целом складывается впечатление, что советский идеологизм с его прямолинейной, кондовой доктринальностью «избаловал» российских ученых: будучи груб и самоочевиден, он создавал иллюзию возможного «легкого» избавления. Между тем идеология, понятая как «воображаемое отношение к реальности» (Л. Альтюссер), живет не только в затвержденных официально тезисах и милицейски охраняемых общих местах. Тандем знания и власти хитрее и более вездесущ. Зато и «работнику умственного труда» открыт не только выбор между его обслуживанием и его отрицанием. Возможны более тонкие формы «остранения» идеологических конструктов, критического, рефлексивного дистанцирования от них, и в западной академической науке они – надо признать прямо – развиты и культивированы богаче, чем у нас.

В недавней книге на близкую с «нашей» тему «Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю?» ее авторы И.М. Савельева и А.В. Полетаев подытоживают обзор американских социологических данных, описывающих слой популярных представлений о национальном прошлом, такими словами: «Здесь мы сталкиваемся с относительно чистым примером формирования идеологического знания о прошлом на массовом уровне в демократической стране»[5]. «Идеологическое знание... на массовом уровне» носит неизбежно «гегемонистский» характер (это, кстати, вполне очевидно из представляемых в книге данных). Но тождественно ли это непременному оболванированию «демократической массы»? Как американист я склонна ответить на вопрос отрицательно. И думаю – в чем целиком согласна с И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым, – что стратегии и опыт работы американских учителей истории и медийщиков заслуживают нашего пристального внимания.

«Профессиональное историческое сообщество должно трудиться над производством не просто научного знания, но и массовой исторической памяти»[6]. В этой формулировке наиболее интригующим представляется крошечное дополнение «не просто», в котором ста-

[4] Т.В. Бузина предлагает говорить о «скрытой непредвзятости» советской истории литературы, что представляется загадочным: надо понимать, что советские литературоведы писали «непредвзято», но свойство это никак себя явно не обнаруживало? Впрочем, английский вариант названия статьи возвращает нас к понятию «объективности» – “effort at objectivity”.

[5] *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 419.

[6] Там же. С. 55.

вятся под вопрос традиционно бесспорное первенство и самодостаточность «научного знания». Это, однако, как мне кажется, не случайная оговорка, но симптом меняющегося расклада сил в культурном поле: на месте устойчиво уважаемого «знание – сила» утверждается другой принцип: «медиа – сила» или «the medium is the message». Диверсии в отношении «объективности», предпринимавшиеся на протяжении половины столетия теоретиками-постмодернистами, – игрушки, по сравнению со способностью средств массовой информации плодить и распространять виртуальную реальность. «Весомо, грубо, зримо» медиа демонстрируют нам, что история – не «то, что было», а то, что написано и показано. И что нет такой власти, которая могла бы запретить перезапись и перепоказ. И что в условиях, когда логика запрета бессильна (по крайней мере, ограниченно действенна), в действие вступает прагматическая логика состязания: кто успешнее опишет и покажет. «Софистическая» плоскость, в которую смещается таким образом разговор об истории, может нас не устраивать, смущать и даже вызывать возмущение, но именно здесь и прячется проблема – едва ли не главная! – для тех, кто учит, и тех, кто учится сегодня.

Ю.Н. Рогулев (кандидат исторических наук, профессор МГУ, директор Фонда изучения США имени Ф.Д. Рузвельта в МГУ):

С точки зрения моих профессиональных интересов мне были более близки те статьи сборника, которые затрагивают американистику, учебники, поскольку я участвовал в подготовке ряда монографий, которые упоминаются в этом издании, в частности четырехтомной истории США. Я имел отношение к написанию учебников по новейшей истории. Мы и сейчас готовимся к такой работе, думаем, как дополнить и развить учебник по новейшей истории. Написание учебника – дело сложное. Могу сразу ответить на некоторую критику, которая содержится в сборнике. Мы все прекрасно знаем, что в советский период были и хорошие, и плохие работы. Впрочем, как и сегодня. Что же касается учебников, всегда сталкиваешься с вопросом: как совместить лекционный курс и учебник? В какой степени они должны соответствовать друг другу? Что должно быть в учебнике? В последнее время учебники, действительно, превратились в некое подобие энциклопедии. Стремление авторов всунуть в учебник все основные факты неизбежно ведет к сокращению материала по отдельным проблемам. На этот аспект обращает внимание и один из американских авторов, Д. Стоун, рассматривая вопрос о представлении событий на Восточном фронте в американских учебниках. Эта же суперполиткорректность – не дай бог что-то забыть! – приводит к тому, что учебники стилистически становятся более формальными и сухими.

Какие общие выводы можно сделать по прочтении этой книги? Прежде всего, необходимо отметить, что стереотипы вещь живучая и у нас, и в США. Меняются они очень медленно, под влиянием серьезных поворотов истории обеих стран. Довольно часто стереотипы с успехом переживают их авторов, кочуя из одного издания в другое, из одной эпохи в другую. Возьмем типичный образ – варварской России. Д. Стоун обращает внимание на то, что в представлениях некоторых американских авторов даже подвиги российского народа в разные периоды истории носили варварский характер, были диковатыми с точки зрения рационального, трезво мыслящего западного деятеля. В то же время все мы понимаем, что и в СССР, и в нынешней России как политическому руководству, так и широким массам населения во многом не хватало здравого смысла.

Еще один вопрос, который возникает по прочтении этой работы, связан с тем, чему мы учим, кто учит и как учит, что

такое учебник и как его стоит воспринимать и рассматривать. Это ведь не только проблема идеологии. И. Долуцкий, ссылаясь на русских педагогов, настаивает, что учебник должен не столько учить предмету, сколько учить мыслить. Могу на это возразить: чтобы мыслить самостоятельно, нужно что-то знать. Чтобы что-то знать, нужно что-то выучить. Поэтому мы не можем противопоставлять знание и возможность самостоятельного мышления. Научить человека самостоятельно мыслить можно, только обучив его чему-то. В этом смысле учебник, безусловно, должен нести какие-то знания. В идеале, конечно, там должно быть и то и другое.

Я бы присоединился к тем, кто не стремится абсолютизировать разницу в американских и российских подходах. Она, конечно, останется. Интересен сам процесс изучения этих стереотипов, условий их формирования. Вряд ли мы можем достичь такого уровня, когда полностью исчезнут противоречия в наших представлениях друг о друге. В этой связи мне кажется, что этот сборник возвращает нас к постановке проблемы, которая уже поднималась в период «холодной войны». В свое время, в частности американистами нашей кафедры, много было сделано для того, чтобы наладить диалог между историками двух стран. Вышли четыре советско-американских и российско-американских тома. Они так и назывались: «Советско-американский диалог по истории США» и «Российско-американский диалог по истории США». Там отбирались центральные проблемы и рассматривались с точки зрения того, как их представляют себе отечественные американисты и американские. Авторы имели возможность читать работы друг друга, комментировать, давать ответ на критику. Я обращаюсь к В. Согрину и другим своим коллегам: может быть, подумать о продолжении такого рода диалогов, касающихся не только учебников и представлений друг о друге, но и важнейших проблем и периодов в истории обеих стран? В 1970-е годы, в период разрядки, впервые прошли встречи советских и американских историков, они были очень интересными. По итогам этих симпозиумов и возникла идея подготовки обзоров учебников в обеих странах. Ведь уже тогда было ясно, что историкам есть над чем вместе подумать, что обсудить. Может быть, представленный сборник в какой-то мере подтолкнет нас к тому, чтобы прийти к коллективным совместным проектам, конференциям и исследованиям, полезным и для студентов, и для профессионалов, которые занимаются изучением США.

О. Малинова (доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор МГИМО (У), президент Российской ассоциации политической науки):

В последние годы академическое сообщество проявляет серьезный интерес к изучению учебников. Интерес этот связан с исследованиями процесса конструирования идентичностей, «нациестроительства», формирования образов «Нас» и «Других», «политики памяти» и «политики прошлого», политической социализации и др. Книга, представленная сегодня нашему вниманию, может послужить хорошим введением в это проблемное поле, поскольку содержит обстоятельный обзор научной литературы, дает интересные отсылки, знакомит с различными подходами к изучению содержания учебников. Хочется надеяться, что у этой работы будут продолжатели.

Книга, несомненно, расширяет наши представления о взаимной репрезентации образов «Себя» и «Другого» – России и США – на значительном временном отрезке: включенные в нее статьи российских и американских исследователей анализируют материал с середины XIX века до начала XXI. К сожалению, они дают скорее разрозненную мозаику, нежели полную картину. Рабо-

те явно недостает обобщающего введения или заключения, которое связало бы воедино отдельные статьи, выявило особенности отдельных этапов, предложило обобщающий взгляд на динамику репрезентации образов России и США в меняющемся историческом контексте.

Проблема репрезентации образа «Другого» на страницах учебников имеет не только научное, но и общественное значение. Каким образом формируются и отбираются исторические нарративы, которые становятся элементами учебных программ? Какой должна быть история, авторитетно предлагаемая молодому поколению в школах и университетах? Меня поразила одна фраза из предисловия к книге, уточняющая, что «в период плюрализма» требование обязательности прочтения учебников смягчается наличием конкуренции между ними. В каком же периоде мы сейчас находимся? Означает ли нынешнее стремление властей «упорядочить» преподавание истории в школах и университетах, в очередной раз выработать «правильную» ее версию, подлежащую обязательному тиражированию, что «период плюрализма» у нас позади? К сожалению, поводов для оптимизма немного, но мне кажется, что в какой-то степени результат зависит и от позиции академического сообщества.

Важно понимать, что мера «плюрализма», проявляемого в научных и учебных текстах, принципиально различна. Ученый обязан искать и сомневаться; преподаватель должен донести для учеников некую сумму обязательных знаний. Написание учебника требует отбора и обобщения огромного материала, который в своей «академической» ипостаси отнюдь не выглядит однозначным. Очевидно, что академическое сообщество несет ответственность за результат этого отбора. Очевидно и то, что учебники истории – один из наиболее эффективных инструментов «политики памяти», играющей весьма значимую роль в формировании коллективных идентичностей. Плохо, когда отбор подлежащего усвоению производится под давлением политической конъюнктуры, еще хуже – когда это происходит в условиях ограничения конкуренции. Хочется надеяться, что «период плюрализма» не канет окончательно в Лету, и академическое сообщество не только сохранит свободу отбора, но и сумеет ответственно ею воспользоваться. В этом смысле мне кажется справедливой и вторая часть фразы, которая привлекла мое внимание, – о том, что конкурирующие между собой учебники «зачастую нагружены одними и теми же стереотипами». Этой действительно так, и проекты, подобные обсуждаемому нами, очень нужны именно для того, чтобы сделать очевидными такого рода стереотипы.

Н.Е. Покровский (доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии ГУ – ВШЭ, президент Сообщества профессиональных социологов):

Выход в свет этой книги – во всех отношениях и очень приятное, и весьма знаменательное событие. В самом деле, анализ двух «зеркал» (а именно, учебников по истории), обращенных друг к другу, заслуживает всяческих похвал. Ведь интересно знать, как тебя видят другие, как они трактуют историю твоей страны и твоего общества. В этом интересе к рефлексии заключается и немалая доля опасности, риска, ибо полученное изображение может вызвать неприятие со стороны изображаемого. Ведь не всем нравится собственное изображение в зеркале, и они предпочитают в это зеркало не заглядывать. А вот авторы книги как раз и не испугались этого синдрома. Они принялись анализировать рефлексии российской истории в зеркале американских учебников и наоборот.

Авторам удалось избежать того, что называется preconceived conception, т.е. некоего предварительного, доопытного

предубеждения. Ведь в нашей официозно-публицистической литературе распространен штамп, согласно которому американцы историю (всяческую, особенно европейскую и, в первую очередь, российскую) знают плохо, как-то «криво» и все это сполна закладывается им (американцам) на школьной скамье. В такого рода литературе так и сквозит невысказанная обида в отношении американцев, которые по определению «какие-то не такие». Подобные обиды на историческую несправедливость, на мой взгляд, более красноречиво говорят о тех, кто эти обиды вынашивает, чем о самих «обидчиках». По счастью, обсуждаемая книга свободна от комплексов обиды.

На мой взгляд, наибольший интерес вызывают те статьи российских американистов, которые рассматривают не американские, а наши собственные учебники американской истории.

Здесь, как мне кажется, следует сделать одно важное для меня заявление. Исходя из собственного жизненного опыта и как действующий социолог я возьму на себя риск сказать, что учебники не играют столь уж важной роли в формировании образа другой страны. Даже в далекие 1960-е годы, когда я был среднестатистическим московским школьником в хрущевском, а потом и брежневском Советском Союзе, образ Америки складывался вовсе не по учебникам Новой истории (как выясняется, их автором был известный американист А.В. Ефимов). Не складывался он и в результате массированной пропаганды, обрушивавшейся на школьника со всех сторон. Источником информации становились американские выставки 1960–1970-х годов, американские художественные фильмы, замечательная американская художественная литература (и журнал «Иностранная литература» при этом), даже телерепортажи Валентина Зорина, сквозь которые прорывалась реальная, прежде всего визуальная, информация, свидетельства очевидцев, побывавших в США. В этой иерархии источников информации учебники были чуть ли не на последнем месте, если они вообще входили в данную иерархию.

Я не собираюсь абсолютизировать свой личный опыт тех далеких лет. Разумеется, для нестоличных школьников многое было по-другому. Но в любом случае, учебник – это не книга жизни, не Библия. Скорее материал для внутришкольной отчетности – и учителей, и учащихся. Не более того. В современных условиях и в перспективе значение учебника и УМК (учебно-методического комплекса) будет еще больше снижаться и доходить до минимума. В мире, наполненном и переполненном всяческой информацией, место учебника занимают ИТ-технологии сбора и обработки информации, поисковые машины, on-line обучающие системы, информационные порталы и пр. В такой ситуации «обучать» и «научать» уже не приходится, преподавание сводится к руководству информационными потоками. Поэтому «открыть», «закрыть» или «исказить» информацию о другой стране становится просто невозможно. И учебники уходят в Лету, как ушли туда инкунабулы после распространения книгопечатания.

Еще об одном в связи с выходом книги. В ней есть статья А.И. Кубышкина и И.А. Цветкова о советской американистике 1960–1970-х годов, создававшей имидж США для читающей публики в СССР. На мой взгляд, авторы этой статьи справедливо указывают на вульгарный, пропагандистский характер многих вполне внешне респектабельных трудов по американской истории, выходивших из-под пера А.В. Ефимова, Н.Н. Яковлева и некоторых других авторов тех времен. Но вот на сегодняшней дискуссии мы слышим слова обиды и критики в адрес Кубышкина, который, мол, не учитывает фундаментальный и научный характер указанных и им подобных публикаций советского времени. Надо, мол, принимать во внимание условия той исторической эпохи,

не позволявшие другого формата, кроме идеологически лояльного. В связи с этим хочу сказать, что, действительно, наши суждения о прошлом должны быть контекстуальны. Но проблема советской американистики тех десятилетий состояла не в том, что она была помещена в жесткие рамки идеологии, а в том, что она выдвинула на первый план и обласкала именно тех ученых, которые по тем или иным причинам принесли объективность и научность в жертву идеологической сервильности. Притом делали это, что называется, в удовольствие, с энтузиазмом, с явным перебором, что вполне и сегодня видно, если почитать их тексты. Тем более что на этом фоне существовала и другая американистика. Она также не нарушала навязанных идеологических правил игры официального марксизма, но старалась их минимизировать, делать упор прежде всего на анализ источников и текстов, пыталась открыть Америку, а не закрыть ее для нас. В частности, я имею в виду социолога Ю.А. Замошкина и историков Н.Н. Болховитинова и М.Н. Захарову, которых лично очень хорошо знал. Поэтому, когда в конце 1960-х и в 1970-е годы, будучи студентом МГУ, я серьезно заинтересовался интеллектуальной историей США, то очень скоро разобрался в том, кто есть кто в этой дисциплине. Книги одних отечественных авторов пролистывал и просматривал по диагонали, книги других читал с карандашом в руках и с полным доверием к тексту.

Чем еще интересен этот сборник? Тем, что ставит вопрос о том, что существует история для профессиональных историков и история для масс, для широкого потребления. В последнем случае учебники играли в прошлом значимую роль – тут с авторами не поспоришь – и сохранят свою роль на протяжении какого-то времени. С этой точки зрения представленный сборник важен тем, что актуализирует вопрос конструирования виртуальной истории. Виртуальная история – мифологизированная история. И вот это соотношение между историей фактологической и историей виртуальной – вещь, бесспорно, интересная. Какая история сохранится, какая история будет действовать, какая история нужна? Нужна ли историческая правда? Кому она нужна? Узкому сообществу профессионалов, экспертов, историков? А широкому потребителю исторического знания и культуры как таковой – нужна ли? Эта тема возникает сама собой, когда читаешь статьи сборника. И здесь я хотел бы с меньшим оптимизмом сказать, что бог весть как все сложится. На мой взгляд, эта сфера виртуального сотворения культуры приобретает все больший вес. Особенно это было заметно в период, предшествовавший нынешнему кризису, когда чрезмерные доходы всех экономических систем в мире превышали разумные способы их использования. Тогда виртуальная сфера приобрела доминирующее значение, в том числе и в области истории. Но ведь история, если вспомнить фильм «Плутовство. Хвост виляет собакой», может быть сотворена из ничего. И вот эта виртуальная история представляет собой поле для совместных исследований социологов и историков. Потому что она имеет сугубо социологическую направленность, используется для определенных целей.

Вот такие неканонические мысли вызвала у меня эта книга и развернувшаяся сегодня дискуссия.

А в целом сборник удался потому, что он решил свою главную задачу: показать, как учебники участвовали в процессе сотворения собственной виртуальной истории и виртуальной истории внешнего мира посредством использования образа «Другого», что, бесспорно, оказывало влияние на взаимовосприятие русских и американцев в XIX и XX веках. Хотел бы надеяться, что следующая книга будет посвящена иным проблемам сотворения виртуальной истории и исторических мифов в контексте имагологии российско-американских отношений.

Е.Ю. Сергеев (доктор исторических наук, профессор, руководитель центра «Двадцатый век: социально-политические и экономические проблемы» ИВИ РАН):

Прежде всего, хочу выступить в защиту учебников, потому что я сам автор учебников для школ. И для 9, и для 11 классов. Я категорически не согласен с тем, что учебники умирают или уходят. Учебники нужны. Мы встречаемся с аудиторией преподавателей из провинции, ездим по городам, поскольку в наши задачи входит организация методических встреч для учителей. То, что озвучил Н.Е. Покровский, – это позиция московской интеллектуальной элиты. А в регионах России совершенно другая ситуация. И была в прошлом другая, и другой осталась в настоящем. Школьные учителя, которые приходят на наши встречи, – это особая социальная группа. С ними надо очень большую работу проводить, чтобы они на основе наших учебников могли доводить до умов детей новейшие достижения академической науки. Много было хорошего и в советских учебниках, нельзя все огульно отвергать. Много хорошего есть и в современных учебниках. Надо учитывать, что часы на всеобщую историю в школах сокращаются. У преподавателя очень мало времени остается. И учебник здесь вступает в свои права.

Учебники сохранят свою важную роль, но они должны быть качественно отличными от того, что было раньше: и в плане визуализации, и по информационному наполнению, и по использованию ресурсов Интернета.

Я хотел бы поздравить составителей и авторов этого чудесного сборника, но предложить им в дальнейших изданиях обратить внимание на школьного учителя, сравнить позиции американских и российских школьных и вузовских преподавателей, рассматривать не только учебники, но и учебно-методические комплексы, которые включают книгу для учителя и хрестоматию.

И.В. Морозова (доктор филологических наук, профессор кафедры сравнительной истории литератур РГГУ):

Позвольте выразить редакторам сборника искреннюю признательность за приглашение филологов к участию в этом проекте. Избранный ими имагологический дискурс позволил на деле осуществить принцип междисциплинарности гуманитарных исследований, о котором говорят много, но делается, к сожалению, пока недостаточно. Изучение взаимных репрезентаций – это один из векторов развития современной американистики. И хотя в сборнике представлено всего две статьи, касающиеся проблемы репрезентации литературы США в России, – А.А. Арустамовой «Американская тема в русской словесности XIX – начала XX века» и Т.В. Бузиной «От скрытой непредвзятости к попытке открытой всеохватности: американская литература на страницах советских и российских учебников» – они, тем не менее, поднимают целый ряд весьма актуальных проблем, связанных как с историей изучения образов Америки в художественном тексте, так и с историей развития отечественной литературоведческой мысли.

Конечно, в рамках отведенного объема публикации невозможно ответить на все вопросы, сопряженные с изучением образа и его функционированием в поле отечественной литературы и литературоведения, но материал статей можно расценивать как начало большого разговора, который осветил бы в дальнейшем целый ряд важных проблем, к числу которых относятся: механизм восприятия литературы США, изменение литературного канона, принципы отбора художественных текстов в издательской политике прошлого и настоящего, проблема читательской и литературоведческой рецепции (как, например, в случае Т. Майн Рида, когда английский писатель в сознании отечественных читателей воспринимается как аме-

риканский благодаря американской теме его творчества) и т.д.

В контексте сегодняшнего обсуждения стало ясно, что проблема содержания и методологической базы учебной литературы не только не утратила, но, напротив, приобрела особую значимость. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на статью Т.В. Бузиной. Поначалу у меня возникло чувство недоумения от того, как скудно представлена в ней наша литературоведческая американистика: на протяжении более чем полувека было создано немалое количество фундаментальных работ, исследующих различные аспекты становления, развития и современного состояния литературы США, которые не были указаны автором. Однако это недоумение разрешилось, когда я еще раз прочитала название статьи. Действительно, если говорить о крупных учебниках по американской литературе, то их, по сути, действительно, два: советский 1964 года и современный 2005 года издания. Говорит ли это о неспособности отечественных литературоведов-американистов создавать такое количество учебников, которое мы наблюдаем в историческом корпусе учебной литературы? Конечно, нет, и эта проблема – предмет особого разговора. Но в связи с этим хотелось бы солидаризоваться с высказанным здесь мнением Н.Е. Покровского: не лучше ли было бы перейти от традиционной формы учебника к созданию антологий по американскому образцу (пример – Нортоновская антология), по крайней мере в сфере учебных пособий по истории литературы?

В.И. Журавлева:

Сегодняшняя дискуссия показала, что начатый проект затрагивает целый комплекс вопросов, требующих дальнейшего развития. И за это мы с Иваном Ивановичем признательны всем выступавшим.

В завершение несколько слов о том, каким нам видится следующий тематический блок. Мы планируем подготовить сборник статей на тему «Russian/Soviet Studies в США и американистика в России: опыт взаимных репрезентаций», где объектом анализа станет академическое исследование другой страны, вписанное в контекст имагологии российско-американских отношений и представленное как поле конструирования национальной идентичности. Речь пойдет не только о саморефлексии российских американистов и американских русистов, но прежде всего о «двойной рефлексии», о восприятии американистами США эволюции американистики в России и восприятии российскими русистами развития Russian/Soviet Studies в США, об изучении заявленной проблемы в контексте истории науки по обе стороны Атлантики с учетом вызовов времени и идеологического заказа.

Мы надеемся на дальнейшее развитие того российско-американского научного диалога, который был начат на страницах обсуждаемого сборника и о необходимости продолжения которого говорили сегодня В.Л. Мальков и Ю.Н. Рогулев. В рамках нового проекта мы бы хотели попытаться представить коллективную автобиографию русистов в США и американистов в России и одновременно сделать ее объектом анализа, как исторического, так и филологического. Плодотворность последнего сегодня блестяще продемонстрировала Т.Д. Венедиктова. Мы планируем включить в сборник обобщающий историографический текст, посвященный изучению имагологии российско-американских отношений в России и США. На необходимость подобных обобщений сегодня указывали Э.Я. Баталов и О.Ю. Малинова.

Наконец, мы хотели бы обсудить на страницах будущего сборника и ответ на вопрос, который был поставлен в выступлении Э.Я. Баталова: «Кто учил?» Кто учил русистов в США и американистов в России, и каким образом это повлияло на развитие всего академичес-

кого направления и процесс взаимовосприятия? Как замечают в своей последней книге «Кривые зеркала» Д. Дэвис и Ю. Трени, образ России и Китая в репрезентациях американцев напрямую зависел от того, кто стоял у истоков изучения этих стран в Америке и какие традиции их позиционирования формировали программы подготовки будущих специалистов. Кстати, здесь же кроется и один из возможных ответов на вопрос, прозвучавший в выступлении В.В. Согрина: «Какие учебники попадают на стол студента и преподавателя?» И здесь же открывается возможность для дальнейшего изучения тех проблем сотворения виртуальной истории и исторических мифов в контексте имагологии российско-американских отношений, о которых упоминал Н.Е. Покровский.

Приглашаем всех к участию в продолжающемся проекте. Мы уже получили согласие от некоторых американских коллег, среди которых могу назвать имена Д. Энгермана, Н. Сола, Б. Дессантс. Мы надеемся на дальнейшую поддержку со стороны Института Кеннана и планируем провести в 2011 году на базе РГГУ представительный международный форум потенциальных членов авторского коллектива будущего сборника для предварительного обмена мнениями, на что уже получено согласие ректора РГГУ, члена-корреспондента РАН Е.И. Пивовара.

И.И. Курилла:

Новый проект мы планируем, как и нынешний, сделать междисциплинарным. Мне показался очень интересным комментарий Т.Д. Венедиктовой – возможно потому, что как филолог она посмотрела на сборник с неожиданной стороны и сумела увидеть в текстах наших авторов переклички и споры, которые остались скрытыми от нас. В следующем проекте обязательно будут участвовать не только историки, но и филологи, политологи, культурологи.

Злободневность этой идеи стала мне очевидна несколько дней назад, когда в одном американском университете я весь вечер слушал стихи русских поэтов – Пушкина, Тютчева, Ходасевича. Их читал – наизусть и по-русски! – декан факультета политических наук. Когда-то он защитил диссертацию по творчеству Пушкина, а потом несколько десятилетий проработал в Министерстве обороны США, занимаясь переговорами с СССР и Россией по вопросам разоружения. Сама биография этого человека – прекрасный пример того, какими путями развивалась американская русистика – и как трудоустраивались выпускники ее программ. В годы «холодной войны» в изучение Советского Союза в США были «влиты» огромные деньги – но «на выходе» чаще получались специалисты по Пушкину, чем по советской политической системе, обществу или ракетному комплексу. Напомню, что родители нынешнего президента Барака Обамы познакомились в 1959 году на занятиях по русскому языку. Вот еще один замечательный результат «оттепели» в советско-американских отношениях.

Сегодняшняя встреча показала необходимость дальнейшего обсуждения не только взаимных репрезентаций двух стран, но и состояния американистики в России, перспектив ее развития. Все выступавшие были неравнодушны, я бы даже сказал, пристрастны к опубликованным в сборнике статьям (несколько раз звучало слово «зацепило»), что говорит об актуальности состоявшегося разговора – и о его незавершенности. Уверен, что дискуссия была полезной, как бывает полезен свободный обмен мнениями, в отличие от всеобщего убаюкивающего согласия. Уверен также, что она продолжится.

Несвершившаяся история: американцы и русские вместе на Луне

Юрий Михайлович Батурин,
доктор юридических наук,
профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Former Kennan Institute Research Scholar

40 лет назад 20 июля 1969 года в полуночных новостях диктор московского телевидения зачитал короткое сообщение: «Сегодня в 23 часа 17 минут 43 секунды по московскому времени лунная кабина американского космического корабля “Аполлон-11” совершила успешную посадку на поверхность Луны в районе моря Спокойствия...»

В это время командир Нейл Армстронг и пилот лунного модуля Эдвин «Базз» Олдрин готовились к выходу. Пилот командного модуля Майкл Коллинз дожидался их на лунной орбите. В Москве было раннее утро 21 июля, когда Армстронг ступил на поверхность Луны. Тому знаменательному дню предшествовали интересные, но малоизвестные политические события.

20 января 1961 года в своей инаугурационной речи президент США Джон Ф. Кеннеди послал Советскому Союзу сигнал: «Будем вместе исследовать звезды...»[1] За этим стоял серьезный, продуманный документ: «В качестве первого шага к неограниченному сотрудничеству США и СССР могли бы выбрать высадку с научными целями небольшой группы (около трех человек) на Луну, а затем возвратить их на Землю...»[2] 13 февраля Кеннеди направляет уже лично Хрущеву телеграмму, в которой поздравляет его с запуском советской автоматической станции

[1] Цит. по: Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 годы) с историческим комментарием. М.: Издательский дом «Стратегия», 2001. С. 431.

[2] Там же. С. 146.

к Венере. И Хрущев через два дня отвечает ему, упомянув о предложениях, сделанных Кеннеди в инаугурационной речи.

Через два месяца в поздравительном послании, направленном Хрущеву в связи с первым в мире пилотируемым космическим полетом Ю.А. Гагарина, Кеннеди пишет: «Я искренне желаю, чтобы в своем продолжающемся познании космического пространства наши страны смогли работать вместе на благо всего человечества»[3].

Хрущев, хотя и скупо, но методично реагировал на сигналы Кеннеди[4]. В своем письме к нему 21 февраля 1962 года, в котором он поздравлял Соединенные Штаты с первым орбитальным полетом Джона Гленна[5], Хрущев предложил США объединить усилия в исследовании Вселенной. На следующий день Кеннеди позвонил Хрущеву и сказал, что дал указание своему правительству подготовить предложения по возможным совместным действиям. Предложения были сформулированы и направлены Хрущеву в письме Кеннеди 7 марта 1962 года. Речь в нем шла о сотрудничестве в пяти областях: метеорологические спутники, службы слежения, картирование магнитного поля земли, спутники связи и космическая медицина. Кеннеди, в частности, отмечал: «...Исследование космоса – деятельность широкая и разнообразная, и возможности для сотрудничества многообразны. Предлагая возможные первые шаги, я отнюдь не собираюсь ограничивать наше взаимное рассмотрение желательных направлений сотрудничества...»[6] Ответ Хрущева пришел через две недели. Он согласился с американскими предложениями и добавил свои.

Несмотря на возникавшую регулярно серьезную напряженность в отношениях, тема космического сотрудничества всегда присутствовала для Хрущева и Кеннеди. Даже во время июньской 1961 года встречи на высшем уровне в Вене, когда камнем преткновения стал статус Западного Берлина и оба лидера обменялись неприкрытыми угрозами, Кеннеди, только что утвердивший космическую программу, которая впоследствии трансформировалась в проект «Аполлон», предлагал Хрущеву сотрудничество![7] Даже во время Карибского кризиса в октябре 1962 года Кеннеди приказал всего лишь не предпринимать никаких действий в рамках двустороннего соглашения между СССР и США по космосу, подписанному в июне 1962 года в Женеве, пока не урегулирована ситуация вокруг Кубы, но не разорвал его![8] Тенденция к сотрудничеству двух держав в космосе выглядела вполне устойчивой.

В августе 1963 года Н.С. Хрущев поручил послу СССР в США А.Ф. Добрынину провести разговор с президентом Кеннеди и прислал ему специальное послание. 26 августа Кеннеди принял Добрынина в Белом доме. В числе вопросов, затронутых в послании Н.С. Хрущева, была и тема сотрудничества в космосе[9].

И уже в сентябре 1963 года администрация Кеннеди рассматривала идею превращение проекта «Аполлон» из ин-

---

[3] См.: *Караш Ю.* Тайны лунной гонки. СССР и США: сотрудничество в космосе. Москва: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С. 128–129.

[4] См.: *Батурин Ю.* Соперничество и сотрудничество в космосе // Вестник Института Кеннана в России. 2007. Вып. 12. С. 14–17.

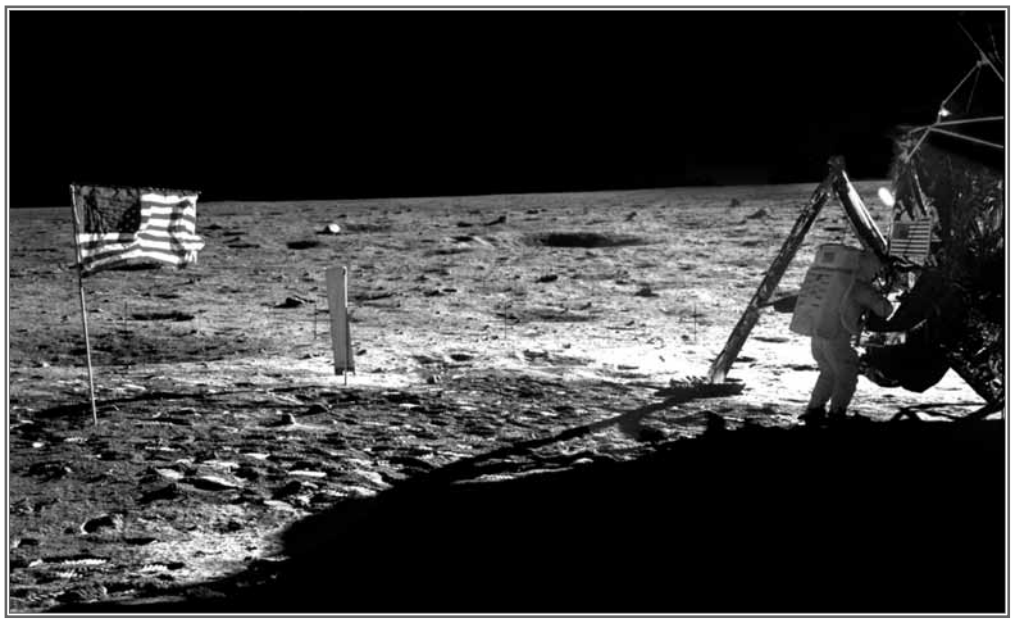
[5] Полет Джона Гленна состоялся 20 февраля 1962 года.

[6] Цит. по: Exploring the Unknown. Selected Documents in the History of the U.S. Civil Space Program. Vol. II: External Relationships / John M. Logsdon, Editor with Dwayne A. Day and Roger D. Launius. Washington D.C., NASA History Office, 1996 (далее ExUn-II). P. 147.

[7] См.: *Эйзенхауэр С.* Партнеры в космосе. Американо-российское сотрудничество после холодной войны. М.: Наука, 2006. С. 32.

[8] См.: *Батурин Ю.* Указ. соч. С. 16.

[9] См.: там же.



струмента соперничества в средство сотрудничества. Помощник президента США по национальной безопасности МакДжордж Банди (McGeorge Bundy) посоветовал Кеннеди предложить СССР техническое и политическое (!) сотрудничество в космосе[10].

20 сентября 1963 года, выступая на Генеральной ассамблее ООН, Кеннеди, без обиняков обратившись к идее совместной американо-советской экспедиции на Луну, сказал: «Почему первый полет человека на Луну должен быть делом межгосударственной конкуренции? Зачем нужно Соединенным Штатам и Советскому Союзу, готовя такие экспедиции, дублировать исследования, конструкторские усилия и расходы? Уверен, нам следует изучить, не могут ли ученые и астронавты наших двух стран – а по сути, всего мира – работать вместе в покорении космоса, послав однажды на Луну в этом десятилетии не представителей какого-то одного государства, но представителей всех наших стран»[11].

Предложение Кеннеди встретило неоднозначную реакцию в Соединенных Штатах и не нашло отклика в СССР. Но Кеннеди не удалось отговорить от его планов. 12 ноября 1963 года он поручил директору НАСА Джеймсу Уэббу «взять лично на себя инициативу и основную ответственность в рамках правительства за развитие самостоятельной программы космического сотрудничества с Советским Союзом». Эта программа, сказал Кеннеди, должна включить «предложения по совместной высадке на Луну»[12].

Спустя десять дней Кеннеди был убит. Менее чем через год был смещен Хрущев. О совместной программе полета на Луну больше никто не упоминал.

Высказаться о значении высадки человека на Луну я попросил легендарного разработчика космической техники, заместителя главного конструктора С.П. Королева, академика Российской академии наук Бориса Евсеевича Чертока. «В истории мировой космонавтики, – отметил Б.Е. Черток, – всего три

[10] См.: ExUn-II. P. 165.

[11] Цит. по: ExUn-II. P. 13.

[12] Цит. по: ExUn-II. P. 166.

“опорных” события: 4 октября 1957 года – запуск первого искусственного спутника Земли, огромный скачок, открывший космическую эру; 12 апреля 1961 года – полет человека в космос; и наконец, 20 июля 1969 года – человек впервые ступил на поверхность Луны».

СССР и США «поделили» главные события космонавтики со счетом 2:1. Но именно «поделили» в ходе острого соперничества. Если бы они «разделили» между собой в сотрудничестве хотя бы одно «опорное» событие, тогда создались бы совершенно новые условия, и не только линия развития мировой космонавтики, но и сам ход истории мог оказаться совсем иным. Этого не произошло. Почему? «В тот период истории у кормила власти в нашей стране не оказалось людей, способных трезво анализировать ход событий, проявить прозорливость и изменить официальный политический курс, не считаясь с установившимися догмами», – полагает Б.Е. Черток.

Но такой вывод справедлив и для американской стороны. После выступления Кеннеди в ООН в 1963 году Конгресс США внес поправку в закон о финансировании, которой вводился запрет использования каких-либо средств на «участие в экспедиции с посадкой на Луне, которая будет осуществляться в США совместно с любым другим государством без согласия Конгресса»[13].

Мощные силы внутри обеих стран выступили против сотрудничества в лунной пилотируемой программе, хотя условия для этого уже тогда вполне созрели. А что было бы, если бы эти силы тогда не победили? На такой вопрос, который проходит «по кафедре» альтернативной истории, обычно отвечают, что история не знает (не любит) сослагательного наклонения. Но можно взглянуть на ситуацию и в ином ракурсе.

Итак, американцы и русские не летели вместе к Луне, не высаживались на ней в едином экипаже, не ставили флаги своих стран рядом, хотя все это, как мы видим, отнюдь не являлось политической фантастикой. Однако в исторических драмах несвершившееся является действующим лицом.

Кто знает, может быть, именно это зарождавшееся, но так и не родившееся событие, ценой своего несвершения предотвратило ядерную войну, к которой обе страны были столь близки во время Берлинского и Карибского кризисов?

Кто знает, может, зародыш этого несостоявшегося события продолжает зреть и когда-нибудь совершенно неожиданно, на взгляд тех, кто не знает или не помнит о деталях тех событий полувековой давности, инициирует некий грандиозный (не обязательно космический) проект, который своими масштабами сделает пренебрежимо малыми неизбежные разногласия России и США?

Кто знает, может, История, потеряв двух так необходимых ей исполнителей своего Замысла, просто ждет и подыскивает им достойную парную замену?

Кто знает, может, История в своих вечных вариациях уже увидела в несвершенной совместной высадке на Луну неверную последовательность ходов и незаметно выстраивает новую цепочку вспомогательных событий, которая сделает несвершенное свершенным?

Ответы обязательно придут.

[13] Цит. по: *Эйзенхауэр С.* Указ. соч. С. 32.

Московская архитектурная сцена

Дмитрий Олегович Швидковский,
заслуженный деятель искусств РФ, доктор искусствоведения, профессор, ректор Московского архитектурного института, академик Российской академии архитектуры и строительных наук, академик Российской академии художеств, Former Kennan Institute Short Term Scholar

«Я видел прекрасные города... но Москва – это нечто сказочное... Я никогда не представлял себе, что на земле может существовать подобный город: все кругом пестреет зелеными, красными и золочеными куполами и шпилями. Перед этой массой золота в соединении с ярким голубым цветом неба бледнеет все, о чем я когда-либо мечтал», – писал Кнут Гамсун в книге «В сказочной стране», опубликованной им в начале 1900-х годов.

«Кремль, заключенный в огромную зубчатую стену, откуда сотни куполов выступают, точно шеи и клювы золотых птиц, тянущихся к свету, остается в моих глазах самой красивой из всех встречающихся в действительности феерий... Ясно, что люди привыкшие видеть так много причудливой и как бы сверхъестественной красоты, должны стремиться к тому, чтобы продолжить ее...» – писал Эмиль Верхарн, посетивший Москву в 1914 году в очерке «Московские воспоминания».

Эта прекрасная Москва начала XX столетия исчезла очень быстро, и на ее место встали иные образы города.

В двадцатые годы родилось сразу две Москвы. Одна – город перенаселенных, «уплотненных», буржуазных квартир, которые заполнили жители разоренной революцией провинции и деревни. Здесь возник «мир» нищеты и бытового неустройства, где керосинки приходилось ставить на бюро красного дерева, и чад готовившейся (если она была) пищи поднимался к висевшим над примусом портретам предков. Постепенно жизнь в «коммунальной квартире» превратилась в законченный тип москов-

Так выглядела Кудринская площадь 100 лет назад

ской бытовой культуры, а сама она – в архитектурный феномен, пример деградации жилого пространства, нечасто встречавшейся в мировой истории, разве что после захвата варварами античных городов. К счастью, эта Москва сегодня уже почти исчезла.

Существовала одновременно и другая архитектурная Москва, вписавшая не менее яркие страницы в историю зодчества, чем Афины эпохи Перикла или Виченца времени Палладио. Столица РСФСР стала общепризнанной столицей архитектуры авангарда. И сегодня, когда прославленные зарубежные зодчие приезжают в Москву, они в большей степени стремятся увидеть клубы и собственный дом Константина Мельникова, чем соборы и церкви Кремля. В наследии архитектуры московского авангарда и сегодня сохраняется залог будущего развития строительного искусства города. Особенно если нам удастся спасти хотя бы основные памятники 1920-х годов от уничтожения и перестроек, однако подобного печальная судьба того же дома Мельникова или знаменитого дома-коммуны Наркомфина Моисея Гинзбурга не обещает.

Следующее радикальное изменение образа Москвы, существенное для современного города, наступило в сталинское время, когда перемены приняли характер не авангардных экспериментов, а тотального преобразования столицы. История архитектуры этого времени оказывается еще более противоречивой, чем в предшествующий период первых послереволюционных десятилетий. Мы слишком много тогда потеряли: более четырех сотен церквей, многие монастыри – Страстной, Симонов, Новинский, тысячи особняков и почти все сады, за исключением крупнейших парков. Еще более значимым стало изменение масштаба городского пространства, особенно ярко отмеченное превращением Тверской в помпезную улицу Горького и уничтожением бульваров Садового кольца. Совершенно иным стал силуэт города, утратившего большинство вертикалей взорванных церквей и колоколен.

Однако сталинская архитектура Москвы была в то же время последним

А так она выглядит сейчас

великим взлетом классицизма в развитии мирового зодчества. Перед нею отступает американский федеральный стиль и более поздние «здания с колоннами» постмодернистов. Советский классицизм сохранил необычайную одаренность российской художественной культуры первой половины XX века, и лучшие произведения Ивана Жолтовского или Георгия Гольца столь же ярко передают свою эпоху, как и произведения авангардистов. Не менее важно и то, что, несмотря на идеологический диктат власти, архитекторы Москвы 1930–1950-х годов «держали» высоко «планку» профессионализма. Генеральный план города 1935 года заложил рациональную основу столичной Москвы и долго, практически до конца советской эпохи, несмотря на создававшиеся новые планы, оставался основой пространственной структуры города XX века.

Страшный удар по художественному своеобразию Москвы был нанесен хрущевской «оттепелью». Исторический город утонул в панельных новостройках, занявших многократно большую площадь, чем Москва начала XX столетия. В социальном смысле индустриальное домостроение сыграло положительную роль, преодолев ужас «коммуналок». При существовавшей в 1960-х годах концентрации населения в Москве вряд ли был выход более быстрый и дешевый. На этом фоне невероятно возрастала роль исторического центра, но еще острее вставал вопрос, как он должен измениться с приближением коммунизма, наступление которого было обещано Хрущевым в ближайшие десятилетия.

При такой нацеленности в будущее памятники прошлого не могла ждать оптимистическая судьба. Новое в исторической Москве должно было стать прообразом грядущих победоносных перемен. И Кремль вновь подвергся варварскому вмешательству при появлении Дворца Съездов. Зарядье, один из старейших районов города, был раздавлен «крупнейшей в мире» гостиницей «Россия». Лучшую часть арбатских переулков смел проспект Калинина.

Не менее опасной оказалась и номенклатурная перестройка центра города, которая не афишировалась, но заползла-

Арбатская площадь 50 лет назад

ла едва ли не во все самые уютные уголки Москвы. Это началось в тех же старинных переулках, сперва скромно – с малоэтажных и почти неприметных зданий. С развитием брежневского режима элитные дома из светлого кирпича превратились в «башни» и стали быстро увеличиваться в числе. По своему характеру, замкнутому и непреступному, эти здания явили собой прямую противоположность обжитых обитателями коммуналок «арбатских дворов», миф о которых создала московская поэзия Булата Окуджавы.

Столица СССР подошла к моменту распада советской империи огромным, в основном новым, за счет дальних районов, городом с все еще неплохо сохранившимся историческом центром. К этому присоединились архитектурные памятники XX столетия: постройки модерна, советского авангарда и сталинского классицизма – зримые воспоминания самого победоносного и гибельного века российской истории. Соединение градостроительных структур и построек древних эпох в пространстве, рожденном советской жизнью, и наиболее ярких зданий XX века создало новое своеобразие Москвы, неповторимое и впечатляющее, хотя временами – пугающее однообразием «пятиэтажек».

Говоря о том, что произошло за последнее десятилетие XX века, прежде всего нужно сказать: архитектура Москвы ушла из поистине оруэловского «мира», страшного своей навязчивой и неряшливой одинаковостью и, как казалось, безнадежной постоянностью. Типовые здания, что навалились на российские города и окружающий их пейзаж в послесталинскую эпоху, создавали его худшие зримые черты, от которых нелегко было защитить себя. Это было особенно разительно в ситуации, когда среди архитекторов оказывалось немало не до конца задавленных режимом талантливых людей. К тому же еще оставались живы те, кто участвовал в создании авангарда двадцатых годов или учился у его мастеров. Не была изжита в архитектурном сознании и рафинированность ордерных построений сталин-

Арбатская площадь. Современный вид

ского ампира, «отмененная» во время борьбы с «украшательством» конца 1950-х и 1960-х годов. Все это вместе составляло острейшее противоречие зодчества последних советских лет: разрыв между унылой строительной практикой и творческими возможностями архитекторов.

Последнее десятилетие XX века стало временем концентрированных, сжатых в путаный и опасный комок перемен. Архитектуре, точно отражавшей «настроение» истории, пришлось меняться в России с необычной стремительностью.

Все сразу стало по-другому. Градостроительство как часть архитектурного проектирования, как создание новых городских пространств или радикальное переустройство старых, которое было гордостью советской эпохи, практически исчезло. Город предстал прежде всего как экономический механизм, живущий по законам рынка, пусть даже совершенно пока нецивилизованного. По инерции там, куда стекались деньги и люди, еще продолжали строить крупнопанельные жилые дома и даже целые районы, но делалось это уже по другим, несоветским причинам. Однако это постсоветское строительство стало просто рутиной, отнюдь не делающей погоду в архитектурной специальности и вышедшей из зоны основных профессиональных интересов. В советское время именно градостроители строили «новый мир». Теперь «новый мир» стал возводить себя сам.

Сразу после начала перестройки облик городов, и в первую очередь Москвы, радикально изменился. На улицах появилась продающая и покупающая толпа. Чуть ли не мгновенно городское пространство стало более человеческим. Затем появление множества магазинов, ресторанов, кафе самых различных типов вернуло торговлю в число ведущих архитектурных жанров. В зодчество вошла коммерческая привлекательность, своего рода рекламность, когда прозападный облик, сверкание помытых витрин, хромированной стали и свежих красок стали обязательным признаком процветающих предприятий. Однако

торговые сооружения не сделались лидерами новой архитектуры, быстро уступив первенство постройкам других типов. В середине 1990-х годов наступила очередь офисов, банков и резиденций крупных корпораций. Причем показательно, что особенно много тратить на архитектуру оказались готовы те из них, что были более тесно связаны с государством, вроде Газпрома или Сбербанка. В постройках, создававшихся для таких заказчиков, архитекторы смело устремились к американским прообразам: более или менее высоким небоскребам, вестибюлям и атриумам, пронизывающим как можно больше этажей; сочетанию тонированного стекла, металла и естественного камня. В стилистическом отношении это выразилось в соединении сдержанного хай-тэка и недосказанного, в силу консерватизма заказчиков, постмодернизма.

Поскольку федеральная власть мало что строила в первые годы после распада СССР, выражение идеологии в формах зодчества в течение последнего десятилетия выпадало на долю муниципалитетов, по крайней мере тех, которые располагали достаточными финансовыми средствами. Идеология заявляла о себе в ельцинское время в «архитектуре мэров и губернаторов». Именно представителям сильной местной власти удалось отмежеваться от наследия советского зодчества. Для этого им был наиболее выгоден официальный историзм, от его наиболее радикальных проявлений – восстановления в прежнем виде взорванных большевиками святынь – до более скромных попыток – найти такие знаки архитектурного языка, которые бы свидетельствовали о местном своеобразии. Так возникли московский, нижегородский, казанский и другие подобные «стили» последних лет XX века. Нужно сказать, что с точки зрения ухода от советской эпохи такие попытки принадлежали к числу наиболее отчетливых. Интересно, что в подобных сооружениях, вне зависимости от того, возводился ли заново собор или строился торговый центр, исторические образы и цитаты непременно соединяли с технологическими новшествами. Все-таки власти всегда хотелось показать, что, возрождая славное прошлое России, она смотрит в западно-рыночное будущее. В постсоветском обществе, привыкшем за восемьдесят лет прежнего режима к всеобщей идеологизации, было неизбежно возникновение системы лозунгов, которые пришли бы на смену прежним. Это в полной мере касается и облика Москвы последних лет. Более того, кажется, что именно здесь, еще не вполне высказанная политиками идеология новой России проявлялась более откровенно.

Самая чуткая с точки зрения идеологического смысла часть пространства Москвы – полукольцо площадей, охватывающее Кремль, Красную площадь и Китай-город, древнейшие районы города. Соборы, стены и башни Кремля, постройки на Красной площади исстари служат символами Российского государства. Для русских это не только древности, но и святыни, выражение как истории, так и «души» народа. Такая точка зрения возникла еще в Средние века и развивалась с тех пор. В XIX столетии в этой части Москвы возникла традиция говорящей архитектуры. Вблизи Кремля московская архитектура «говорит» уже на протяжении нескольких веков с помощью одного и того же приема – установления диалога или сопоставления между новой архитектурой и постройками Кремля как символического выражения древности. Так было в XVI столетии при Иване Грозном, когда строился собор Василия Блаженного на Красной площади в качестве памятника побед этого царя. Так было и после окончания наполеоновских войн, когда классицистические постройки сожженного и восстановленного центра Москвы стали триумфальной рамой Кремля – символа извечного существования России. После распада советской империи тема преемственности

русской истории вновь стала основной в идеологической концепции центра Москвы. Это немедленно сказалось в архитектурной практике.

Конец советской эпохи, как всякий рубеж огромного исторического масштаба, оставил архитекторам и всем тем, кто должен был определить дальнейшее развитие Москвы, больше вопросов, чем ответов. Сможет ли столица новой России приобрести облик западного города? Не лучше ли попытаться найти свой архитектурный путь? И едва ли не главная проблема – помогут или помешают этому подлинные следы восьми веков, которые прожила Москва?

«Кто не восплачется и не возрыдает и теплых слез источники не излиет... о велицем сем царствующем граде, иже прежде бысть... непобедим и прекрасен и всем прелюбезен воочию зрящим его... сей град Москва, паче же реку Новый Рим...» – восклицал в начале XVII века Авраамий Палицын, келарь Троице-Сергиевой лавры в своем «Сказании вкратце о разорении царствующего града Москвы». Текст оказывается с архитектурной точки зрения очень современным.

В последние годы возгорелась с большей, чем прежде, силой дискуссия о судьбе исторического наследия Москвы и о допустимых пределах обновления города. Были высказаны с резкостью позиции тех, кто хотел бы сохранить все или почти все памятники зодчества, имеющие и не имеющие официальный статус, но важные для образа города. Не промолчали и те, кто настаивает на их «реконструкции». Последняя оказывается обычно или строительством старых зданий заново, или заменой их на современные комплексы.

Увы, на мой взгляд, эта дискуссия не имела под собой практического смысла. Исторической Москвы как художественного градостроительного единства сегодня уже нет. Есть отдельные, пусть иногда тщательно отделанные, памятники, прошедшие через процесс, который именуется в наши дни реставрацией. Облик же древней столицы России за последнее десятилетие стал совершенно иным. Мне представляется, что это было неизбежно, и кардинально изменить уже ничего нельзя. Конечно, остаются вопросы о мере внедрения нового, об отношении к прошлому, о степени профессиональности осуществляемых в Москве архитектурных решений.

Правда, вопрос об историческом образе Москвы – не есть лишь профессиональная проблема зодчих. Они могут только предложить способы реализации принципиальных решений, принятых либо политиками, либо всем обществом в целом. Речь не идет о социологических опросах и референдумах. Их можно проводить по конкретным поводам. Выработка же отношения к истории страны и столицы не может осуществляться подобными способами. Она требует много более сложного и обязательно долгого пути формирования нового понимания наследия предшествовавших поколений, его роли в национальной культуре. Только после этого может быть сформирован современный художественный образ древней столицы России.

Чем же для нас стал исторический центр Москвы и его архитектурные памятники после распада СССР и краха коммунистической идеологии?

До этого, в советское время, старая Москва имела в идеологическом смысле неопределенный статус. В коммунистическое будущее она вписывалась с трудом, слишком много в ней было заключено воспоминаний и символов истории царской и императорской эпох. Практические потребности советской идеологии, тем не менее, требовали наглядных свидетельств вековой устойчивости государства и средств воспитания патриотизма. Кроме того – доказательств высокого уровня культуры, причем таких, чтобы они, несомненно, признавались бы во всем мире. Московские архитектурные памятники с их яркой вы-

Большой Афанасьевский переулок 100 лет назад

разительностью и связью с основными событиями российской истории удовлетворяли этим критериям. Однако для большинства москвичей город был не государственным, идеологизированным пространством, а местом обыденной жизни, неистребимой привычкой, вызывающей к нему не просто любовь, а даже какое-то религиозное чувство привязанности.

«Ах, Арбат, мой Арбат,
ты – мое призвание,
Ты – и радость моя, и моя беда.
...
Ах, Арбат, мой Арбат,
ты – моя религия...» – писал Булат Окуджава в стихотворении «Песенка об Арбате».

Как только исчезла советская власть и ее политическая машина, утратилось и значение зданий, призванных увековечить ее славу. Образовался вакуум в представлениях о ценностях города. Сохранившиеся подлинные памятники древности остались на своих местах и продолжали выполнять свою историческую роль. Они не приняли на себя смысла новых символов города и государства. Статус Кремля, например, практически не изменился в глазах общества.

Авангардом новой архитектурной идеологии города сразу же после распада СССР стали уничтоженные коммунистами сооружения прошлого, обладавшие в императорское время значительной смысловой ценностью. Идеологический вакуум в столице стал наполняться «новым» прошлым, «сверхсовременной древностью» – реконструкциями исторических московских зданий в натуральную величину.

Началось это скромно – с небольшой церкви Казанской иконы Богоматери в углу Красной площади. Восстановление расположенных рядом с ней Иверских ворот Китай-города и часовни при них (в прежние века одной из самых почитаемых в Москве в силу обладания чудотворной Иверской иконой Богоматери) привлекло уже много большее внимание.

Большой Афанасьевский переулок. Современный вид

Тут произошло «столкновение интересов» древних и советских воспоминаний. Иверские ворота нарушили привычный проезд бронетехники и ракетных комплексов во время парадов на Красной площади. Сначала это вызывало ностальгию по ушедшей военной мощи, но в конце концов смирились на том, что так подчеркивается наше миролюбие. После того как была застроена Манежная площадь, где в коммунистические годы танки и прочая техника накапливалась перед парадом, вопрос и вовсе отпал.

Возведение заново храма Христа Спасителя стало кульминацией нового историзма в современном преобразовании Москвы. И сегодня остается немало противников этого гигантского предприятия. Однако представьте себе, что на том же месте возвели бы торговый центр или элитный жилой комплекс, что непременно бы случилось, если бы не появился храм. Бассейн удержаться здесь, на столь ценной земле в центре столицы, никак не мог. Кроме того, интерьер храма, на мой взгляд, удался. Ансамбль росписей, хотя все художники и стремились к воссозданию того, что было, тем не менее, получился лучше, чем до революции, – более цельным. Законченный к двухтысячелетию Рождества Христова, которому посвящен собор, он стал одним из самых ярких памятников в мире, отметивших смену тысячелетий.

Храм, возникнув среди современной Москвы, проявил себя с еще одной неожиданной стороны. Его грандиозный силуэт, высоко поставленный купол оказались способными мобилизовать то, что осталось в городе от пространства XIX столетия. Улицы, переулки, мосты вновь получили ориентир, к которому они когда-то были направлены, что возродило их смысл в городской структуре. Даже если идти по Бородинскому мосту, неожиданно, сбоку, из-за сталинского небоскреба Министерства иностранных дел на Смоленской площади появляется огромный золоченый купол. Становится ясно, что мост, кстати, посвященный, как и собор, победе в войне с Наполеоном, был ориентирован не на

Знаменитый дом К. Мельникова в Кривоарбатском переулке

небоскреб, не существовавший при его строительстве, а на далекий купол храма, на стенах которого были начертаны имена российских офицеров, погибших в наполеоновских войнах.

Новый историзм потерял в Москве свою силу по завершении храма Христа Спасителя. Наверное, прежде всего вследствие своей дороговизны, но и не только по этой причине. Если представить себе, что строительство вновь уничтоженных в прежние, особенно в советские, времена зданий продолжилось бы, то «идея города» стала бы подчеркнуто ретроспективной. Это явно не соответствовало намерениям ни государственной, ни муниципальной власти.

Архитектурная деятельность различных ветвей новой власти началась со стремления создать в центре Москвы художественную среду, насыщенную символами досоветской, императорской России. Однако мне не кажется, что это связано с возрождением неоимперской идеологии. Скорее многочисленные политические жесты, для которых используется архитектура и скульптура, делались для отречения от советского наследия, а не для возвращения к ценностям XIX века. Скорее установка грандиозного памятника первому императору, восстановление церемониальных залов императорского дворца, создание в историческом духе парадных интерьеров дворца президента в Кремле отвечали возобладавшей идее установления твердой власти государства.

На смену желанию восстановить утраченные символы прошлого в конце 1990-х годов пришло представление о Москве как о городе европейской цивилизации, современном западном мегаполисе, рожденном новой Россией. Во многом это происходило само собой. Сотни тысяч новых автомобилей, большую часть из которых составили подержанные иномарки, потребовали немедленного преобразования дорожной сети. Реконструкция МКАД, создание на ней современных развязок с главными маги-

стралями, строительство «третьего кольца» – все это «сдвинуло» образ Москвы в сторону непременных черт современного западного урбанистического центра, хотя до окончательного решения транспортных проблем дело не дошло.

Торговля вырвалась из немногочисленных и убогих советских магазинов в пространство города. Еще в годы перестройки она неорганизованной массой «залила» тротуары улиц и площадей. Затем Москву заполнили десятки тысяч торговых киосков. Большинство из них быстро исчезли, но они активно влияли на облик столицы, пока их не вытеснили вещевые и продовольственные рынки. Наконец, почти европейские магазины заняли все старые советские торговые площади и стали требовать новых и новых пространств. Великое множество роскошных модных «бутиков», в которых нечасто можно встретить большое число покупателей, кажутся скорее символами «западной жизни», чем реальными коммерческими предприятиями. Тем не менее блеск их витрин, внушительность интерьеров и роскошь рекламы играют заметную роль в придании столице черт западного благополучия.

Российская архитектура встала перед выбором: или историзм, или вполне определенная, основанная на интернациональной архитектурной моде, современность. Постепенно западные стандарты побеждают. Однако необычным остается более высокая, по сравнению с другими странами, роль заказчика. Бывшим «советским людям» присуще отвращение к бытовой обыденности и неизбывной одинаковости, родившееся как протест против жизненной среды советской эпохи. Страсть к индивидуальности всего того, что тебя окружает, стремление поразить необычностью устроенного по твоему желанию или прихоти «частного мира» во многом, если не целиком, определяет развитие архитектуры самых последних лет. И первостепенную роль в этом процессе играют произведения, созданные для частного заказчика, – особняки и квартиры, которые, невзирая на экономическую конъюнктуру, возводятся заново и перестраиваются постоянно и повсеместно, концентрируясь, естественно, в Москве и вокруг нее.

Новая архитектура частного человека как бы прорастает изнутри, возникая под оболочкой построенных ранее зданий: доходных домов начала века, сталинского жилья относительно более высокого стандарта и даже в весьма неблагоприятных условиях типовых панельных корпусов. Именно в искусстве частного интерьера идет настойчивый поиск стиля, выразительных возможностей материалов, необычных свойств создаваемых пространств, попытки создания контрастных сочетаний старого и нового в их разнообразных ипостасях.

Быстрый расцвет жилого интерьера – одно из самых определенных свидетельств утверждения новой жизни, с иными вкусами, приоритетами и возможностями. Это прежде всего социальное явление, принявшее художественную форму. На протяжении всего последнего десятилетия зодчие развивались сами, приобретая новые навыки, совершенно отличные от того, чему их учили, но этот процесс они переживали вместе с заказчиками, самосознание которых менялось с не меньшей стремительностью. Главным все же было выражение независимости от общества, возможности создавать свое окружение таким, как ты хочешь. Причем это оказывалось одинаково существенным и для заказчика, и для архитектора.

Основные архитектурные усилия в последние годы были сконцентрированы на создании элитного жилья и строительстве банковских зданий. Несмотря на различные функции в стилистическом отношении эти здания облачаются в «одежды» почти одного и того же характера. Здесь присутствует интернациональный стиль «стекла и металла», неомодернизм, хай-тек. Для конторских и жилых построек меньшего масштаба в моду вошли неоклассицизм и неомодерн, апеллирующие к московской архи-

тектуре начала XX века или советскому ампиру, но очень редко приближающиеся к художественному уровню своих прообразов. Однако и это потеряло особую важность.

В первые годы третьего тысячелетия стиль и декор новых сооружений в Москве перестали замечаться. Оказалось, в общем-то все равно, какому из перечисленных направлений отдать предпочтение. Тем более что плоские фасады, не важно – с колоннами или покрытые стеклом, скрывают за собой очень похожие строительные технологии со стальным каркасом и стенами, составленными из многослойных материалов, и почти однотипные пространства.

Новая архитектура Москвы мало кого удивляет сегодня своими собственными качествами. Она поражает другим – контрастным соотношением с историческим наследием города. С удивительной быстротой исчезают старые здания по всему историческому центру столицы.

Идешь по переулку – вроде бы здесь стоял какой-то двух- или трехэтажный дом XIX века, а теперь остался только пустырь, обнесенный металлической сеткой. Еще несколько месяцев – и тут уже вовсю идет стройка, быстро заканчивается, и вот фасад сияет помытыми стеклами, свежей краской, пышным мраморным парадным. Вскоре то же самое повторяется в другом конце переулка, потом посередине, еще и еще. Целые кварталы в историческом центре города стремительно переживают подобные превращения.

Правда, выдающиеся памятники старины реставрируют, и все большее их число начинает выглядеть «с иголочки». Очень часто сразу после реставрации они воспринимаются «ужасно» новыми, а нередко совершаются страшные ошибки, как в Царицыно, где «новодел» убил подлинное впечатление от выдающихся памятников. Постепенно они потускнеют и станут смотреться благороднее, московская погода и экология быстро вернут «приведенным в порядок» постройкам патину старины. Однако при этом все чаще забывают об окружении знаменитых сооружений прошлого, о рядовой застройке, создававшей необходимый фон для восприятия прославленных зданий. Даже в советское время много говорили об «охранных зонах» памятников. В генеральном плане Москвы 1970-х годов в центре был выделен целый ряд крупных районов, начиная с арбатских переулков, наименованных «заповедными зонами», где историческая ткань города должна была сохраняться полностью. Эти идеи, по крайней мере на практике, ушли в прошлое.

Что же нам делать? Принимать город, в котором мы живем, таким, как он есть и будет, просто существовать в нем, спокойно отмечая не зависящие от нас, но постоянные перемены? Или сражаться за каждый старинный дом и всякий раз в этой борьбе терпеть поражение?

В идеале необходима не техническая концепция города, не только схема, рассчитанная на те или иные транспортные потоки, на потребность в жилье и необходимость решения инженерных и других бесчисленных проблем Москвы.

Нужна настоящая художественная концепция столицы. Пусть даже утопическая, пусть это будет мечта (осуществимая или нет – покажет будущее), но концепция, в которой Москва будет считаться тем, чем она есть и должна быть, – цельным выдающимся памятником архитектуры и градостроительства как высоких искусств.

В начале XX века, всего лишь сто лет назад, город был, несомненно, одним из красивейших в мире. Он был цельным, единым памятником российского и мирового искусства. В первое десятилетие XXI столетия мы должны создать хотя бы художественную утопию прекрасной Москвы. И пусть даже в такой теоретической модели удастся найти гармоничное соотношение прошлого и настоящего, добиться, чтобы старина осталась с нами, а новое – наступало в обход наиболее ценных исторических районов, которые взяли бы на себя роль неприступных мест, без которых не выжить московской культуре.

Национальное государство, иммиграция и культурный плюрализм

Современное государство понимает себя как национальное государство. Это означает, что его население воспринимается как нация, т.е. некая культурная целостность. Между тем на деле оно, как правило, состоит из множества групп, отличных друг от друга в языковом, этническом, религиозном или жизненно-стилевом отношении. Налицо коллизия: с одной стороны, функционально-структурный императив культурной однородности, которому следует любое современное государство; с другой – реальная культурная неоднородность. Включить в мировой контекст российские и, шире, постсоветские дискуссии о том, как организовать общежитие в условиях плюрализации социального пространства, – в этом видели свою главную задачу организаторы международной научно-практической конференции «Национальное государство, иммиграция и культурный плюрализм», которая состоялась 18–19 сентября 2009 года в Институте философии (ИФ) РАН.

На церемонии открытия с приветствиями к участникам конференции обратились директор ИФ РАН академик А. Гусейнов, руководитель московского филиала Фонда им. Фридриха Эберта Р. Крумм, директор Института этнологии и антропологии РАН академик В. Тишков, а также директор Евразийской сети политических исследований В. Меркушев.

Как отметил в кратком вступительном докладе директор Центра изучения проблем гражданства и идентичности, ведущий научный сотрудник ИФ РАН *В. Малахов*, в России публичные дебаты на тему культурного плюрализма практически отсутствуют. Ни элиты, ни общество, похоже, не готовы к признанию того, что Россия уже является иммиграционной страной. Значительная доля тех, кого считают «гостевыми рабочими», здесь не в гостях. Они намерены жить в России постоянно. Это значит, что давно назрела необходимость разработки систематических мер по включению новоприбывших в российскую гражданскую нацию. Однако сегодня голоса тех ученых и политиков, которые ставят этот вопрос, тонут в хоре «государственников», озабоченных проблемой этнокультурной безопасности.

Докладчик обратил внимание на новизну подхода устроителей конференции. Традиционно проблематика «национальное государство/культурный плюрализм» рассматривается в двух плоскостях. Первая касается культурного плюрализма, связанного с исторической неоднородностью населения. Вторая – культурного плюрализма, обусловленного иммиграцией. Пора отказаться от этой традиции, хотя бы потому, что на протяжении XX века политическая карта Европы перекраивалась трижды – в 1918, 1945 и 1991 годах. В результате этих перекроек люди в одночасье превращались из «коренных жителей» той или иной страны в «национальное меньшинство» и в «мигрантов». Таким образом, культурная неоднородность населения современных «национальных государств» – факт, требующий изучения и осмысления, неза-

висимо от того, каково происхождение этого факта.

Первая сессия – «Культурное разнообразие как вызов национальному государству: определяя концептуальные рамки» – началась с совместной презентации *К.-У. Ширупа* и *А. Алунд*, профессоров Университета Линчепинг (Швеция), «От парадоксов мультикультурализма к парадоксам либерализма: в Швеции и за ее пределами». По мнению авторов презентации, в настоящее время мы являемся свидетелями кризиса «государства всеобщего благосостояния» (welfare state) и его вытеснения новой моделью – workfare state (государство работников). Но в той мере, в какой занятость этих работников основана на краткосрочных контрактах (а значит, работники не объединены в профсоюзы и не обладают какими-либо ресурсами отстаивания собственных прав), речь идет о специфическом способе взаимоотношений между (государственной) властью и (гражданским) обществом. В результате возникает двойной кризис – кризис гражданства и кризис нации. Из гражданства вынимается его важнейший элемент – социальные права. Нация более не может быть пережита как кроссклассовое единство (как культурное целое, существующее вопреки классовым делениям).

Наслаиваясь на этот фон, иммиграционные процессы и связанные с ними проблемы начинают восприниматься как исключительно культурно (а не социально) детерминированные. И если в начале 1990-х годов К.-У. Шируп и А. Алунд вели речь о «парадоксах мультикультурализма» (см. их одноименную книгу), то опыт последних лет заставляет поставить вопрос о парадоксах либерализма. Корень проблем, с которыми сталкиваются сегодня страны индустриально развитого мира, – современный либерализм, принявший облик неолиберализма (т.е. идеологии, оправдывающей уход государства от социальной ответственности).

Научный руководитель московского офиса Института Кеннана *Э. Паин* посвятил свой доклад в основном нормативным аспектам существования национальных государств в условиях глобализации. Иммиграционные процессы влекут за собой рост культурного разнообразия, однако необходимость общего ценностного базиса сохраняется.

Выступление политолога и журналиста *Н. Мейнерта*, представлявшего одновременно Финляндию (г. Хельсинки) и Эстонию (г. Таллин), было сосредоточено на ускользающей семантике термина «культурное меньшинство». В постсоветских странах (и в частности, в государствах Балтии) группы, формально подпадающие под понятие «культурное меньшинство», фактически таковым не являются. Это затрагивает как демографическую, так и социально-культурную сторону дела. Так, русские в Эстонии и Латвии не только составляют огромную долю среди жителей этих стран, но и выступают представителями культуры большого соседа – России. Данное обстоятельство определяет специфику отношения властей упомянутых государств к проблеме культурного разнообразия, во многом объясняя их болезненную сосредоточенность на «национальной интеграции».

Вторую сессию – «Правовые и политические аспекты проблемы культурного плюрализма» – открыл доклад профессора *К. Джоппке* (Американский университет в Париже) о возможности распространения на иммигрантов культурных прав, действующих в отношении национальных (этнических) меньшинств. Как показал докладчик, принцип недискриминации вступает в противоречие (и логически, и политически) с принципом прав меньшинств. Первый принцип основывается на допущении равенства индивидов и, соответственно, предполагает отвлечение от присущих им свойств (будь то этническое происхождение, религиозная принадлежность и т.д.). Второй принцип,

напротив, предполагает, что индивиды, будучи изначально членами того или иного коллектива, могут страдать от несправедливого обращения не как индивиды, а как члены коллектива (если данный коллектив является меньшинством). Иными словами, последовательное применение к ним принципа недискриминации, т.е. формального равенства, на практике означает как раз дискриминацию, фактическое неравенство в доступе к правам.

Это противоречие стало предметом специального изучения у целого ряда специалистов (в частности, у такого философа права, как У. Кимлика). При этом У. Кимлика предложил различение, которое Джоппке разделяет: меньшинства, населяющие территорию государства исторически (home based), или «коренные», и меньшинства, образуемые иммигрантами. Последние появились на данной территории на основе индивидуального и добровольного прибытия (тогда как первые не выбирали своего места жительства, будучи здесь рожденными, и образуемые ими коллективы носят исторический, а не ситуативный характер). Отсюда следует два вывода. Во-первых, права, действующие в отношении исторических меньшинств, не могут быть распространены на меньшинства, образуемые иммигрантами. Во-вторых, усвоение иммигрантами (точнее, активистами иммигрантских организаций) идеологии мультикультурализма (право на сохранение культурной самобытности) влечет за собой ряд неразрешимых проблем. Главная из них – несовместимость некоторых из поведенческих норм, принятых иммигрантами из исламских стран, с принципами либерализма.

Положения доклада К. Джоппке вызвали комментарии, диапазон которых охватывал как философско-правовые нюансы, так и прямое несогласие. В частности, Б. Цилевич (г. Рига, Латвия) высказал мысль, что дилемма – либо права индивида, либо права меньшинств – является надуманной, а Е. Деминцева (г. Москва) возразила тезису Джоппке-Кимлики о добровольном характере присутствия иммигрантов на территории западных либеральных демократий. Это тезис, по мнению российской исследовательницы, некорректен, поскольку дети иммигрантов не выбирали своего места жительства.

Присоединяясь к дискуссии, К.У. Шируп уточнил, что, когда мы употребляем понятие «интеграция», мы не должны упускать из виду, в каком значении оно выступает – как приспособление иммигрантов к определенным ожиданиям или как их полное включение в жизнь общества (т.е. как «социальное гражданство»).

Затем слово было предоставлено *Б. Цилевичу*, который осветил проблематику отношения «национальное государство vs. культурное разнообразие» с точки зрения участника законотворческого процесса. Будучи депутатом сейма Республики Латвия, докладчик является также членом одного из подкомитетов Европейского суда по правам человека Парламентской ассамблеи Совета Европы. По убеждению выступавшего, принцип равенства не противоречит принципу уважения различий. В этой связи Б. Цилевич предложил вниманию участников обсуждения пять пунктов: (а) права меньшинств – неотъемлемая часть прав человека; (б) концепция прав меньшинств дополняет концепцию прав человека; (в) права меньшинств – это индивидуальные права (хотя иногда они могут быть реализованы только коллективно); (г) главное в оценке положения меньшинств (т.е. реализации их прав) – принцип эффективного участия; (д) государствам принадлежит прерогатива определять, кто на их территории является меньшинством. При этом докладчик высказался в пользу того, чтобы подумать о включении в этот список принципа множественности идентичности. Но последний пока не получил закрепления в правовых документах.

В высшей степени полемически заостренным было выступление *А. Осипова* (Центр независимых исследований, г. Санкт-Петербург), поставившего под сомнение допущения, негласно считающиеся почти само собой разумеющимися среди части экспертного и журналистского сообщества. К числу таких допущений относится вера в то, что миграционная политика Российской Федерации носит ограничительный и репрессивный характер, а также в то, что дискриминационные действия российских властей в регионах имеют этническую мотивировку. Однако при более внимательном и менее предвзятом рассмотрении обнаруживается, что эта вера далеко не всегда соответствует действительности. При этом А. Осипов не отрицает роли культурно-этнических категорий в формулировании отношения общества к иммиграции. Но роль этих категорий заключается не столько в том, что они служат средством описания феномена иммиграции, сколько в том, что они используются для конфигурации дискуссионного поля, на котором идут разговоры об иммиграции.

В рамках третьей сессии – «Интеграция иммигрантов как теоретическая концепция и социальная практика» – было заслушано два доклада: Е. Деминцевой (Институт Африки РАН, г. Москва) и В. Мукомеля (директор Центра этнополитических и региональных исследований; Институт социологии РАН, г. Москва). *Е. Деминцева*, опираясь на собственные социологические опросы, показала динамику представлений современного французского общества и государства относительно смысла понятия «интеграция». Если два десятилетия назад коммуникация между принимающим населением Франции и приезжими из стран Магриба носила односторонний характер, то в настоящее время ситуация меняется. И среди «коренного населения», и среди выходцев из иммигрантской среды (в основном это так называемое «второе поколение иммигрантов») растет уверенность в том, что полноправное членство в нации не означает отказа от культурной идентичности, связанной с происхождением. Иными словами, французы перестают понимать под интеграцией иммигрантов их ассимиляцию и смотреть на новоприбывших как на пассивный объект административных процедур.

В. Мукомель сосредоточился на «культурных» (точнее, социально-психологических) препятствиях на пути интеграции трудовых мигрантов в российское общество. Источник этих пре-

пятствий, по мнению докладчика, следует искать не только и не столько в (ложных) установках иммиграционной политики властей, сколько в предубеждениях и предрассудках массового сознания.

Четвертая сессия – «Мигранты как субъект социального действия» – открылась презентацией *Е. Тюрюкановой* (директор Центра миграционных исследований; Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН) «Трудовые мигранты из стран СНГ в России: параллельное общество?» В определенном отношении доклад продолжал мысли, высказанные В. Мукомелем, хотя акцент был смещен с социально-психологических на политические и институциональные факторы. Опираясь на солидную эмпирическую базу, Е. Тюрюканова продемонстрировала, что в нашей стране сформировался такой тип взаимоотношений между принимающей стороной и иммигрантами, который с необходимостью порождает маргинализацию и изоляцию последних. Докладчица обратила также внимание на изменения в структуре иммиграционного притока в Россию. Эти изменения касаются: (а) расширения географии иммиграции, (б) снижения уровня образования приезжих, (в) снижения языковой компетенции. Если первые волны трудовой миграции из республик бывшего СССР в Российскую Федерацию несли с собой относительно хорошо образованных и владеющих русским языком людей, то в последние годы к нам приезжает все больше работников, социализация которых происходила в постсоветских условиях. Это обстоятельство накладывает на государство и общество принимающей страны дополнительную нагрузку, к которой те, к сожалению, пока не готовы.

С большим вниманием был встречен доклад *О. Бредниковой* (Центр независимых социологических исследований, г. Санкт-Петербург) «Перекраивая городской ландшафт: как иммигранты преобразуют городскую среду». Будучи представителем качественных методов в социологии, О. Бредникова провела немало времени, изучая жизненные стратегии и повседневность трудовых мигрантов из Средней Азии в Санкт-Петербурге. Результаты ее наблюдений во многом расходились с представлениями о «понаехавших», которым мы обязаны журналистам и телевизионным комментаторам. Ряд выводов доклада вызвал дискуссию. Так, О. Бредникова делала упор на «номадической» психологии трудовых мигрантов в сегодняшней России. А коль скоро постоянное жительство в России не входит в их намерения, речь может идти лишь о временной миграции. На это ряд участников (В. Малахов, Б. Цилевич) возразили, что субъективные интенции агентов социального действия и объективные обстоятельства – не одно и то же. Мигранты могут сколь угодно долго лелеять мечты относительно своего будущего возвращения в страну исхода, однако, как показывает опыт мигрантов в Западной Европе, этого может никогда не произойти.

Заседания второго дня работы конференции были посвящены двум темам: постсоветскому опыту нациостроительства и России как иммиграционному государству. *Е. Абдуллаев* (Программа развития ООН в Узбекистане, г. Ташкент) сосредоточил свое выступление на влиянии миграционных процессов (в данном случае – эмиграции) на процесс государственно-национального строительства в Узбекистане. На сегодняшний день граждане этой страны выезжают на заработки либо в Казахстан, либо в Россию. Другие регионы (например, Китай) лежат пока вне поля их зрения. Почему? И как долго это продлится? Ответ на второй вопрос вытекает из ответа на первый. Что же касается вопроса о причинах географических предпочтений узбекских мигрантов, то докладчик полагает, что дело здесь не столько в знании языка (они часто очень слабые), сколько в сохраняющемся социокультурном пространстве, переживае-

мом как «постсоветское». Поэтому от того, насколько устойчивым окажется это переживание (а значит – в какой мере будет воспроизводиться общее социокультурное пространство), и зависит будущее направление иммиграционных потоков из Узбекистана.

В выступлении *С. Румянцева* (директор Центра социальных исследований «Новатор», г. Баку, Азербайджан) была поднята, на первый взгляд, та же тема, что и в предыдущем докладе. Но если Е. Абдуллаев был занят преимущественно социально-психологическими и социокультурными аспектами «нациостроительства», то С. Румянцева интересовала в первую очередь политическая составляющая этого процесса. Государственность в современном Азербайджане, как и во многих постсоветских странах, не является устойчивой и не ощущается таковой ни властью, ни населением, утверждал докладчик. Нацию – в данном случае азербайджанскую – еще необходимо сконструировать. С. Румянцев сфокусировался на анализе того, кто выступает агентами такого конструирования и каковы те инструменты, которыми эти агенты располагают. Основной агент – это, разумеется, бюрократия. Инструменты в их распоряжении – государственная машина статистики и специальные органы, созданные правительством с целью мобилизации «азербайджанской нации» (например, Консультативный комитет по работе с диаспорой). Азербайджанская нация воображается как очень многочисленная (более 50 млн человек). В ее состав включается не только население сегодняшнего Азербайджана (около 8,4 млн), но и еще четыре десятка миллионов человек по всему миру, имеющих азербайджанское происхождение. Таким образом, получается, что более четырех пятых нации проживают в «диаспоре». У азербайджанской нации, в том виде, как она воображается политическим классом Республики Азербайджан, две точки сборки: противостояние «мировому армянству» и глорификация Г. Алиева (отца нынешнего президента и бывшего лидера, руководившего республикой еще в советское время). Других возможностей консолидировать население у властей нет. Отсюда и проистекает их обращение к политике «диаспоры».

Проблемы адаптации таджикских мигрантов в России стали предметом выступления *С. Олимовой* (Академия наук Республики Таджикистан, г. Душанбе). Как показала докладчица, основные проблемы с их адаптацией связаны с трудностями правового характера (сложные процедуры регистрации, коррупцион-

ные ожидания работников правоохранительных органов); занятостью в теневом секторе экономики; низким уровнем зарплат и, соответственно, невозможностью привезти семью; плохим знанием (или незнанием) языка, а также отсутствием социальных гарантий. Со сходными проблемами сопряжено и присутствие в России армянских иммигрантов, о чем говорил в своем выступлении *А. Сакунц* (руководитель Ванадзорского офиса Хельсинкской гражданской ассамблеи, г. Ванадзор, Армения). При этом особое внимание было уделено процедурам прямой и косвенной дискриминации, объектами которой часто оказываются выходцы из Армении в Москве и других российских городах.

Выступление *И. Савина* (директор НПО «Диалог», г. Чимкент, Казахстан) было посвящено ксенофобиям и этнофобиям принимающего населения по отношению к иммигрантам. *М. Фадеичева* (Институт философии права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург) в докладе «Нация и популяция: этнополитические стратегии Российской Федерации» отстаивала тезис, согласно которому без гражданского самосознания и гражданской солидарности никакое общество (российское в том числе) не достойно называться нацией, а представляет собой всего лишь популяцию, подобную тем, что населяют мир животных.

Завершением и, в известном смысле, кульминацией работы конференции стал круглый стол. Перед его участниками были поставлены четыре блока вопросов, по каждому из которых принимались заявки на короткие выступления. Первый блок касался методологических оснований обсуждения проблематики «национальное государство и культурный плюрализм, порождаемый иммиграцией»; второй – сравнимости постсоветской (и, в частности, российской) ситуации с западной, третий – нормативных, и наконец, четвертый – политико-практических аспектов проблематики. В выступлении *В. Воронкова* (директор Центра независимых социологических исследований, г. Санкт-Петербург) шла речь о сомнительности теоретических подходов, которые говорят о социальной реальности из перспективы власти и потому предпосылают описанию реальности готовые схемы. Гораздо более продуктивным подходом, по убеждению В. Воронкова, является такой, который исходит из жизненного мира агентов социального взаимодействия. Применительно к иммигрантам это означает, что социолог должен не навязывать им собственные категории, а обращаться к смыслам, которыми оперируют сами иммигранты. Ход рассуждений В. Воронкова был подхвачен *С. Румянцевым*, который обратил внимание на некорректность употребления таких схем описания, как «настоящие мусульмане», «жесткие мусульмане» и т.п. Всякий раз, когда позиция наблюдателя (социолога, «мигрантоведа») формулируется как позиция власти, наблюдатель, во-первых, впадает в грех высокомерия по отношению к своему объекту («они», «мусульмане», «черные» и т.д.), а во-вторых, не замечает того, что принимает категории статистики за категории социального действия.

Теоретико-методологические аспекты были затронуты в комментариях других участников дискуссии. В частности, *М. Фадеичева* обратила внимание на проблематичность использования категории «диаспора» применительно к иммигрантам вообще и к иммигрантам в постсоветских странах в особенности. Так, взгляд на этнических узбеков, долгое время живущих на Урале, как на членов «узбекской диаспоры» в России неверно расставляет акценты. Эти люди – члены местного сообщества (и в социальном, и в политическом, и, в значительной мере, в культурном плане), а не представители иностранного государства в России.

А. Алунд сосредоточилась на роли институтов, обеспечивающих реальное инкорпорирование иммигрантов в общество принимающей страны (образование,

здравоохранение, судебная система и т.д.). Реальная включенность иммигрантов имеет место только тогда, когда эти институты работают (например, когда индивид может подать жалобу в суд или получить достойное образование). В противном случае «интеграция» – не что иное, как идеология.

Нельзя сказать определенно, услышал ли *К. Джоппке* в рассуждениях С. Румянцева и А. Алунд инвективы в свой адрес, но он построил свои комментарии вокруг отличий между западной и российской ситуациями, связанных с иммиграцией. Если в Европе на момент массового притока иммигрантов правовое государство уже существовало, то в постсоветской России соответствующие институты либо отсутствовали, либо не «работали», полагает К. Джоппке. Кроме того, в Европе после 1945 года не осталось неоконченных проектов нациостроительства, тогда как на постсоветском пространстве множество проектов именно такого рода. После разгрома нацистского режима национализм в Европе в такой степени делегитимизирован, что пересмотр национально-государственных границ больше не стоит на повестке дня. На территории бывшего СССР подобной делегитимации не произошло, что ведет к попыткам завершить «неоконченные» проекты формирования наций, а это, в свою очередь, влечет за собой дополнительные сложности с проблемами иммиграции.

Тема совместимости различных национальных контекстов восприятия иммиграции и обращения с проблемами, с нею связанными, была подхвачена в комментариях *Н. Мейнерта*. Он, в частности, обратил внимание на разные значения, вкладываемые в одни и те же понятия в странах Западной и Восточной Европы («государство», «национальность», «гражданство» и т.д.).

Нормативных аспектов проблематики иммиграции коснулся *Б. Цилевич*. Он отметил, что права человека дефинируются в международных документах как «универсальные», однако, как показала Венская встреча 1993 года, ряд государств Азии отвергают это притязание на универсальность, указывая на «западное» происхождение данного концепта. Негласные допущения, лежащие в его основе, – индивидуализм и сутяжничество. Но отнюдь не все общества зиждутся на этих допущениях. Поэтому, в известных пределах, допустим и даже желателен правовой плюрализм, т.е. применение различных механизмов регулирования в различных ситуациях.

Наконец, политико-практические аспекты проблемы «государство и иммиграция» стали предметом размышлений *А. Осипова*. Он, в частности, говорил об ограниченности социальной инженерии. Одно дело – схемы, на которые ориентированы бюрократия и экспертное сообщество. Другое дело – правила, по которым живут реальные люди. Кроме того, А. Осипов коснулся такого вопроса, как сложность управления значениями понятий, обусловленная вовлеченностью проблематики иммиграции в политический контекст. Сколь бы исследователи ни пытались продемонстрировать неуместность одних и уместность других категорий, бюрократия, тем не менее, навяжет свои категории. Так, в случаях, когда явно имеет место проблема дискриминации, чиновники (и связанные с ними эксперты) ведут разговор о «межнациональных отношениях», «мультикультурализме», «толерантности». И наоборот, обсуждение той или иной ситуации может идти в терминах этнической дискриминации, тогда как в этой ситуации имеют место отношения другого рода (например, рутина бюрократических практик).

По итогам работы конференции планируется издание книги.

Владимир Малахов,
доктор политических наук,
директор Центра изучения проблем
гражданства и идентичности,
ведущий научный сотрудник ИФ РАН

Российское и украинское общество: тенденции развития

23 июля 2009 года в Киеве состоялся украинско-российский семинар, посвященный сравнительному анализу современного состояния обществ двух стран. Именно сравнительный анализ дает ключ к пониманию фундаментальных причин, затрудняющих процессы модернизации России и Украины и их полноценного перехода от посттоталитарного к правовому, демократическому государству.

С кратким импульс-докладом на указанную тему выступил *Э. Паин* (профессор ГУ – ВШЭ, научный руководитель московского офиса Института Кеннана). Он отметил, что Институт Кеннана оказался едва ли не единственной организацией на всем постсоветском пространстве, позволяющей обществоведам двух стран периодически встречаться и обмениваться мнениями об общих и особенных чертах развития украинского и российского общества. Такие встречи (они в последнее время проходят как минимум ежегодно, а в 2009 году состоялись уже дважды) позволяют хотя бы отчасти преодолеть искажения образа Украины, которые преобладают в российских СМИ. Да и в Украине ощущается дефицит достоверной информации о России. К сожалению, обществоведы двух стран сегодня меньше интересуются сопоставлением положения дел в соседних странах, чем сравнительным анализом своих обществ с западными. Между тем сравнительный анализ российского и украинского обществ важен не только для лучшего взаимопонимания, но и для самопознания. Он позволяет понять природу той исторической инерции, в плену которой, пусть в разной мере, находятся Россия и Украина.

В качестве теоретической основы для понимания этой инерции докладчик предложил использовать концепцию патримониальных режимов, выдвинутую еще в начале XX века М. Вебером, а затем развитую Г. Ротом, Ш. Эйзенштадтом, М. Макфолом, М. Афанасьевым, М. Масловским и др. В Украине весьма успешно эту концепцию разрабатывает харьковский политолог Александр Фисун, активный участник российско-украинских встреч 2008–2009 годов. Именно А. Фисун первым выдвинул идею использования термина «неопатримониализм» для анализа постсоветских политических режимов.

Концепция неопатримониализма исходит из того, что современные политические институты (парламент, многопартийность, избирательный процесс и другие) в постсоветских странах выполняют всего лишь роль легитимного фасада для патримониального режима. В таких условиях в постсоветских странах, за исключением Балтии, сложился политический климат имитационной демократии, при котором основные политические процессы формируются и запускаются в жизнь не столько в публично-политической сфере, сколько в недрах исполнительной власти. Последняя, располагая наибольшими возможностями использования административных, финансовых и информационных ресурсов, способна в течение длительного времени навязывать обществу свою волю.

Сама патримониальная бюрократия формируется не столько на основе отбора бюрократов по деловым качествам, сколько по принципу преданности патрону. Соответственно, она и действует исходя не столько из буквы и духа закона, сколько из интересов патрона, да и персональных корыстных интересов самих патримониальных чиновников, преданность которых покупается раздачей прибыльных должностей. В таких условиях коррупция выступает не просто следствием режима, но и его содержанием. Еще Вебер указывал, что присвоение служебного положения приводит к «утрате чиновничеством своих бюрократических функций». Иными словами, патримониальный чиновник перестает быть государственным служащим, поскольку государственные и общественные интересы подменяются его личными или корпоративными. Теряет смысл оценка его действий в терминах национальных интересов как во внутренней, так и во внешней политике.

При патримониальном режиме реальная украинская многопартийность не выступает столь уж важным признаком, радикально отличающим политический климат в Украине от российского, при котором оппозиционные партии в парламенте, да и во всей публичной политике и вовсе отсутствуют. Ведь и в Украине взаимоотношения партий и исполнительной власти прямо противоположны канонам западных демократий. Не государственно-административные институты зависят от партий, а партии от них.

При такой системе и реальная свобода слова, достигнутая в Украине, в отличие от фрагментарно-очаговой в России, не является столь уж значимой. Свобода у слова есть, а вот политического влияния нет или его мало.

Патримониальные режимы устойчивы как Матрица. Они изменяются только в результате внутреннего раскола элиты или революции, которые тоже чаще всего являются всего лишь формой перераспределения власти между ячейками Матрицы. В ходе революции в Киргизии президента Акаева сверг Бакиев, бывший премьер-министр. А кто такой Ющенко? Премьер-министр президента Кучмы. А кто такой Саакашвили? Министр в правительстве свергнутого президента Шеварднадзе. По сути, и сегодня в украинской политике перетасовываются карты из одной и той же узкой колоды. В России же совсем беден выбор политических фигур, способных выполнять роль общенациональных лидеров.

Патримониальный режим содействует консервации во всех постсоветских государствах отчужденности граждан от участия в политике и правового нигилизма. Эти черты являются весьма характерными особенностями политической культуры посттоталитарного общества. Если нормы законов не интериоризованы (усвоены), а вдалбливаются насильно, то в таких условиях происходит отчуждение людей и от закона, и от власти. Поэтому необязательность исполнения закона – это характерная черта не только России, но и Украины.

Замена патримониального режима полноценной демократией должна стать, по мысли Э. Паина, сердцевиной политической повестки дня как в России, так и в Украине.

В ходе обсуждения импульс-долада участники семинара согласились, что одним из основных аспектов, в которых проявляется схожесть постсоветских государств, является проблема неуважения к закону.

К. Малеев (заместитель директора Исследовательского центра «Имидж-Контроль», г. Киев) и *С. Киселев* (доцент кафедры политологии Национального университета «Киево-Могилянская академия») отметили разные стороны отклонения постсоветской модели демократии от классической. Для развитых западных демократий естественным стало отношение к закону как к договору между членами общества, выполнение условий которого является обязательным для всех его сторон. В постсоветских же странах закон вос-

Дом с химерами. Киев

принимается как способ управления. Для власть имущих закон – это правила, придуманные ими для народа, не имеющие отношения к ним самим. Для населения закон – это нечто, навязанное сверху, а потому уважения не заслуживающее. Отсюда и общепринятая установка на обход закона, а не на его соблюдение и ориентация на власть при отсутствии уважения к ней.

С. Рымаренко (ведущий научный сотрудник отдела этнополитологии Института политических и этнонациональных исследований НАН Украины) подчеркнул, что возможно применение разнообразных теоретических подходов к анализу постсоветских политических режимов. Важно при этом, чтобы концепции адекватно отражали наиболее характерные черты политических режимов. Он сравнил их с акционерными обществами закрытого типа, в которых основные держатели акций придумывают хитроумные способы недопущения к управлению предприятием как миноритарных акционеров, так и особенно людей со стороны. Пока такие АО создают избыточные преграды для полноценного участия общества в управлении государством или хотя бы для контроля над бюрократий в Украине.

Н. Амельченко (заведующая кафедрой политологии Национального университета «Киево-Могилянская академия») указала еще на одну важную и общую черту постсоветских режимов – слабость гражданского общества и гражданского самосознания. Отсюда же вытекает дефицит гражданской ответственности. Люди стремятся снять ответственность за социально-экономическое неблагополучие с себя и перевести его на некие враждебные силы. Эту функцию в современной Украине выполняет постколониальный синдром – ориентация на поиск внешнего врага за пределами страны. Доминирующей тенденцией как в политике, так и отчасти в обществе является стремление исключить Украину и украинцев из общей с Россией имперской истории, обвиняя во всех проблемах и бедах имперский центр. Откликаясь на это,

Э. Паин в своей реплике отметил, что колониальный синдром – полный аналог российских постимперских фобий. Если в начале 1990-х годов почти 3/4 россиян поддерживали идею: «Зачем искать врагов вовне? Враг внутри нас. Будем лучше работать – станем лучше жить», то в 2000-х такая же доля опрошенных связывала все проблемы россиян с внешними врагами, прежде всего теми, которые «развалили империю». Однако, несмотря на наличие имперских фобий и амбиций, говорить о России как о возрождающейся империи на данном историческом этапе нет оснований, поскольку внутриполитическая нестабильность и дезинтеграция субъектов федерации не оставляют России возможности существенно влиять на соседние страны, а следовательно, реальной опасности возрождения тоталитарной империи не существует.

Все украинские участники семинара отмечали, что, несмотря на общую историю и схожие тенденции современного развития, украинское общество все же заметно отличается от российского.

И. Жадан (заведующая лабораторией Института социальной и политической психологии Академии педагогических наук Украины), *В. Бойко* (директор Черниговского центра переподготовки и повышения квалификации работников органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных предприятий, учреждений и организаций) и *Ю. Бауман* (старший научный сотрудник отдела социальной философии Института философии НАН Украины) охарактеризовали разные стороны специфичности украинского социума. По их мнению, наиболее важным является то, что, в отличие от России, украинскому обществу удалось избежать кровопролития при решении своих политических конфликтов. Главными ценностями украинцы называют стабильность, порядок и благосостояние. Такие же ценности превалируют и в России. Зато далее среди приоритетных ценностей украинских граждан идут права человека и равенство перед законом, в России же эти ценности пользуются значительно меньшей поддержкой. Внешнеполитические ориентации и этнокультурные особенности для большинства украинцев не относятся к особо важным, а для россиян становятся все актуальнее и воспринимаются острее. Образ врага в сознании украинцев не связан с этничностью – их отношение к русским и россиянам остается стабильно позитивным, причем значительно лучшим, чем отношение россиян к Украине и украинцам (участники ссылались на данные Левада-Центра). Одновременно было отмечено, что в течение последних лет общеукраинская самоидентификация населения страны возрастает. Согласно данным социологических опросов, 50% жителей Украины идентифицируют себя прежде всего как ее граждане, 22% – как жители своего региона, 10% считают себя европейцами, 8% – советскими людьми и 8% связывают свою идентификацию с Россией. Довольно показательной иллюстрацией различий украинской и российской картины мира является выбор «великих украинцев» и «великих россиян». В России среди номинантов было 7 государственных деятелей, ученый, писатель и поэт, тогда как в Украине – 4 политика (причем два из них – оппозиционеры) и 6 деятелей науки и культуры.

В заключение участники семинара подчеркнули высокую значимость встреч и научных дискуссий между российскими и украинскими учеными. Ведь не секрет, что в обеих странах ощущается острый дефицит достоверной информации друг о друге. Обмен мнениями между учеными и экспертами способствует расширению научных знаний, более глубокому осмыслению процессов развития постсоветских государств, взаимопониманию и сотрудничеству наших народов.

Ярослав Пилинский,
кандидат филологических наук,
директор киевского офиса
Института Кеннана

Этнические мигранты в Москве

10 июня 2009 года в московском офисе Института Кеннана состоялась презентация книги «Иммигранты в Москве», подготовленная по итогам исследовательского проекта Института Кеннана «Социоэкономическая жизнь и культурный ландшафт Москвы под влиянием этнических миграций». Проект был выполнен Центром миграционных исследований под руководством Ж.А. Зайончковский. Книга выпущена московским издательством «Три квадрата».

Авторы, Ж.А. Зайончковская, О.И. Вендина, Н.В. Мкртчян, Е.В. Тюрюканова и В.Г. Гельбрас, рассказали собравшимся об основных идеях своей книги.

По мнению *Ж.А. Зайончковской*, главное, что удалось сделать участникам проекта, – это показать, что потенциал развития Москвы далеко не исчерпан. Нет объективных оснований для того, чтобы ожидать прекращения ее роста в ближайшие 20 лет. Ведь на территории России не просматривается дублера, который мог бы оттянуть на себя значительную часть функций Москвы. Даже Санкт-Петербург не конкурент Москве. Он дополняет ее, главным образом в культурном отношении, по выполнению пограничных функций, по линии международных морских связей, но другие системы коммуникаций развиты в «северной столице» значительно меньше, чем в Москве. «Нам удалось показать, что Москва в новое время приобрела второе дыхание благодаря мобилизации таких новых факторов, которые влияют на развитие городов, как частная собственность, рыночные отношения и открытость миру. В советское время невозможно было добиться полной реализации потенциала Москвы как центра страны».

Работая в контексте урбанистической тематики Института Кеннана, который пытается делать акценты на положительном влиянии миграции на развитие обществ, авторы старались выявить то позитивное воздействие, которое миграция оказывает на российскую столицу. Например, в книге приводятся данные о том, что Москва в течение всего XX столетия, а не только в новое время развивается благодаря миграции. «Более того, – отметила Ж.А. Зайончковская, – среднегодовой миграционный приток в 90-е годы не вышел за рамки того среднегодового притока, который был характерен для Москвы в течение каждого десятилетия, начиная с 20-х годов, за исключением военных лет. То есть тенденция роста Москвы не претерпела изменений, и мы поддерживаем проектировки нового генплана Москвы, который нацеливает Москву до 2020 года на 11–12 млн человек плюс 4 млн временных мигрантов».

При этом авторы высказываются в пользу не временных мигрантов, а тех, которые если и не станут гражданами России, то хотя бы оформят вид на жительство на несколько лет. Ведь временные мигранты менее производительны и за счет их эксплуатации происходит растрата квалификационных навыков и опыта.

Книга развеивает популярные мифы о переполненности Москвы трудовыми мигрантами. Без них, убеждены авторы, экономика столицы просто бы встала.

«Если бы мы завтра выселили трудовых мигрантов или прекратили их приток, мы бы просто не доехали на работу. Мы бы снова жили в грязных, замусоренных дворах и никогда не могли бы обеспечить такие темпы строительства, какие мы наблюдаем в сегодня в Москве», – сказала Ж.А. Зайончковская.

Благодаря такой позиции, разделяемой всеми участниками проекта, они вступают в полемику с мэром Москвы, который утверждает, что если платить хорошую зарплату, то можно нанять собственных работников. В книге доказывается, что это невозможно. А если ограничивать приток в столицу иностранной рабочей силы, то это грозит тем, что Москва соберет молодое трудоспособное население почти из всей России. «Уже сейчас ареал тяготения Москвы охватывает не только центральную Россию, но и все волжские районы вплоть до Урала, и мы уже можем сказать, что в миграционном отношении Сибирь начинается с Волги», – считает Ж.А. Зайончковская. По мнению авторов, этой тенденции, безусловно, нужно противостоять. Но не за счет того, чтобы тормозить рост Москвы, мощнейшего локомотива российской экономики, а за счет того, чтобы обеспечивать такой приток мигрантов в Московский столичный регион, который необходим для развития экономики и рационального функционирования рынка труда.

Конечно, авторы далеки от того, чтобы думать, что они раскрыли в книге всю современную проблематику развития Москвы. Более того, по их признанию, проект поставил множество новых вопросов, нуждающихся в осмыслении и дальнейшем исследовании. Например, о том, что такое «большинство» и «меньшинство». Рассуждая о мигрантах, принято использовать именно эти категории. «Но ведь есть такой город, как Казань, где половина русских и половина татар. И нет никакого большинства. Есть целый ряд городов мира, где сожительствуют три равноценные этнические группы, находящиеся в своем культурном поле. Понятие большинства оказывается относительным. Интерпретируя наши результаты, мы не можем объяснять их только с позиции большинства, к которому меньшинства должны так или иначе приспосабливаться», – полагает *О.И. Вендина* и задается следующим вопросом: можно ли считать меньшинством представителя любой нерусской национальности, рожденного в Москве, социализировавшегося здесь? С точки зрения социологии он меньшинством не является. В гораздо большей степени меньшинством будет человек из российской глубинки, в первый раз оказавшийся в городе и лишенный здесь всяких контактов. А ведь сегодня статистика объединяет этнические и миграционные меньшинства в единую группу, что позволяет журналистам запугивать общество сокращением русского большинства и резким ростом меньшинств. Недостаточно обращаться только к количественным методам исследования, необходимо стремиться к пониманию глубинных процессов, происходящих в обществе, – таков, по мнению О.И. Вендиной, один из важнейших результатов проекта. Темой для дальнейших исследований может также стать взаимосвязь экономического роста и развития городов. Ведь в условиях дискриминации мигрантов, обменивающих свое здоровье на зарплату, речь ни о каком развитии города идти не может, считает О.И. Вендина.

Еще один существенный вопрос, который выдвигает на повестку дня миграция, – соотношение культурного и социального капитала. «Мы привыкли рассматривать их как взаимодополняющие друг друга. – отметила О.И. Вендина. – Но в случае мигрантов мы явно наблюдаем конфликт социального и культурного капитала, потому что привносимый культурный капитал разрушает сложившийся социальный капитал. Это очень острый конфликт. При этом мы не знаем, как правильно реагировать на него. Это касается изме-

нений в системе образования, системе социализации, это касается этнических школ, московской идентичности».

Авторы убеждены в том, что книга найдет своего читателя, но вот согласятся с их позицией, наверное, не все. Точка зрения, изложенная в ней, противоречит, в первую очередь, взглядам официального московского истэблишмента. Сегодня политика Москвы жестко ограничительная по отношению к мигрантам, можно сказать, силовая. Но той силы, которая может остановить миграцию в Москву, просто нет. Кроме того, эта политика противоречит интересам развития города. Если она не изменится, мигранты превратятся во «второе общество», во многом живущее параллельной жизнью; будет происходить сегрегация населения по районам города. Обо всем этом говорит мировой опыт. И Москва семимильными шагами идет по пути других крупных городов мира. Эти процессы уже начались: скоро и у нас будет свой Гарлем и китайский квартал. Сегодняшняя политика в отношении мигрантов только усиливает их исключенность из общества.

Один из подзаголовков книги спрашивает: «Где взять терпимость?» Это очень серьезный вопрос. Пока ни одна из стран не может похвастаться тем, что нашла на него ответ и подошла к решению проблемы толерантности по отношению к приезжим. И мы здесь еще в привилегированном положении: к нам приезжают мигранты из стран, имеющих с Россией общее прошлое. Многие знают русский язык (правда, все хуже и хуже). По мнению *Е.В. Тюрюкановой*, эту терпимость нужно искать в здравом смысле, в рациональном подходе. Ведь Москва не может жить без мигрантов.

В поле зрения трех статей в книге находятся три этнические группы мигрантов, отличающихся как своим генезисом, так и ролью в столичном социуме. Это китайцы, таджики и афганцы. Говоря о китайцах, *В.Г. Гельбрас* обратил внимание на необходимость разработки более гибкой миграционной политики, которая открывала бы дорогу к интеграции, прежде всего китайцам, получившим образование в России. К сожалению, автор исследования по таджикам и афганцам *Т.Д. Иванова* не смогла присутствовать на презентации. В книге она раскрывает трудное положение таджиков в Москве и заостряет внимание на проблеме легализации афганцев, которая вот уже почти 20 лет не находит решения.

Как отмечается во введении к книге, «магнетизм города – это верный индикатор его здоровья, успешного развития. Москва растет не потому, что сюда “все рвутся”. Наоборот, сюда рвутся, потому что растущая экономика создает емкий и разнообразный рынок труда, хорошие возможности для заработков и карьеры». Это и является истинным импульсом роста города, тогда как миграция – лишь его следствием.

Екатерина Алексеева,
ответственный секретарь редколлегии «Вестника Института Кеннана в России»

Календарь событий весны – лета 2009 года

Семинар 27–28 марта, г. Нижний Новгород

Кризис и модернизация

В семинаре принял участие *Андрей Макарычев*, член Совета Товарищества выпускников Института Кеннана, начальник научного отдела Волго-Вятской академии государственной службы

Совместно с Московской школой политических исследований

Семинар 4–5 апреля, г. Нальчик

Институциональные препятствия модернизации: между мифами и реальностью

В семинаре принял участие *Суфьян Жемухов*, представитель Товарищества выпускников Института, член Координационного совета адыгских общественных организаций Кабардино-Балкарии

Совместно с Московской школой политических исследований

Круглый стол 7 апреля, г. Москва
ВГБИЛ

Особый путь России. Размышления о его предопределенности

Основой для обсуждения стала книга *Эмиля Паина* «Распутица: полемические размышления о предопределенности пути России»

Ведущие – Екатерина Генриева, генеральный директор ВГБИЛ,
Андрей Сорокин, генеральный директор издательства РОССПЭН

Совместно с ВГБИЛ и благотворительным фондом «Институт толерантности»

Круглый стол

9 апреля, г. Москва
Горбачев-Фонд

Россия и США: как мы видим друг друга

Леон Уоскин, директор Агентства США по международному развитию в России; *Дмитрий Тренин*, директор Московского центра Карнеги; *Блэр Рубл*, директор Института Кеннана; *Лев Гудков*, директор Левада-Центра; *Сэм Грин*, заместитель директора Московского центра Карнеги; *Элизабет МакКеон*, глава представительства Фонда Форда в Российской Федерации; *Федор Лукьянов*, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»

Ведущие – Ольга Здравомыслова, исполнительный директор Горбачев-Фонда, Эмиль Паин, научный руководитель московского офиса Института Кеннана

Совместно с Горбачев-Фондом

Встреча

13 апреля, г. Москва
ресторан «Русское зарубежье»

Ежегодная встреча выпускников Института Кеннана

Круглый стол

26 мая, г. Москва
ИНСОР

Социокультурные особенности российской модернизации. Сбылись ли прогнозы Дж.Ф. Кеннана?

Александр Асмолов, директор Федерального института развития образования; *Александр Аузан*, президент Института национального проекта «Общественный договор»; *Андрей Блохин*, советник ИНСОР; *Александр Будберг*, газета «Московский комсомолец», член правления ИНСОР; *Александр Гагуа*, советник председателя Государственной думы Федерального собрания РФ; *Евгений Гонтмахер*, член правления ИНСОР; *Сэм Грин*, заместитель директора Московского центра Карнеги; *Лев Гудков*, директор Левада-Центра; *Леокадия Дробижева*, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН; *Игорь Дубов*, заведующий лабораторией Психологического института; *Илья Кукулин*, литературный критик, старший научный сотрудник Московского гуманитарного педагогического института; *Алексей Левинсон*, руководитель отдела социокультурных исследований Левада-Центра; *Мария Майофис*, редактор журнала «Новое литературное обозрение»; *Борис Макаренко*, ИНСОР; *Вадим Межуев*, главный научный сотрудник Института философии РАН; *Александр Оболонский*, профессор ГУ – ВШЭ; *Эмиль Паин*, профессор ГУ – ВШЭ, научный руководитель московского офиса Института Кеннана; *Светлана Пестрякова*, доцент кафедры националь-

ных и федеративных отношений РАГС; *Абрам Рейтблат*, редактор журнала «Новое литературное обозрение»; *Кирилл Рогов*, политический обозреватель, сотрудник Института экономики переходного периода; *Александр Рубцов*, руководитель Центра исследования идеологических процессов Института философии РАН

ведущий – Игорь Юргенс, председатель правления ИНСОР

Совместно с Институтом современного развития

Презентация книги 10 июня, г. Москва
московский офис Института Кеннана

Иммигранты в Москве

Жанна Зайончковская, директор по науке Центра миграционных исследований; *Ольга Вендина*, ведущий научный сотрудник Центра геополитических исследований Института географии РАН; *Никита Мкртчян*, старший научный сотрудник Института демографии ГУ – ВШЭ; *Елена Тюрюканова*, директор Центра миграционных исследований, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН; *Виля Гельбрас*, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, профессор Института стран Азии и Африки МГУ

Совместно с Центром миграционных исследований

Семинар 20–21 июня, Московская область
Учебный центр «Валентиновка»

Толерантность как норма глобального мира и готовность постсоветских обществ к ее освоению

Вступительно слово, *Саша Тамм*, руководитель Московского бюро Фонда Фридриха Науманна; «Толерантность как условие этнополитической интеграции (мировой и российский опыт)», *Эмиль Паин*, профессор ГУ – ВШЭ, научный руководитель московского офиса Института Кеннана; «Толерантность в постсоветских демократиях: возможности, модели, перспективы», *Александр Фисун*, профессор кафедры политологии философского факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина; «Совет Европы и межкультурный диалог», *Евгения Росинская*, директор Информационного офиса Совета Европы в России; «Миграционные вызовы и формирование толерантности в Украине», *Ярослав Пилинский*, директор киевского офиса Института Кеннана; «Исайя Берлин: либерализм, индивидуализм и толерантность. К 100-летию со дня рождения», *Наталья Рубинштейн*, эссеист, литературный и театральный критик, сотрудница Русской службы «Би-Би-Си»; «Современные методы социальной работы с детьми и молодежью в условиях культурного разнообразия: практика Украины и Германии», *Ирина Жданова*, руководитель социальных программ Аналитического центра «Открытая политика»; «Украинское общество: интолерантность как “искупление” граждан-

ского конформизма?», *Анатолий Круглашов*, профессор, заведующий кафедрой политологии Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича

Ведущие – Екатерина Гениева, генеральный директор ВГБИЛ, директор благотворительного фонда «Институт толерантности»;
Эмиль Паин, научный руководитель московского офиса Института Кеннана

Совместно с благотворительным фондом «Институт толерантности», Московским бюро Фонда Фридриха Науманна и ВГБИЛ

Семинар 23 июля, г. Киев

Российское и украинское общество: тенденции развития

Наталия Амельченко, доцент, заведующая кафедрой политологии Национального университета «Киево-Могилянская академия»; *Юрий Бауман*, старший научный сотрудник отдела социальной философии Института философии НАН Украины; *Владимир Бойко*, директор Черниговского центра переподготовки и повышения квалификации работников органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных предприятий, учреждений и организаций; *Ирина Жадан*, заведующая лабораторией Института социальной и политической психологии Академии педагогических наук Украины; *Сергей Киселев*, доцент кафедры политологии Национального университета «Киево-Могилянская академия»; *Эмиль Паин*, профессор ГУ – ВШЭ, научный руководитель московского офиса Института Кеннана; *Ярослав Пилинский*, директор киевского офиса Института Кеннана; *Сергей Рымаренко*, ведущий научный сотрудник отдела этнополитологии Института политических и этнонациональных исследований НАН Украины

Совместно с киевским офисом Института Кеннана

Совет Товарищества

Журавлева Виктория Ивановна
к.и.н., доцент кафедры мировой политики и международных отношений Российского государственного гуманитарного университета
г. Москва

Красиков Анатолий Андреевич
председатель, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН,
руководитель Центра социально-религиозных исследований
г. Москва

Курилла Иван Иванович
д.и.н., заведующий кафедрой зарубежной истории и мировой политики Волгоградского государственного университета
г. Волгоград

Макарычев Андрей Станиславович
д.и.н., профессор,
начальник научного отдела Волго-Вятской академии государственной службы
г. Нижний Новгород

Малинова Ольга Юрьевна
д.филос.н., ведущий научный сотрудник отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН
г. Москва

Глубокое погружение (Deep dip)

Лариса Валериевна Дериглазова,
кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики исторического факультета Томского государственного университета,
Former Fulbright-Kennan Scholar

Моя стажировка в Институте Кеннана по Программе Фулбрайта закончилась в конце августа этого года, и написание статьи представляет отличную возможность подвести итоги и выразить благодарность сотрудникам Института и Центра Вудро Вильсона за незабываемые полгода интенсивного интеллектуального общения и погружения в американскую культуру и общество. Это не первое мое длительное пребывание в США, в 1994–1996 годах я училась по магистерской программе в университете Нотр Дейм, штат Индиана, по специальности «изучение проблем мира». Однако быть студентом-магистрантом и исследователем в одном из ведущих мировых научных центров в столице США – это, как говорят в Одессе, «большая разница».

Тема, над которой я работала, посвящена концептуализации асимметричного конфликта в американской историографии. Основой концепции явилась война США во Вьетнаме, что объясняет количество книг по так называемым «урокам Вьетнама», которые я изучала. В современной американской литературе концепцию асимметричного конфликта применяют для анализа войн в Афганистане и Ираке, где вооруженные силы США и их союзников ведут борьбу против негосударственных акторов (статусная асимметрия), и основной формой борьбы являются террористические и партизанские стратегии (асимметрия стратегий). Кроме публикаций, анализирующих ход военных действий, отношение политиков, военных и простых американцев к этим

войнам, я также имела исключительную возможность посещать слушания в Конгрессе, посвященные этим проблемам, а иногда и задать вопрос в кулуарах выступавшим. Мне повезло, что моя стажировка пришлась на весну-лето этого года, когда новая администрация Б. Обамы начала реализацию предвыборных обещаний о завершении войны в Ираке. В Конгрессе активно обсуждалось положение в Ираке, заслушивались отчеты Контрольной палаты США о расходовании средств, принимались важные решения в отношении стратегий в Ираке и Афганистане. Благодаря общественному телевизионному каналу E-Span, я могла посмотреть некоторые слушания в Конгрессе и выступления экспертов.

Прохождение стажировки в Вашингтоне позволяло также посещать мероприятия, посвященные данным проблемам, в ведущих исследовательских центрах – самом Центре В. Вильсона, Институте Брукингса, Институте мира, Атлантическом совете. Среди звезд первой величины, мнение которых о ходе военных действий в Ираке и американской стратегии мне довелось услышать, можно назвать советника по национальной безопасности генерала Дж. Джонсона; начальника объединенных штабов М. Муллена; бывшего сотрудника администрации Дж. Буша Р. Хааса, автора книги «Война по необходимости, война по выбору: воспоминания о двух иракских войнах»; неофициального советника по стратегиям антипартизанской войны в Ираке, австралийского военного и аналитика Д. Кулкулена; главного инспектора по Ираку С. Бовена. Учитывая также, что ситуация не является статичной, можно было наблюдать возникающие прямые или опосредованные дискуссии между участниками дебатов о настоящем и будущем политики США в этом регионе. Так, в мае я слушала оптимистическое выступление М. Муллена в Институте Брукингса об успехе стратегии США в Ираке и возможности переноса этого опыта в Афганистан. Перед самым отъездом в конце августа генерал Муллен в телевизионном интервью без победной улыбки и энтузиазма был вынужден отвечать на вопросы о причинах резкого ухудшения положения дел как в Ираке, так и в Афганистане. Возможность наблюдать все эти коллизии создавала ощущение причастности к истории.

Изучение проблемы завершения войны в Ираке также показало важный аспект американской политики – достаточно открытый и многоуровневый процесс принятия решений, включая вопросы внешней политики и национальной безопасности. Посещая слушания в Конгрессе, презентации в мозговых трестах Вашингтона, я нередко думала о том, возможно ли с такой же легкостью попасть на заседания комитетов в Госдуме РФ и в аналитические центры, в которых выступают официальные лица высокого ранга.

Другая часть моего исследования состояла в попытке провести сравнительный анализ, для которого я выбрала опыт Великобритании в период распада империи после окончания Второй мировой войны. Благодаря уникальной возможности получать книги из Библиотеки Конгресса непосредственно в Центр В. Вильсона, я смогла поработать с большой подборкой опубликованных британских документов, посвященных распаду империи и политики в колониях, выходящих из-под контроля, и литературой британских и англоязычных авторов. Сама библиотека Центра В. Вильсона и Института Кеннана представляет собой хорошее сочетание классических и новых текстов по истории и политике послевоенного периода, документов, разнообразных статистических, энциклопедических и справочных изданий. Причем, что скажет любой исследователь, особая прелесть библиотеки заключается в том, что книги и журналы выставлены в открытом доступе и есть возможность пользоваться библиотекой практически круглосуточно

с единственной просьбой (!) от библиотекарей – не выносить книги, не отметив их на свое имя.

Говоря о возможностях проведения исследования в Центре В. Вильсона, также необходимо сказать несколько слов о людях, которые работают в его библиотеке. Это всего три человека, которые обеспечивают непрерывный поток книг как внутри Центра, так и из Библиотеки Конгресса и по межбиблиотечному абонементу. Библиотека обладает также обширной электронной базой данных, проводником в лабиринте которых является Джанет Спайкс – не только знаток этих коллекций, но также энтузиаст и интеллектуальный гуру, которая готова оказать помощь в поиске необходимой информации, надо только к ней обратиться. Для моего исследования была очень полезной база данных архива по национальной безопасности США. Любой поход в библиотеку давал также возможность обменяться шуткой с ее сотрудниками, которые, обрабатывая ежедневно десятки, если не сотни заказов на книги, умудряются находиться в хорошем настроении.

Другая важная составляющая пребывания в Институте Кеннана – активная интеллектуальная, политическая, социальная и культурная жизнь Центра В. Вильсона. Ежедневно здесь проходят многочисленные семинары, презентации, конференции. Иногда пробегая глазами еженедельно рассылаемый график мероприятий, приходилось делать нелегкий выбор и стремиться соблюсти баланс между желанием посетить интересное мероприятие и необходимостью работать над своим проектом. Говоря о мероприятиях, которые наиболее мне запомнились, стоит назвать малую форму семинара Института Кеннана, где ученые представляют результаты или промежуточные стадии своего исследования. Так как специализацией Института является Россия и постсоветское пространство, то большая часть проектов так или иначе связана с настоящим и прошлым этого региона. Семинар объединяет как американских ученых, так и приезжих, что позволяет сверять наши знания о США с американскими коллегами, а американским ученым – услышать голос «объектов исследования». В целом, такой формат удачно сочетает два существенных требования любого исследования – не говорить глупости об изучаемом предмете и не «изобретать велосипед».

Для меня особенно интересными показались два проекта. Исследование Синтии Хупер было посвящено проблеме террора внутри советской системы – госаппарата и силовых структур в 1920–1960-е годы. Проект направлен на выявление соотношения социально-определенного и личного выбора людей участвовать в чистках, поиске врагов внутри системы. Работа построена на архивных материалах, что не только делает ее достоверной, но и позволяет реконструировать пласт советской истории, к которому не так активно обращаются российские исследователи. Кроме того, это проект стоит рассматривать в более широком контексте изучения логики и механизмов социального контроля, выводы которого можно экстраполировать для понимания событий вне изучаемого времени и страны.

Проект Хезер Дехаан был посвящен истории деятельности американской кампании «Остин» по планированию и строительству «социалистического города» для автозавода в Нижнем Новгороде. Проект воссоздает идеалистические представления о городе будущего с особой социальной структурой и соответствующим ей архитектурным воплощением и показывает, как это было реализовано в действительности. Исследование Хезер интересно потому, что 1920-е годы – это время социальных и архитектурных экспериментов во многих странах мира, и участие американской компании в разработке и строительстве такого проекта в СССР представляло собой отступление от идеологического восприятия США как капиталистической цитадели, где все

ориентированы только на получение прибыли. Вместе с тем реализация проекта в условиях советской России показала наличие противоречий между декларациями и возможностями воплощения идеалов революционного преобразования. Работа опирается на архивные материалы, воспоминания участников событий, малотиражную прессу Автозавода, что позволило Хезер воссоздать атмосферу времени и места. Этот проект был интересен для меня также и потому, что я выросла в большом индустриальном городе Новокузнецке (Сталинске с 1932 по 1961 год), где была схожая попытка построить Сад-город, увековеченная В. Маяковским в стихотворении «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» звучной строкой: «через четыре года здесь будет город-сад». Я с детства помню это постоянное противоречие между вездесущей цитатой из классика и несовершенной окружающей действительностью.

Стоит отметить и проект Аддис Мейсон, которая изучает работы Белинского, Бакунина и Герцена. Само то, что есть американские ученые, которых волнуют идеи таких далеких и почти забытых в постсоветском пространстве мыслителей и которые читают их работы, письма на русском языке, вызывало неподдельное уважение. Было интересно также обмениваться впечатлениями об этих людях с человеком, которого не заставляли в школе и университете читать так много сочинений этих авторов. Совершенно неожиданно для себя я оказалась читателем известной на Западе книги Эдмунда Вильсона «К Финляндскому вокзалу», которая представляет собой биографические зарисовки о революционерах-мыслителях и практиках.

Крупным мероприятием Института Кеннана прошедшего сезона была конференция, посвященная пятнадцатилетию российской Конституции, на которой присутствовал М.С. Горбачев. Кроме выступлений, запомнилась история, рассказанная мне Робертом Литваком, о том, что М.С. Горбачев, отбиваясь от настойчивых обвинений бывшего соотечественника в совершении «самой крупной трагедии XX века – распада СССР», ответил, что, по его мнению, самой большой трагедией прошлого века была Октябрьская революция. Среди других мероприятий, организованных Институтом Кеннана, хотелось отметить выступления двух российских экспертов: Андрея Цыганкова о негативном образе России в США и Лилии Шевцовой о перспективах либерализма в России. Даже не соглашаясь с некоторыми тезисами выступающих, благодаря таким презентациям мы имели возможность обсудить эти проблемы со своими коллегами, услышать реакцию аудитории.

Кроме мероприятий Института Кеннана, мне были интересны мероприятия, организуемые программой по изучению международной безопасности (руководитель Роберт Литвак) и проектом по истории холодной войны (руководитель Кристиан Остерман). Помимо традиционной формы конференций, презентаций результатов исследований, мне очень понравились презентации новых книг. Большинство таких презентаций были авторскими с участием двух оппонентов, специалистов по теме книги, которые высказывали свое мнение о работе, ее сильных сторонах и недостатках. Такой формат – прекрасный пример профессиональной дискуссии, когда выступления оппонентов могут оказаться более увлекательными, чем авторская презентация. Среди наиболее ярких презентаций – обсуждение книги ведущего американского историка Вьетнамской войны Джона Прадоса «Вьетнам: история невыигранной войны, 1945–1975 годы» и книги английского историка Алистера Хорна «Киссинджер: 1973, решающий год».

Для меня полезной была и презентация книги Лоуренса Витнера об истории антиядерного движения в США, так как моя кандидатская диссертация была

посвящена американскому движению «Фриз» в 1980-е годы. У меня была возможность сверить верность моих заключений с мнениями автора и аудитории. Несколько удивил вопрос из зала о наличии советского влияния на антивоенные движение в странах Запада и порадовал однозначный отрицательный ответ автора книги о таком влиянии на движение «Фриз». Запомнилась презентация книги «National Security Mom: Why "going soft" will make America strong» аналитика по вопросам антитеррористической борьбы в ЦРУ и матери пятерых (!) детей, молодой и привлекательной Джины Беннет. Неожиданной являлась сама идея о важности учета несиловых факторов для обеспечения национальной безопасности США, озвученной ведущим специалистом ЦРУ, а также то, что Джина использовала в качестве иллюстраций аналогии с воспитанием своих детей. Книга получила высокую оценку известного специалиста по проблемам терроризма Брюса Хофмана, который был одним из ведущих дискуссии.

Еще одно мероприятие, оставившее сильное впечатление, было организовано Институтом Киссинджера Центра В. Вильсона, который специализируется на Китае. Темой конференции было будущее взаимоотношений США и Китая. Одновременно состоялась презентация книги «Сила и ограничения: совместное видение для американо-китайских отношений». Среди авторов книги, представивших свое мнение, были классики изучения международной политики Джозеф Най-младший и Грехэм Аллисон. Их выступления и блестящие ответы на вопросы вкупе с автографами на книге останутся надолго в памяти.

Хотелось сказать также несколько слов об условиях работы и общей атмосфере в Центре В. Вильсона. Являясь преподавателем университета, т.е. имея большую учебную и внеаудиторную нагрузку, я с огромной радостью окунулась в рутину исследовательской работы в идеальных, на мой взгляд, условиях: индивидуальное рабочее место с компьютером, Интернетом, принтерами, копирами; хорошая библиотека под рукой; возможность получать книги из Библиотеки Конгресса, не покидая своего рабочего места; ассистент; кафе, круглосуточная возможность приготовить кофе и чай, разогреть обед в микроволновой печи и, что актуально в 30–35-градусную жару в июне-августе, работающие кондиционеры. Кроме того, в Центре очень хорошая рабочая атмосфера, которую обеспечивает административный и академический штат сотрудников. Всех, с кем мне довелось общаться, объединяет дружелюбие, уважительное отношение при отсутствии иерархических предрассудков и безусловная поддержка.

С некоторыми учеными – соседями по этажу (Центр В. Вильсона занимает шесть этажей) у меня сложились дружеские отношения, например с Марго Бадран, ведущим специалистом по феминизму в исламских странах, и Бетти Коллиер-Томас, выдающимся историком и архивистом афроамериканского сообщества США. Общаясь с ними, можно было обнаружить, что жизнь и заботы ученых из США и России при больших различиях имеют много общего.

Центр В. Вильсона создает условия для неформального общения исследователей, чтобы «жители» разных этажей могли встретиться в расслабленной обстановке. Это знаменитый и популярный «социальный час», организуемый по пятницам с 16:00 до 17:00 с закусками и аперитивом. Пропустить такое событие можно, но гул голосов, раздающийся из кафе, будет напоминать об упущенных возможностях. Мне повезло с нашей группой стажеров Института Кеннана из России и Украины. Мы не только были рады ежедневно видеть друг друга на рабочем месте, но и встречались вне Центра, подружились семьями и совершили незабываемую поездку на курорт Вирджиния

Бич. Никакие проблемы, разделяющие наши страны, не портили наши отношения.

Центр В. Вильсона находится в самом сердце официального и культурного Вашингтона в нескольких минутах ходьбы от Белого дома и Конгресса, а также крупнейших комплексов: Национального мемориала, мемориалов Вьетнамской войне и войне в Корее и череды садов и музеев Смитсониевского института. По проспекту Конституции, на который можно выйти из Центра, проходят все парады, и мы стали свидетелями трех: в День Святого Патрика в марте, День памяти в мае и День независимости 4 июля с последующим фейерверком. В День памяти мы также увидели ежегодный парад байкеров, многие из которых являются ветеранами войны во Вьетнаме. На площади перед Центром В. Вильсона с июня по сентябрь ежедневно проводились концерты, и мы, выходя с коллегами на обед на свежем воздухе, имели возможность посмотреть и послушать разнообразные бесплатные представления от классического джаза и соула до рок-н-ролла и рэпа.

Так как грант Института Кеннана соединен с Программой Фулбрайта, то я и мои коллеги по программе смогли посетить большое количество мероприятий, организуемых столичным отделением Программы Фулбрайта. Это были незабываемые события: прием в честь выдающихся фулбрайтовцев в исторической аудитории Э. Меллона; прием в посольстве Швеции; джазовый концерт в музыкальном центре Бесезды; представление мюзикла «42-я улица» в Волф Трэп парке; поездка по фермам Мэриленда; прогулки под парусом на столетней яхте по заливу Чизапик и велосипедная прогулка по вечернему центру Вашингтона.

Вашингтон отличается от других американских городов тем, что является удобным для жизни и работы тех людей, у которых нет машины. В нем развита система общественного транспорта и есть, где ходить пешком, причем с удовольствием. Центр Вашингтона весной и летом представляет собой зеленую и постоянно цветущую череду парков, скверов и садиков, и если вы захотите прогуляться, надо просто выйти из Центра В. Вильсона и отправиться в любом направлении. Бегающие повсюду белки добавят идиллические нотки в эти прогулки. Среди ботанических чудес Вашингтона невозможно не сказать о цветении сакуры – событии, которое захватывает весь город и завершается фестивалем. Мне кажется, я никогда не видела такого количества счастливо улыбающихся людей, как в эти дни.

Во время одной из прогулок по садам центра города, мы с сыном обнаружили скульптуру Йоко Оно – живое дерево желаний. Каждый человек может загадать желание, написав его на картонной карточке и привязав к дереву с надеждой, что оно непременно сбудется. Разместив свое желание на ветке, я стала читать послания других людей. Среди написанных на английском просьб я нашла запись на русском языке от молодого человека из Томска, который очень хочет еще раз побывать в США.

Мое шестимесячное пребывание в Институте Кеннана закончилось ощущением того, что это было абсолютное «бинго!», как говорят американцы, т.е. стопроцентное попадание с точки зрения академической, социальной, культурной и эмоциональной. Единственное желание – это продолжать общаться и встречаться с людьми, с которыми я подружилась за это время, и возможность приехать с новым проектом.

Награды Центра Вудро Вильсона

1 октября 2009 года Институт Кеннана Международного научного центра Вудро Вильсона провел торжественный ужин, на котором чествовали Джорджа А. Кохона (George A. Cohon), учредителя фирм McDonald's Canada / McDonald's Russia и Михаила Пиотровского, директора Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург).

Подобные вечера организуются с 2006 года благодаря щедрым пожертвованиям Кэтрин У. Дэвис (Kathryn W. Davis) и ее семьи. На них люди, проявившие себя в деле развития корпоративного гражданства и служения обществу, могут явственно ощутить значимость своего вклада в развитие американо-российских отношений.

Михаил Швыдкой, специальный представитель президента РФ по международному сотрудничеству, зачитал перед собравшимися приветствие министра иностранных дел России Сергея Лаврова. В нем, в частности, говорилось: «Расширение двусторонних экономических и культурных связей между нашими странами и отдельными людьми укрепляет дружбу и взаимопонимание между народами России и Соединенных Штатов Америки. Сложно переоценить тот вклад, который внес в развитие этого процесса Михаил Пиотровский, ведущий деятель культуры и директор одного из крупнейших музеев мира. Со своей стороны Джордж Кохон сыграл ключевую роль в продвижении на российский рынок одного из основных символов американского образа жизни, модели быстрого, высококачественного обслуживания посетителей, ассоциирующейся у нас с McDonald's».

Михаилу Пиотровскому была присуждена награда Центра В. Вильсона «За служение обществу». Вслед за своим отцом Пиотровский стал директором всемирно известного Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Благодаря его решительному стилю руководства музею удалось успешно миновать этап экономических трудностей и расширить сферу своей деятельности. Приверженность идеям культурной дипломатии в отношениях с Соединенными Штатами позволила М. Пиотровскому включить в экспозиции музея больше произведений искусств из США и принять за последние несколько лет ряд выставок американских художников. Он сыграл важную роль в предоставлении материалов для выставок в США, таких как выставка, посвященная Чингисхану, в Хьюстонском музее естественных наук. Подобные экспозиции помогают американским гражданам больше узнать о евразийском культурном наследии. И наконец, работа М. Пиотровского в Фонде Государственного Эрмитажа (Hermitage Museum Foundation) способствует развитию культурных связей между музеем и американским народом. Несмотря на то, что г-н Пиотровский удостоен многочисленных наград и званий за рубежом, награда Центра В. Вильсона явилась первым важным свидетельством признания его заслуг в Соединенных Штатах.

Слева направо: Пол Родзянко, председатель Фонда Государственного Эрмитажа; Джордж Кохон; Михаил Пиотровский; Невил Исдел, председатель торжественного ужина, бывший председатель совета директоров компании Coca-Cola; Блэр Рубл, директор Института Кеннана

В своем выступлении М. Пиотровский припомнил многочисленные совместные проекты, которые Эрмитаж осуществлял с помощью крупнейших американских музеев. Он подчеркнул, что в области культуры отношения между нашими странами продолжаются и в «перезагрузке» не нуждаются. Со временем они все больше укреплялись, что привело к созданию атмосферы взаимного доверия, которая помогает осуществлению все более частых и важных обменов предметами искусства и культуры.

Джордж Кохон, получивший награду «За развитие корпоративного гражданства», родился в Чикаго и является основателем фирмы McDonald's Canada. В 1976 году во время проведения Олимпийских игр в г. Монреаль он познакомил членов советской делегации с представителями фирмы McDonald's. Эта встреча стала началом 14-летней одиссеи, которая завершилась открытием в Москве в 1990 году первого ресторана McDonald's. Тогда, в условиях затухания холодной войны, ошеломительный успех его внедрения в сердце Советской России был назван «дипломатией гамбургера». Сегодня McDonald's в России насчитывает свыше 220 ресторанов в более чем 50 городах. Число россиян, занятых в ресторанах, на перерабатывающих заводах и в корпоративных офисах фирмы, превысило 24,5 тыс. человек; более 100 тыс. человек получает работу от поставщиков компании. Именно поэтому в 2006 году Российская торгово-промышленная палата признала McDonald's Russia «Лучшим российским работодателем», а в 2007–2009 годах всемирная компания по обучению и отбору человеческих ресурсов Hewitt Associates удостоила ее звания «Лучшего работодателя Центральной и Восточной Европы». Дж. Кохон в 1995 году основал также Дом милосердия Роналда МакДоналда, который стал жизненно важным источником

М. Пиотровский и М. Швыдкой

помощи и утешения для детей с особыми потребностями и для их семей.

Принимая награду, г-н Кохон вспомнил о том, насколько долгим, иногда удручающим, а порой и юмористическим был процесс подготовки к открытию первого ресторана McDonald's в Москве. Александр Яковлев, бывший в то время послом Советского Союза в Канаде, сказал ему как-то: «Не сдавайся, Джордж, настанет день, когда идеология изменится». Пройдет несколько лет, и Михаил Горбачев назначит Яковлева ответственным за идеологию, и идеология действительно изменится. Дж. Кохон закончил свое выступление тем, что пригласил на сцену Карину Погосову, Татьяну Ясиновскую и Хамзата Хасбулатова. Все они начали свою карьеру в McDonald's – Хамзат был менеджером, а Карина и Татьяна – членами обслуживающего персонала. Теперь они занимают высокие посты в компании McDonald's Russia. Так, М. Хасбулатов стал президентом McDonald's в России и Восточной Европе. «McDonald's Russia является российской компанией, а эти три человека олицетворяют ее будущее», – сказал Дж. Кохон.

Вышли из печати

Публикация содержит материалы круглого стола, проведенного Институтом современного развития и московским офисом Института Кеннана 26 мая 2009 года. Предметом обсуждения являлись социокультурные особенности российской модернизации. Эксперты попытались дать в дискуссии ответы на следующие вопросы:

• какими признаками характеризуются устойчивые особенности российской модернизации;

• в какой мере российские особенности обусловлены культурными традициями русского и других народов России;

• могут ли эти «особенности» стать социальным и культурным капиталом модернизации, обеспечивая ей некую особую нишу и конкурентные преимущества в глобальном разделении труда.

В дискуссии приняли участие: А.Г. Асмолов, А.А. Аузан, А.А. Блохин, Е.Ш. Гонтмахер, С. Грин, Л.Д. Гудков, Л.М. Дробижева, Ю.Г. Дубов, И.В. Кукулин, А.Г. Левинсон, М.Л. Майофис, Б.И. Макаренко, В.М. Межуев, А.В. Оболонский, Э.А. Паин, А.И. Рейтблат, К.В. Рогов, А.В. Рубцов, И.Ю. Юргенс.

Социокультурные особенности российской модернизации. Дискуссия. *Москва, Экон-Информ, 2009. – 152 с.*

«Коломна» и «Суздаль» – очередные фотоальбомы Уильяма Брумфилда из серии «Открывая Россию / Discovering Russia», посвященной архитектурному и историческому наследию российских городов. Выпуск серии осуществляется издательством «Три квадрата» при поддержке Института Кеннана.

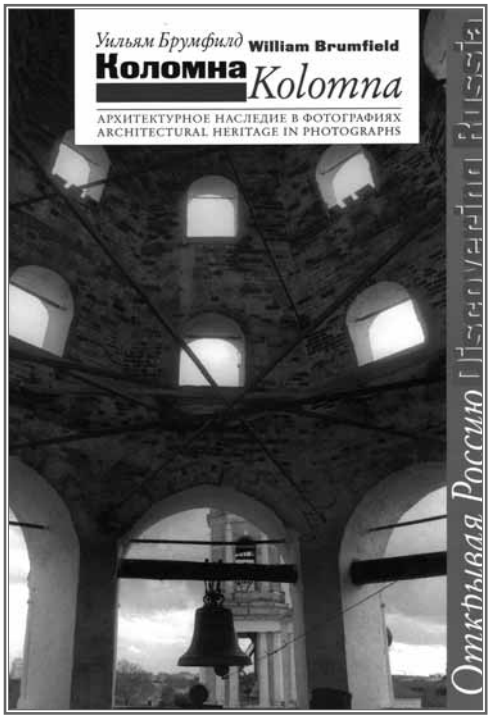
У. Брумфилд – ведущий американский специалист по российской архитектуре, профессор славистики Университета Тулейн (Новый Орлеан), почетный член Российской академии художеств и Российской академии архитектуры и строительных наук.

Издания предназначены как для специалистов, так и для людей, интересующихся краеведением, архитектурой и фотографией. Благодаря этим двуязычным фотоальбомам жители не только России, но и США смогут больше узнать о сокровищах российской культуры.

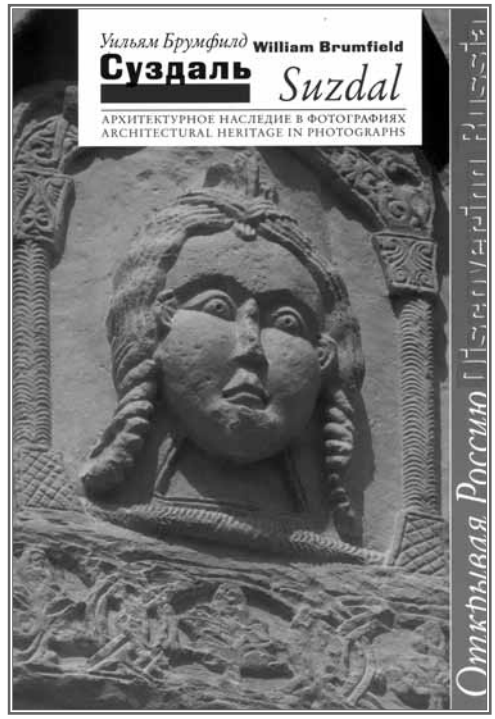
С 2005 года в серии «Открывая Россию / Discovering Russia» вышли в свет фотоальбомы: «Тотьма», «Иркутск», «Тобольск», «Соликамск», «Чердынь», «Каргополь», «Чита», «Бурятия», «Соловки».

Готовятся к печати: «Великий Устюг», «Сольвычегодск», «Торжок» и другие.

Издания можно приобрести в книжных магазинах или заказать по адресу:
Москва 125319, ул. Усиевича 9,
Издательство «Три квадрата»
Тел./факс: (495) 151-1833
Эл. почта: info@triquadrata.ru
Веб-страница: : www.triquadrata.ru



Уильям Брумфилд.
Коломна: архитектурное наследие в фотографиях.
Серия «Открывая Россию», вып. 10.
М.: Три квадрата, 2009. – 104 с.: ил., фот.



Уильям Брумфилд.
Суздаль: архитектурное наследие в фотографиях.
Серия «Открывая Россию», вып. 11.
М.: Три квадрата, 2009. – 104 с.: фот.

Summaries

Emil Pain
Tolerance as a Condition of Ethno-political Integration (World and Russian Experience)

The concept of tolerance, first developed by John Locke and Immanuel Kant, is now beginning to take on a quite different meaning and is used as a metaphor for a new way of thinking that has not yet been well outlined in theory, but is felt to be a vitally important condition for maintaining global peace. The concept is becoming more diverse, but at the same time more fragile, more dependent on processes that occur in any one individual country. The world economic crisis that began in 2008 proved that dysfunction occurring in one country of the world could immediately cause a short circuit in the entire international political system.

Within nation states, conditions for the survival and stable development of tolerance play a similar role. The fact that representatives of different nations, races, and religions can coexist over a long period of time within a single state, and that historical processes lead to the consolidation of people (i.e., urbanization), cannot by themselves be regarded as a sufficient precondition for the development of tolerance. The transformation of tolerance into a personal value and a norm common to all humankind is possible only if a person or group of people intentionally influence the situation. Tolerance must be constructed under certain socio-political conditions and by employing efficient psychological and social technologies. The author of the article presents a theoretical approach to this task.

Leokadia Drobizheva
Tolerance and Integration Problems in Multicultural Societies

In studying interactions between people of different ethnic groups, both in the USSR and in the post-Soviet space, the author proceeds from the conviction that, despite all the day-to-day difficulties, peaceful coexistence between citizens belonging to different cultures and religions should not be seen either as a thing of the past, or as some unrealistic future project. There is therefore a great need for concrete regional studies to clarify the process by which real intercultural contacts are formed against a background of general social, economic, and political contexts.

The article is devoted to the fairly important and in many ways successful study of interactions between different cultures in the city of Bolshoi Sochi. It contains the results of research on identity and ethnic interrelations in this region that was carried out in 2008-2009 under the author's supervision. The research focused on the process of integration – that is, facilitating the inclusion of people from different cultures into the social structure, into relationships with neighbors and friends, and into the network of common cultural standards – language, behavioral norms, and political relations.

Vladimir Mukomel'
Xenophobia and Violence in Russia: Modern and Forthcoming Challenges

Nowadays a mood of xenophobia has permeated all layers of Russian society. Russians have an extremely negative attitude towards the prospect of integrating migrants into the larger community, and the majority of respondents support restrictive policies. Nevertheless, for numerous, especially demographic and socio-economic reasons, the mass influx of migrants into Russia appears to be inevitable. The author shows that this could become a serious challenge for the country, unless it manages to provide adequate adaptation and integration mechanisms for migrants. The social exclusivity of migrants poses a threat to the stability of society itself.

Vladimir Mukomel' examines some fundamental problems that complicate the realization of an integration policy, such as the lack of public consensus on a strategy for Russian development; the lack of institutions to grapple with the problem of xenophobia; the lack of instruments for coordinating the interests of various actors involved in integration policy; and, finally, the inefficiency of institutions involved in the process of migrant socialization. The author points to the need for a well thought-out and transparent policy of opposition to intolerance, leading to acceptance of a corresponding government program, and the establishing of public control over social and political institutions whose responsibility it is to combat xenophobia.

Anatoly Kruglashov
Ukrainian Society: Intolerance as Payment for Civil Conformism

Ukrainian society has not been fortunate enough to avoid entirely the growth of intolerance that characterizes the post-Soviet space as a whole. Examining ethnic relations in Ukraine, the author highlights the main trends of the Ukrainian case. Ethnic intolerance and tolerance are to some degree associated with the passivity and conformity of the Ukrainian citizenry. Lacking self-sufficiency and self-awareness, many Ukrainians are vulnerable to xenophobia. In comparison with Russia, Ukraine's elite does not dare to openly manipulate hatred towards either outsiders or ethnic minorities. At the same time, state institutions as well as NGOs are not entirely effective in withstanding the growing pressure of new migration and the other ethnic challenges and threats now confronting Ukraine.

Konstantin Dyakonov
Immigrant Integration Policy in France: Ideology and Practice

Russian experts are becoming increasingly interested in issues relating to the integration of a large influx of immigrants into a multi-ethnic and multi-religious society. Learning more about Western approaches to such problems enables Russian scholars to be more circumspect and sensible when using foreign experience to predict and substantiate political measures in Russia. The scholars are primarily interested in the experience of the USA, a traditionally "immigrant" country. The European experience, though no less interesting, is less widely known.

The author focuses on the "French model" of integration. How efficient can an integration policy be that employs, in theory and in practice, the ideology of civil nationalism? What strategies does the French government choose in order to successfully integrate immigrants from the former French Muslim colonies into French society? In tackling

these questions the author relies mainly on the work of French and Russian experts, as well as on his own probing interviews with French sociologists and political scientists.

Aleksandr Fisun
Post-Soviet Policy as a Neo-patrimonial Process

The development of global democratization processes has provoked a new wave of transitions not only towards democracy, but also to various forms of authoritarianism. The multiple paradoxes in the end results of democratic transformations in post-Soviet states not only disprove the idea that socio-political processes have a linear nature, but also present a serious challenge for modern socio-political theory. What is the nature of non-liberal regimes in the post-Soviet space, and what are the main principles and driving forces that enable them to function?

In searching for answers to these questions the author refers to existing works in the fields of contemporary political sciences, macro-historical sociology and neo-institutional analysis that convincingly demonstrate the importance of rational bureaucratic transformation processes and the formation of state-building systems capable of curbing the appetite of political elites and creating minimal conditions for successful democratization. Building on the ideas of M. Weber, Sh. Eisenstadt and others, Aleksandr Fisun proposes a thesis on the neo-patrimonial nature of post-Soviet transformations.

Aleksandr Obolonsky
The Moral Collapse of Geo-Policy and Alternative Civilizational Paradigms

The ideology of Machiavellianism was the dominant norm of political behavior and practice until the second half of the 20th century. However, the tragic experience of totalitarianism and two world wars grounded in Machiavellian policies to a great extent exhausted both the ideological potential of and "justification" for such policies. It was acknowledged that the vitality and legitimacy of a political system depend largely on the ability of public institutions and top officials to meet the requirements of the dominant social values and ideals, and to correspond to norms of public morality.

In Russia, due to the country's specific historical experience, the "moralization of policy" began quite late and was barely noticeable. According to the author, in the 2000s the country has experienced a renaissance of Machiavellianism. The national administrative system is acquiring more and more military and bureaucratic features that might lead to the limitation of human interests and rights. The author argues that Russia's tragedy proceeds from its inability to switch from a system-centered path of development (i.e., where priority is given to the interests of the system as a whole) to a person-centered path (in which the interests and rights of the individual have priority), and notes that it has had several opportunities to do so in the past. Obolonsky nevertheless believes that there is no civilizational prohibition in Russia against such a transformation in the future.

A Discussion on "The Role of Textbooks in Forming Mutual Representations of Russians and Americans"

"Vestnik" publishes the proceedings of a discussion that took place during the launch of a collection of essays entitled: "Russia and the United States: Mutual Representations in Textbooks". Publication was made possible through the financial support of the

Kennan Institute. The book stimulated leading Russian historians, political scientists and sociologists to discuss what form the ideal textbook should take, and how it should interpret the past and present of its country of publication as well as the past and present of other countries and peoples.

Yuri Baturin
An Unrealized Opportunity: Americans and Russians Together on the Moon

Forty years ago, on July 20, 1969, US astronauts were the first people to land on the Moon. The author writes about the interesting, but little-known political events preceding that memorable day. Back in 1961 President John F. Kennedy and Soviet leader Nikita Khrushchev considered the possibility of a joint US-Soviet piloted expedition to the Moon. Influential powers inside both countries opposed cooperation in a manned lunar program, despite the fact that conditions were already ripe for such an undertaking.

Dmitry Shvidkovsky
Moscow's Architectural Scene

At the beginning of the 20th century Moscow was one of the most beautiful cities in the world and was regarded as a single, unified monument of Russian and world art. How has Moscow's artistic image changed since that time? What tragedies have played out on its vast architectural stage? How does it look to us today and what aspect might it take on tomorrow? Dmitry Shvidkovsky, Rector of the Moscow State Institute of Architecture, searches for answers to these questions.

Приглашаем авторов к сотрудничеству

Редакция будет признательна авторам, которые пришлют статьи для следующего выпуска «Вестника» (№ 17, весна 2010) до 1 марта 2010 года.

Принимаются материалы объемом не более 40 тыс. знаков (с пробелами) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает справку об авторе, в которой указывается фамилия, имя и отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, адрес, телефон, факс, адрес электронной почты. Автор должен указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с государственным стандартом и расположены в конце текста в порядке следования. Примеры:

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, 1995. С. 281.
2. *Шахов М.О.* Проблемы взаимоотношений старообрядчества с современным миром // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М., 1998. С. 10.
3. *Hamilton G.H.* The Art and Architecture of Russia. Baltimore: Penguin Books, 1975. P. 180–182; *Brumfield W.C.* Gold in Azur: One Thousand Years of Russian Architecture. Boston: David R. Godine, 1983. P. 227–333.
4. *Найман А.* Русская поэма: четыре опыта // Октябрь. 1996. № 8. С. 131.

Решение об опубликовании материалов принимается редколлегией. Редакция оставляет за собой право на литературную правку и изменение заглавия статей.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА КЕННАНА В РОССИИ
№ 16 / 2009

Адрес редакции: Москва, ул. Волхонка, 14, комн. 527,
РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными
в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции: 123001, Москва, а/я 90
Тел./факс: (495) 232-34-96 Электронный адрес: kennan.moscow@gmail.com

Сдано в набор 16.11.2009 Подписано в печать 18.11.2009 Формат 80x100/18 Объем 7,85 усл.п.л.
Тираж 750 экз. Печать офсетная Заказ № А095766
Отпечатано в типографии «Инсайт Полиграфик»
Ленинские горы д.1, строение 77, офис 402
Эл. почта: info@insight.ru